РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Премьер-президентская система правления как тип полупрезиденциализма: основные характеристики и особенности функционирования

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ
Туристическая привлекательность российских регионов: коррупция имеет значение?

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Отношение россиян к режиму самоизоляции в условиях коронавирусной инфекции

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ
Структурные, экономические и образовательные факторы научной результативности российских университетов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА
Социальный кризис в контексте государственного управления: концептуально-терминологический анализ

№ 3 (70)
2021

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 3 (70) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Чевтаева Наталия Геннадьевна – *Уральский институт управления – филиал РАНХиГС*

Балынская Наталья Ринатовна – *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова*

Хайнс Джеффри – *Лондонский университет Метрополитен* (Великобритания)

Гаррисон Елена – *Университет Монтаны* (США)

Костина Наталия Борисовна – *Уральский институт управления – филиал РАНХиГС* (Екатеринбург, Россия)

Любовный Владимир Яковлевич – *Всероссийская Академия внешней торговли* (Москва, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова* (Москва, Россия)

Грей Патрик – *Лондонский университет Метрополитен* (Великобритания)

Ростовская Тамара Керимовна – *Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН* (Москва, Россия)

Силин Яков Петрович – *Уральский государственный экономический университет* (Екатеринбург, Россия)

Скаво Кармин – *Восточно-каролинский университет* (США)

Скоробогацкий Вячеслав Васильевич – *Уральский институт управления – филиал РАНХиГС* (Екатеринбург, Россия)

Багирова Анна Петровна – *Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина* (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – *Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации* (Санкт-Петербург, Россия)

Ли Минюэ – *Чжуннаньский университет экономики и права* (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Трушков Дмитрий Игоревич – *Уральский институт управления – филиал РАНХиГС* (Екатеринбург, Россия)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПЕРЕВОДА:

Пирожкова Ирина Сергеевна – *Уральский институт управления – филиал РАНХиГС* (Екатеринбург, Россия)

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF:

Natalia G. Chevtaeva – *Ural Institute of Management – branch of RANEPA* (Ekaterinburg, Russia)

Natalya R. Balynskaya – *Nosov Magnitogorsk State Technical University* (Magnitogorsk, Russia)

Jeffrey Heinz – *London Metropolitan University* (Great Britain)

Helen Harrison – *University of Montana* (USA)

Natalia B. Kostina – *Ural Institute of Management – branch of RANEPA* (Ekaterinburg, Russia)

Vladimir Ya. Lyubovny – *Russian Foreign Trade Academy* (Moscow, Russia)

Igor N. Molchanov – *Lomonosov Moscow State University* (Moscow, Russia)

Patric Grey – *London Metropolitan University* (Great Britain)

Tamara K. Rostovskaya – *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences* (Moscow, Russia)

Yakov P. Silin – *Ural State University of Economics* (Ekaterinburg, Russia)

Carmine Scavo – *East Carolina University* (USA)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – *Ural Institute of Management – branch of RANEPA* (Ekaterinburg, Russia)

Anna P. Bagirova – *Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin* (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – *Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia* (Saint Petersburg, Russia)

Li Mingyue – *Zhongnan University of Economics and Law* (China)

TECHNICAL SECRETARY:

Dmitry I. Trushkov – *Ural Institute of Management – branch of RANEPA* (Ekaterinburg, Russia)

HEAD OF TRANSLATION DEPARTMENT:

Irina S. Pirozhkova – *Ural Institute of Management – branch of RANEPA* (Ekaterinburg, Russia)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **08.00.05** – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); **08.00.10** – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки); **22.00.08** – Социология управления (социологические науки); **23.00.02** – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

Материалы журнала размещаются:

– на офиц. сайте: http://journal-management.com/
– на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (ID: 37595)
– в открытой библиотеке CyberLeninka.ru
– в ЭБС «Лань»
– в библиотеке «ЛитРес»

Подписной индекс – 66020.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific publications, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: **08.00.05** – Economy and management of the national economy (by industries and spheres of activity) (Economical Sciences); **08.00.10** – Finance, money circulation and credit (Economical Sciences); **22.00.08** – Sociology of management (Sociological Sciences); **23.00.02** – Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

Журнал индексируется:

Registry of Open Access Repositories

© Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Радун И.Н.
Премьер-президентская система правления как тип полупрезиденциализма: основные характеристики и особенности функционирования — 6

Блинова О.А., Горбунова Ю.А.
Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы — 20

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Мухаметов Р.С., Чиркин Д.Ю.
Туристическая привлекательность российских регионов: коррупция имеет значение? — 36

Сандоян Э.М., Егиазарян А.Б., Восканян М.А., Галстян А.Г., Григорян Г.А.
Великая депрессия 1929–1933 гг.: становление подходов к макроэкономическому регулированию в условиях кризиса — 49

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Ваторопин А.С., Лату М.Н., Гараева Э.И.
Отношение россиян к режиму самоизоляции в условиях коронавирусной инфекции — 62

Пастухова Е.Я., Мухачёва А.В., Кочнева О.П.
Уровень, динамика, факторы абсолютной и относительной бедности: региональный аспект — 80

Шарин В.И., Вахмянина А.В.
Видение студентами университета причин и способов преодоления коррупции — 93

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Сандлер Д.Г., Гладырев Д.А.
Структурные, экономические и образовательные факторы научной результативности российских университетов — 107

CONTENTS

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

Radun I.N.
Premier-presidential system of government as a type of semi-presidentialism: main characteristics and features of functioning — 6

Blinova O.A., Gorbunova Yu.A.
Political communication strategies of young people in the digital space: possible outcomes — 20

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Mukhametov R.S., Chirkin D.Yu.
Tourist attractiveness of Russian regions: does corruption matter? — 36

Sandoyan E.M., Egiazaryan A.B., Voskanyan M.A., Galstyan A.G., Grigoryan G.A.
The Great Depression of 1929–1933: development of approaches to macroeconomic regulation during crisis — 49

SOCIAL MANAGEMENT

Vatoropin A.S., Latu M.N., Garaeva E.I.
Attitude of the Russians to self-isolation regime caused by the COVID-19 pandemic — 62

Pastukhova E.Ya., Mukhachyova A.V., Kochneva O.P.
Rates, dynamics, and factors of absolute and relative poverty: regional aspect — 80

Sharin V.I., Vakhmyanina A.V.
Students' view on the causes of corruption and ways to eliminate it — 93

CORPORATE MANAGEMENT

Sandler D.G., Gladyrev D.A.
Structural, economic and educational factors of scientific efficiency of Russian universities — 107

Шуклина Е.А., Широкова Е.А.
Управление образовательными практиками работников серебряного возраста в организации: исследовательские подходы и актуальные стратегии **121**

Мортиков В.В.
Роль бюджетных ограничений в управлении персоналом организации **135**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Овчаров А.О., Овчарова Т.Н.
Социальный кризис в контексте государственного управления: концептуально-терминологический анализ **149**

Басова С.Н., Сидорова Н.П., Торопова Т.А.
Цифровые решения тайм-менеджмента в органах государственной власти **162**

Shuklina E.A., Shirokova E.A.
Management of educational practices of the "third age" employees in organization: research approaches and strategies **121**

Mortikov V.V.
The role of budget constraints in human resources management of organization **135**

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

Ovcharov A.O., Ovcharova T.N.
Social crisis in the context of public administration: conceptual and terminological analysis **149**

Basova S.N., Sidorova N.P., Toropova T.A.
Digital solutions for time management in the state government bodies **162**

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-6-19 ВАК: 23.00.03

ПРЕМЬЕР-ПРЕЗИДЕНТСКАЯ СИСТЕМА ПРАВЛЕНИЯ КАК ТИП ПОЛУПРЕЗИДЕНЦИАЛИЗМА: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

И.Н. Радун[a]

[a]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Введение. Выбор оптимальной системы правления является одним из важнейших вопросов в процессе развития любого государства. Институциональный дизайн политической системы не только обуславливает специфику распределения власти в треугольнике «президент – правительство – парламент» и отвечает за характер взаимоотношений между ними, но также оказывает влияние на вектор режимной трансформации, определяет степень стабильности и эффективности аппарата управления.

Цель. Выявить и проанализировать основные характеристики и особенности функционирования премьер-президентской системы правления, определить её преимущества и недостатки (уязвимости).

Методы. На основе комбинации системного, политико-правового и сравнительного методов исследованы универсальные признаки полупрезиденциализма и посредством анализа их различных модификаций определены отличительные характеристики и особенности функционирования премьер-президентской республики.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении такого феномена, как премьер-президенциализм, в определении системообразующих признаков, характеризующих его в качестве одного из самостоятельных типов полупрезиденциализма, а также в фиксации политических условий, подрывающих устойчивость данной системы правления.

Результаты. К числу уникальных характеристик премьер-президентской системы правления отнесены следующие модифицированные свойства полупрезиденциализма: реальное воплощение дуалистического (разделенного) характера исполнительной власти; ограниченное институциональное влияние президента на формирование и деятельность правительства; политическая ответственность кабинета министров перед парламентом. Главные «сильные стороны» премьер-президенциализма: сбалансированное распределение исполнительно-распорядительной власти за счет её институциональной деконцентрации; снижение политической цены и привлекательности президентского мандата; неноминальная и нефиктивная подотчетность правительства перед представительной властью. Обозначены два потенциальных неблагоприятных сценария функционирования премьер-президентской системы правления: во-первых, конфликтное и антагонистическое сосуществование разнопартийных президента и премьер-министра (как следствие – политическая дестабилизация и дисфункциональность государственного аппарата), во-вторых, установление одной элитной группой контроля над ключевыми политическими институтами (возможный результат избыточной концентрации власти – авторитаризация политического режима).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: премьер-президентская система правления, премьер-президенциализм, полупрезидентская система правления, полупрезиденциализм, дуализм исполнительной власти, политическая ответственность правительства.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Радун И.Н. (2021). Премьер-президентская система правления как тип полупрезиденциализма: основные характеристики и особенности функционирования // Вопросы управления. № 3. С. 6–19.

© Радун И.Н., 2021

Введение

Институциональный выбор и его конституционное оформление являются важнейшими общественно-политическими процессами, которые не только обуславливают архитектуру властных институтов, объем их полномочий, характер отношений, но также оказывают влияние на вектор режимной трансформации, на перспективы долгосрочной стабильности политической системы и эффективность аппарата управления. В данной работе под системой правления понимается совокупность институтов и социально-политических практик, устанавливающих процедуры и правила формирования, организации, взаимодействия высших органов управления, а также ответственных за выработку и реализацию формулы распределения политической и административной власти.

В отечественном и зарубежном научном сообществе сформирован обширный комплекс теоретических и прикладных исследований, в фокусе внимания которых оказываются признаки, специфика функционирования, типологизация и страновые особенности различных систем правления. Особое внимание уделяется анализу содержания, практике функционирования и разновидностям полупрезидентской системы правления. Существенный вклад в разработку проблематики полупрезиденциализма внесли представители зарубежной институциональной политологии, в том числе М. Дюверже, Х. Линц, Р. Элджи, М. С. Шугарт, Дж. Кэри, Т. Седелиус, О. Процик. Среди отечественных специалистов необходимо отметить О. И. Зазнаева, Н. А. Борисова, А. А. Маркарова, А. Н. Медушевского, М. А. Краснова, О. Г. Харитонову.

Как отмечает А. А. Маркаров, повышенный интерес к полупрезиденциализму объясняется «пролиферацией» этой системы правления [1, с. 34]. После крушения просоветских режимов в Центральной и Восточной Европе, а также распада СССР в большинстве государств этих макрорегионов был установлен тот или иной тип полупрезидентской системы правления. Исследователи получили богатый фактический материал, позволяющий выявить закономерности, оценить эффективность, проследить различные траектории развития политических сообществ, построенных на базе полупрезиденциализма. Исследование практики функционирования полупрезидентских систем показало, что эта форма правления может иметь несколько вариаций, наиболее типичными из которых являются президентско-парламентская и премьер-президентская республика [2].

Обращение к анализу теоретических и практических аспектов, характеризующих премьер-президентскую систему правления, представляется оправданным в силу дефицита в российской политической науке исследовательского внимания к данному феномену, что проявляется в недостатке научных трудов, рассматривающих как общие концептуальные проблемы премьер-президенциализма, так и конкретные страновые кейсы. Актуальность данной темы подкрепляется тем, что институциональный выбор части постсоветских политий был сделан в пользу премьер-президентской системы правления, поэтому опыт этих стран может оказаться востребованным в контексте определения возможных направлений трансформации политических институтов современной России.

Феномен премьер-президентской системы правления невозможно рассматривать вне его «родового» понятия – полупрезиденциализма. Поэтому в первой части статьи фиксируются базовые признаки полупрезидентской формы правления, а также разбираются свойственные для них модификации, обусловленные разными типами президентства, моделями дуализма исполнительной власти и способами обеспечения политической ответственности правительства. Предметом второй и третьей частей работы является анализ институциональных характеристик и политических условий функционирования премьер-президентской республики. Рассматриваются недостатки и уязвимости данной модели организации власти.

Полупрезиденциализм: базовые признаки и их модификации

Исходя из существующих на сегодняшний день трактовок и объяснений полупрезиденциализма (о дискуссионных аспектах см. [3]) можно выделить универсальные базовые признаки этого явления, от модификации кото-

рых зависит отнесение того или иного государства к одной из разновидностей полупрезидентской системы правления. К числу этих характеристик необходимо отнести четыре аспекта:

1) всенародное избрание президента (факт которого дает главе государства значительный ресурс демократической легитимности);

2) дуалистический характер исполнительной власти, то есть конституционное закрепление и институциональное оформление разделения исполнительной власти между президентом и премьер-министром (подробнее о феномене дуализма исполнительной власти см. [4–6]).

3) неноминальный характер исполнительных и законодательных полномочий президента, который при этом не наделяется статусом главы исполнительной власти;

4) политическая ответственность (подотчетность) правительства, то есть зависимость его выживания от позиции адресатов этой ответственности, в качестве которых выступают глава государства и (или) парламент.

Три из четырех вышеперечисленных признака полупрезиденциализма могут иметь различные модификации, что играет определяющую роль при отнесении соответствующей политической системы к одной из разновидностей полупрезидентской формы правления.

Так, дуализм исполнительной власти может иметь формальное или реальное институциональное и политическое воплощение. Формальный дуализм подразумевает конституционное учреждение должности председателя правительства как руководителя исполнительной власти с одновременной фиксацией в Основном законе механизмов его фактической зависимости от главы государства, который обладает правом номинирования и назначения премьер-министра. По существу, глава правительства оказывается самым высокопоставленным подчиненным президента, самостоятельность которого в выработке и оперативной реализации социально-экономической политики ограничена соответствующими установками и видением первого лица государства. Президент выступает в качестве вето-игрока в вопросах формирования кабинета, имеет законные основания для вмешательства в работу правительства и коррекции проводимого им курса. Институциональная и административная зависимость правительства от воли главы государства имплементируется посредством практики обязательного исполнения президентских указов и поручений, адресованных кабинету министров. В системах с формальным дуализмом отсутствует практика судебного оспаривания правительством необходимости (обязанности) выполнения тех или иных президентских решений, что дополнительно подчеркивает подчиненную роль кабинета в отношениях с первым лицом государства.

В свою очередь реальный дуализм исполнительной власти заключается в институциональной автономии правительства и его руководителя от президента. Президентские полномочия по формированию и влиянию на деятельность кабинета лимитированы или обременены необходимостью получения согласия/одобрения со стороны общенациональной легислатуры. Как правило, в сфере прямого или косвенного подчинения президенту остаются руководители ведомств силового блока. При реальном дуализме влияние на правительство (его персональный состав, стратегию деятельности, оперативную работу) оказывается диверсифицированным за счет более активной, а зачастую решающей роли парламента. Это повышает политический статус легислатуры и создает необходимые условия для подлинной подотчетности правительства перед представительным органом.

Объем полномочий президента в рамках полупрезиденциализма также может различаться, что влияет на то, является ли соответствующая система президенциализированным или парламентаризированным вариантом полупрезидентской республики. При полупрезиденциализме глава государства и парламент одновременно претендуют на установление своего контроля над правительством. Данный спор разрешается через принятие конституционной формулы, которая либо концентрирует соответствующие полномочия в распоряжении одного политического института, либо распределяет их между главой государства и депутатским корпусом.

Ключевые политико-управленческие вопросы, ответы на которые содержатся в конституции, и которые в значительной степени и определяют тип полупрезидентской системы правления, а также характер отношений в треугольнике «президент – правительство – парламент», могут быть сформулированы следующим образом: кто выдвигает, кто вносит представление, кто согласовывает, кто назначает и кто смещает премьер-министра и членов кабинета. В рамках полупрезиденциализма эти властные полномочия распределяются между президентом и парламентом (парламентским большинством). Модель «сильного президента» подразумевает, что большинство из этих полномочий относятся к прерогативам главы государства. В случае, когда глава государства не имеет монопольного контроля над процессом формирования кабинета, лишен возможности неограниченного и по своему усмотрению выдвижения кандидатур на должность премьер-министра, имеет место модель президентства с ограниченными полномочиями. В рамках этой модели решение вопроса о назначении/смещении главы кабинета относится к исключительному ведению легислатуры (подробнее о моделях президентской власти в рамках полупрезиденциализма см. [7, с. 34]).

В полупрезидентских системах правления политическая ответственность правительства также имеет различные вариации. Президент может реализовать это право (в случае если оно предусмотрено Основным законом) посредством процедуры отправления правительства в отставку, парламент – через вынесение резолюции недоверия правительству. В рамках полупрезиденциализма распространены две формы политической ответственности кабинета: одинарная (как правило, перед легислатурой – в данном случае парламент является единственной институцией, которая вправе выносить подобное решение) и бинарная (одновременно перед главой государства и депутатским корпусом). Бинарная ответственность не во всех ситуациях подразумевает равные возможности и президента, и парламента инициировать и принимать решение по поводу отставки правительства. Так, согласно Конституции Украины 1996 года, в случае вынесения Верховной Радой резолюции недоверия кабинету, его глава незамедлительно должен был подать в адрес президента прошение об отставке, а глава государства должен был его удовлетворить (он не имел права выбора – принять или отклонить прошение) [8]. Именно по такой схеме весной 2001 года завершилась премьерская карьера В. А. Ющенко. В Конституции России вотум недоверия, принятый Государственной Думой, не предполагает автоматической отставки правительства. Окончательное решение остается за президентом, который может проигнорировать мнение думского большинства, а в случае вынесения им повторного (в течение трех месяцев) вотума недоверия глава государства вправе либо отправить правительство в отставку, либо распустить Думу. Таким образом, в российских конституционных реалиях бинарная ответственность кабинета имеет формальный характер: мнение парламента по этому вопросу носит по существу рекомендательный (сигнальный) характер, а возможность депутатов свободно выражать свою политическую позицию ограничена волей президента и сдерживается угрозой роспуска представительного органа.

Характер отношений президента с правительством и парламентом является важнейшим условием стабильной работы полупрезидентской системы правления. Так, С. Скэч выделяет три модели отношений между институтами власти в рамках полупрезиденциализма [4, с. 208]:

1. Правление консолидированного большинства, для которого характерно совпадение партийной принадлежности президента, правительства и парламентского большинства. Именно такая модель правления сложилась на Украине после проведения весной и летом 2019 года очередных президентских и досрочных парламентских выборов, по итогам которых высшие государственные должности в стране – главы государства, спикера Верховной Рады, премьер-министра – оказались в распоряжении представителей партии В. А. Зеленского «Слуга народа» или аффилированных с ней лиц.

2. Разделенное правление большинства, которое возникает в ситуации, когда президент

Таблица 1 – Модификация базовых признаков полупрезиденциализма
Table 1 – Modification of the basic features of semi-presidentialism

№	Базовый признак	Модификация	
		в условиях президентско-парламентской системы	в условиях премьер-президентской системы
1	Способ избрания главы государства	Всенародные выборы	
2	Неноминальный объем полномочий президента («сила президента»)	Модель «сильного президента» (политическое доминирование главы государства)	Модель «ограниченного президентства» (политическое доминирование премьер-министра)
3	Дуалистический характер исполнительной власти	Формальный дуализм (правительство формируется и функционирует как кабинет президента)	Реальный дуализм (правительство формируется парламентским большинством)
4	Политическая ответственность правительства (характер и адресат)	Бинарная ответственность перед президентом и парламентом	Одинарная ответственность перед парламентом (парламентским большинством)

не имеет ориентированного на него парламентского большинства и, в случае формирования правительства легислатурой, вынужден сосуществовать с противостоящим ему кабинетом министров. В такой логике развивались отношения между президентом В. А. Ющенко и правительствами В. Ф. Януковича и Ю. В. Тимошенко в 2006–2010 гг. на Украине.

3. Разделенное правление меньшинства, в рамках которого президент формирует правительство, которое не пользуется политической поддержкой парламентского большинства, либо данная поддержка носит неустойчивый ситуативный характер. Характерные примеры – взаимоотношения между президентом России Б. Н. Ельциным и Государственной Думой в 1993–1999 гг.

Модель организации власти, при которой всенародно избранный президент наделен значительными полномочиями (в том числе он играет главную роль в вопросах формирования и смещения правительства), а глава кабинета несет перед ним персональную ответственность, может интерпретироваться как президентско-парламентский вариант полупрезиденциализма. В свою очередь система, в рамках которой институциональные возможности всенародно избираемого главы государства вмешиваться в процесс формирования и последующую работу правительства конституционно ограничены, а кабинет министров опирается не на президентскую поддержку, а на парламентское доверие и, соответственно, несет ответственность перед легислатурой, должна определяться как премьер-президентская модель полупрезидентской системы правления.

Премьер-президентская система правления: основные характеристики

По оценкам Т. Седелиуса и Дж. Линде, премьер-президентская система правления получила широкое распространение в Европе (Франция, Португалия, Польша, Чехия, Румыния, Болгария, Сербия), а также на постсоветском пространстве (Украина, Молдова, Кыргызстан, Грузия) [9, с. 154]. Эта модель организации и распределения власти отличается рядом особенностей.

1. Способом избрания главы государства являются всенародные выборы. Президент не является ни прямым, ни опосредствованным (через т. н. практику «общего руководства») руководителем исполнительной власти. Его полномочия, как правило, ограничены вопросами обеспечения национальной безопасности, обороны, а также ведения внешнеполитического курса. Как отмечает М. С. Шугарт, президент, не имея прямого институционального контроля над правительством, может оказывать влияние на разработку и проведение внутренней политики и социально-экономического курса посредством политического инструментария, например, через формирование в парламенте лояльного большинства (в этом случае глава государства может быть лидером правящей партии) [2, с. 334].

2. Глава государства в премьер-президентской республике наделяется правом законодательной инициативы, возможностью приостанавливать вступление в силу отдельных

нормативно-правовых актов правительства до вынесения конституционным судом решения об их правомочности, а также отлагательным вето, которое должно быть преодолено или простым, или квалифицированным большинством депутатского корпуса.

3. Источником формирования кабинета министров является парламентское большинство, условием политического выживания – институт парламентского доверия. Претендент на пост председателя правительства определяется исходя не из личных побуждений и расчетов главы государства (как в президентско-парламентской республике), а в зависимости от расклада политических сил, установившегося в законодательном органе страны по итогам парламентских выборов. Правом выдвижения кандидатуры премьер-министра обладает парламентское большинство, которое должно, как правило, быть соответствующим образом структурировано и оформлено в виде однопартийной фракции большинства либо межфракционного объединения (коалиции парламентских фракций). Роль главы государства в ключевом политическом вопросе о формировании правительства ограничена правом внесения кандидатуры на должность главы правительства в парламент на основе (с учетом) предложения, поступившего от парламентского большинства. Основные полномочия по назначению премьер-министра и членов его кабинета относятся к исключительной прерогативе парламента. Инициирование, рассмотрение и вынесение резолюции недоверия кабинету министров, влекущее его автоматическую отставку, также входит в парламентскую сферу ответственности. Немаловажным является то, что правительство слагает свои полномочия перед вновь избранным парламентом, а не перед президентом.

4. В премьер-президентской модели организации власти право главы государства распустить парламент и назначить досрочные выборы лимитировано ограниченным кругом ситуаций, которые носят технический характер и преимущественно направлены на стимулирование депутатского корпуса к ответственному и дисциплинированному отношению к исполнению своих обязанностей. Президент вправе досрочно прекратить полномочия парламента, если депутаты в течение отведенного законом срока не приступили к пленарным заседаниям, не оформили парламентское большинство и не сформировали правительство. Такой инструментальный набор случаев призван ограничить возможности президента осуществлять запугивание или политический шантаж депутатского корпуса, что в большей степени характерно для президентско-парламентских республик, глава государства в которых обладает более разнообразным арсеналом способов по оказанию давления на парламентариев через возможность досрочного прекращения их полномочий.

5. Базовой характеристикой премьер-президентской системы является феномен дуализма исполнительной власти. Это явление возникает, когда институциональная конструкция политической системы предполагает одновременное учреждение как поста президента, так и должности премьер-министра. Исполнительная власть фактически оказывается разделенной между двумя этими институциями. При этом глубина, степень и масштаб этого разделения зависят от объема исполнительных и законодательных полномочий главы государства. Как уже отмечалось, в президентско-парламентских республиках разделенность исполнительной власти носит формальный характер по причине того, что эта система отличается наличием «сильного президента», имеющего широкие полномочия и действенные рычаги влияния на формирование и функционирование кабинета министров.

В свою очередь в премьер-президентской системе дуализм исполнительной власти – это реальное и естественное политические явление, запрограммированное самой спецификой и природой данного вида институционального дизайна. Разделенность исполнительной власти между президентом и премьер-министром, закрепленная в конституционной формуле и реализованная в политической практике, является важнейшим институциональным механизмом, встающим на пути монополизации и последующей авторитаризации политической системы, гарантирующим её полицентричный и конкурентный характер.

В силу того, что премьер-президентская республика имеет много общего с парламентской формой правления, зрелая партийная система является одним из решающих условий для эффективного функционирования данной модели организации власти. В условиях «крайне нестабильной поляризованной многопартийности» или «фрагментированной поляризованной многопартийности без доминирующей партии» [10, с. 271] правящее парламентское большинство может носить неустойчивый коалиционный характер, что ослабляет позиции легислатуры при взаимодействии с президентом, а также подрывает усилия по формированию дееспособной исполнительной власти. Следствием этого становится нестабильность кабинета, частые правительственные и парламентские кризисы. Слабые партийные организации зачастую вынуждены руководствоваться не целями долгосрочного политического выживания, а личными и конъюнктурными интересами своих лидеров. Это приводит к бесконтрольности лидеров от партийных элит и рядовых членов. Т. Седелиус пишет, что «в условиях слабой партийной институционализации и существования парламентских структур, находящихся в стадии становления… президентское доминирование над партиями благоприятствует дезинтеграции демократического режима и возникновению авторитаризма» [11, с. 6].

Как отмечает Т. Седелиус и С. Берглунд, преимуществом премьер-президентской системы правления (в сравнении с президентско-парламентской моделью полупрезиденциализма) является то, что она «ослабляет президентское доминирование» (за счет институциональной деконцентрации власти), а также связывает перспективы выживания правительства с парламентской поддержкой, что создает условия для реальной подотчетности кабинета перед представительной властью [12, с. 21]. Данная система позволяет осуществить гибкую и оперативную коррекцию внутриполитического курса через отставку правительства, растерявшего общественную поддержку либо лишившегося парламентского доверия.

Важным преимуществом премьер-президенциализма по сравнению с президентско-парламентской или президентской системами правления является уменьшение цены президентского мандата. В премьер-президентской республике должность главы государства по-прежнему привлекательна (в силу, как уже было отмечено, далеко не номинального и не символического объема закрепленных за ним полномочий) и рассматривается как вершина политической карьеры. Вместе с тем лицо, выигравшее президентские выборы, в силу нормативных особенностей институционального устройства вынуждено функционировать в системе полицентричного распределения власти, обременено необходимостью согласовывать свои действия и решения с автономными от него (в условиях разделенного правления) правительством и парламентом.

По мнению ряда политологов (М. С. Шугарт, Дж. Кэри, Р. Элджи, Т. Седелиус, О. Харитонова), в премьер-президентской республике благодаря установлению прямой зависимости кабинета министров от парламента, а также сжатию полномочий президента формируются более благоприятные условия для упрочения демократических политических практик. Данная система правления создает гарантии от избыточной концентрации власти в одном центре, предотвращает монополизацию политического пространства (о влиянии институционального дизайна на перспективы демократической консолидации см. [13, с. 42–51]).

Дополнительным ограничением на пути авторитаризации политической системы является ситуация, характерная для стран с фрагментированной многопартийностью: в этих государствах ни один из общенациональных игроков не способен по итогам выборов сформировать однопартийное парламентское большинство (а тем более конституционное большинство), что побуждает политических акторов обращаться к коалиционным и договорным практикам взаимодействия.

Проблемные сценарии функционирования премьер-президентской системы правления

Основные риски, которые могут подорвать политическую устойчивость или демократические основания премьер-президентской системы правления, связаны с двумя гипотетическими сценарными условиями её функционирования. Первый проблемный сценарий реализуется в форме конфликтных (антагонисти-

ческих) отношений между всенародно избранным президентом и опирающимся на доверие парламентского большинства правительством при их принадлежности к разным политическим лагерям (конфликтное/негативное сосуществование). По оценке Т. Седелиуса и Й. Экмана, ситуация противостояния двух центров исполнительной власти может привести к дестабилизации политической системы и дисфункции бюрократического аппарата [14, с. 521, 525–527].

Если в президентско-парламентской системе ключевой конфликт развивается по линии противостояния президента и парламента (в случае разной партийно-политической ориентации главы государства и большинства депутатов), то в премьер-президентской республике потенциальным генератором политической нестабильности является напряженность в отношениях президента и правительства (то есть внутри исполнительной власти). Это происходит тогда, когда глава государства не может опереться на консолидированное пропрезидентское большинство в парламенте и ему оппонирует превосходящая по силе и ресурсам коалиция оппозиционных акторов. Зачастую такая конфронтация между властными институтами получает дополнительное личностное измерение и представляется в масс-медиа и общественном сознании как конфликт двух главных действующих лиц политической сцены – президента и премьер-министра. Именно в таком ключе интерпретировалось затяжное и бескомпромиссное противостояние между В. А. Ющенко и Ю. В. Тимошенко в период премьерства последней в 2007–2010 гг.

Ситуация, когда должность президента принадлежит представителю одного политического лагеря, а парламентское большинство контролируется конкурирующей политической силой, может выступать характеристикой как президентской, так и полупрезидентской системы правления. В первом случае это явление получило название «разделенное правление» (напр., в США), во втором – «сосуществование» («сожительство», коабитация) (напр., во Франции). В премьер-президентской республике в условиях сосуществования президент рискует получить не только оппозиционно настроенное по отношению к нему парламентское большинство, но также неподконтрольное правительство, а в случае отсутствия у обеих сторон стремления к поиску компромиссов и выработке консенсусных решений – оказаться в политической изоляции.

Основной риск премьер-президентской системы правления связан с реализацией президентом некооперативной стратегии взаимодействия с другими общенациональными институтами власти, что может выражаться в попытках расширения своих полномочий или в расширительном их толковании. Конкретно данная ситуация может возникнуть в условиях, когда глава государства выступает в качестве лидера одной из политических партий, которая либо не является частью правящей парламентской коалиции (то есть фактически находится в оппозиции к правительству), либо вынуждена быть младшим партнером внутри парламентского большинства. В этом случае глава государства, лишенный реальных политических средств влияния на деятельность правительства, может отказаться от роли арбитра, проигнорировать связанный с этим принцип политической нейтральности, выступить в качестве ангажированного актора (партийного лоббиста). Президент способен посредством явного злоупотребления полномочиями заблокировать работу кабинета министров (через судебное оспаривание его решений), а также дезорганизовать законотворческий процесс в парламенте (при помощи задействования отлагательного вето).

Подобные ситуации могут либо завершиться достижением компромисса между главой государства с одной стороны и правительством и парламентским большинством с другой (один из вариантов компромисса – это вхождение президентской партии в состав парламентского большинства с последующим перераспределением правительственных постов в пользу представителей пропрезидентского лагеря), либо трансформироваться в затяжной политический кризис. И в отличие от президентско-парламентской республики, в которой в качестве механизма разрешения острого политического кризиса между президентом и парламентом может быть

задействована процедура роспуска парламента и проведения досрочных выборов, в условиях премьер-президенциализма фиксируется дефицит прописанных в конституции институциональных способов урегулирования аналогичных кризисов. Поэтому в такой модели организации власти большое значение имеет возможность достижения формальных или неформальных договоренностей между властными институтами и контролирующими их враждующими группами элит. Исследователи называют подобные практики «институциональными механизмами координации» [15]. Одним из видов такого механизма являются политические консультации с участием президента, председателя правительства, спикера парламента и лидеров парламентских фракций по вопросам, способным провоцировать кризисы в отношениях между институтами власти (например, при выборе премьер-министра и формировании персонального состава кабинета). Консультации также предусмотрены, когда президент может активировать свое право распустить парламент. Официальные консультации призваны предотвратить эскалацию кризиса и, как правило, предваряют момент принятия экстраординарного решения.

Второй неблагоприятный сценарий функционирования премьер-президентской системы правления вытекает из установления одной группой элиты одновременного контроля над высшими должностными позициями и общенациональными институтами: президентом (когда по итогам выборов представитель данной элитной группы избирается главой государства), парламентом (в результате выборов формируется подконтрольное или действующее в интересах этой группы парламентское большинство), правительством. Подобное стечение обстоятельств (правление консолидированного большинства) может обернуться концентрацией власти в распоряжении конкретной элитной группы, что формирует питательную среду для последующей монополизации политического пространства и усиления авторитарного вектора режимной динамики.

Описанные проблемные сценарии функционирования премьер-президентской системы правления могут быть проиллюстрированы на примере политического развития Украины в 2006–2010 годах (в период президентства В. А. Ющенко и в начале президентской каденции В. Ф. Януковича) [подробнее см. 16–18]. Переход Украины к премьер-президенциализму был обусловлен необходимостью урегулирования глубокого внутриполитического кризиса. Противостоящие друг другу фракции элит рассматривали политическую реформу либо как вынужденную и временную уступку (по всей видимости, В. А. Ющенко рассчитывал, став главой государства, задействовать политические ресурсы, включая административное и неформальное влияние на судебную систему, с целью отмены конституционной реформы), либо как институциональный механизм, дающий уходящей правящей группе политические гарантии сохранения доступа к власти и процессам принятия решения.

Социально-политическую динамику Украины после парламентских выборов 2006 и 2007 годов можно охарактеризовать как классическое «сосуществование» президента и нелояльных по отношению к нему премьер-министров. Практика сосуществования приняла конфликтные формы, выразившись в политических и межинституциональных кризисах [19]. Общим лейтмотивом действий В. А. Ющенко стало недопущение его оппонентов (В. Ф. Януковича и Ю. В. Тимошенко) до ключевой позиции председателя правительства. Политическая стратегия В. А. Ющенко включала: злоупотребление президентскими полномочиями (в 2006 году он затягивал процедуру представления кандидатуры В. Ф. Януковича на пост премьер-министра); манипуляцию конституционными нормами в условиях незавершенности и нечеткости политико-правового оформления перехода к премьер-президентской системе правления (это проявилось при издании президентом серии небезупречных с юридической точки зрения указов о роспуске Верховной Рады V и VI созывов); провоцирование внутрикоалиционных и правительственных кризисов (за счет принуждения лояльных депутатов к выходу из парламентского большинства и отзывов министров, назначенных по квоте пропрезидентского блока «Наша Украина»).

Череда политических кризисов на Украине, случившихся в процессе перехода к премьер-президентской системе правления, в значительной степени была вызвана некооперативным поведением В. А. Ющенко. Стратегия главы Украины носила реактивный характер и определялась неблагоприятными для него факторами: девальвацией электорального капитала; ограниченностью президентского мандата (сужением полномочий); дефицитом политических ресурсов (отсутствием лояльного парламентского большинства); слабостью внутриэлитной поддержки. Как отмечает Т. Кузио, неконструктивные действия В. А. Ющенко, подрывающие доверие к новым правилам игры, исходили из логики персонального политического выживания в условиях ожесточенной борьбы за власть и перспективу переизбрания на второй срок [20].

Победа на президентских выборах 2010 года В. Ф. Януковича преобразила политический ландшафт Украины. В сжатые сроки команде четвертого президента удалось переключить вектор функционирования премьер-президентской системы в режим политического доминирования главы государства. Эффект консолидации власти вокруг нового президента был достигнут за счет переформатирования парламентского большинства и создания новой правящей коалиции «Реформы и стабильность», ядром которой выступила подконтрольная В. Ф. Януковичу «Партия регионов». Следствием установления контроля над Верховной Радой стало формирование сверхлояльного главе государства правительства Н. Я. Азарова. По существу, правительство из автономного политического института трансформировалось в технический кабинет министров при президенте [21]. Реальный дуализм исполнительной власти, характеризующий период, когда главой государства был В. А. Ющенко, сменяется формальной его версией. Логическим завершением политико-институциональной перестройки Украины стало решение Конституционного суда, фактически признавшее незаконной политическую реформу 2004 года и восстановившее в силе редакцию Основного закона 1996 года. Следует отметить факторы, которые позволили В. Ф. Януковичу вернуться к модели «сильного президента»: формирование межэлитной коалиции, состоящей из представителей ведущих финансово-промышленных групп, готовых инвестировать в политические проекты нового президента; опора на дисциплинированную и мощную в финансово-организационном плане «Партию регионов»; электоральный потенциал вновь избранного главы государства («эффект медового месяца»); дискредитация лидеров и программы «оранжевой революции»; дезорганизация и дезориентация политической оппозиции. Немаловажной причиной послужило разочарование части общества и элит в премьер-президентской системе правления, которая стала устойчиво ассоциироваться с такими явлениями как политическая нестабильность, внутриэлитные конфликты, управленческая дисфункциональность.

Заключение

В идеально-типическом плане премьер-президентская система правления призвана предотвращать избыточное аккумулирование власти под контролем одного института или группы элиты, что достигается посредством её рассредоточения между президентом и премьер-министром. Оборотной стороной дуализма может стать конфликт главы государства и правительства, который напоминает двоевластие и в случае эскалации оборачивается политической дестабилизацией, ухудшением качества государственного управления.

Премьер-президенциализм стимулирует развитие полицентричной структуры политической системы, поощряет высокий уровень публичной внутриэлитной конкуренции, формирует благоприятную среду для демократической консолидации режима. Однако опыт политического развития ряда стран (преимущественно на постсоветском пространстве) демонстрирует наличие риска «авторитарного перерождения» данной модели организации власти, что противоречит самой её природе.

Перечисленные кейсы дискредитируют эту систему правления, формируют искаженное представление о ней. Поэтому одним из перспективных направлений дальнейшего изучения премьер-президенциализма должен стать анализ причин таких аномалий, в том чис-

ле на уровне отдельных стран. В фокусе внимания должна оказаться разработка проблемы влияния структурных, исторических факторов, а также интересов и поведения политических акторов на содержание и реальное функционирование институтов премьер-президентской системы правления.

В качестве гипотезы деформации премьер-президенциализма предположим, что подобные проблемы присущи переходным социумам, которые характеризуются слабостью демократических процедур, правовым нигилизмом и поляризацией правящих элит, отсутствием общественного и межэлитного консенсуса относительно базовых ценностей. В этот список необходимо включить недооформленность и нечеткость политико-правого статуса ветвей власти, незрелость партийной системы (когда партии представляет собой скорее клиентелы своих лидеров, чем общенациональные высокоорганизованные институциональные единицы). В ряде «транзитных» социумов отмечается преобладание ценностей и поведенческих практик авторитарной политической культуры над культурой гражданского типа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркаров А.А. (2014). Полупрезидентская система: содержание понятия и основные характеристики // Политическая наука. № 1. С. 34–50.

2. Shugart M.S. (2005). Semi-presidential systems: dual executive and mixed authority patterns, *French Politics*, no. 3, pp. 323–351.

3. Elgie R. (1999). The politics of semi-presidentialism, Semi-presidentialism in Europe. Oxford: Oxford University Press. P. 1–21. URL: https://www.researchgate.net/publication/265101267_The_Politics_of_Semi-Presidentialism (accessed 21.09.2020).

4. Зазнаев О.И. (2010). Модели дуальной исполнительной власти // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 152, кн. 1. Гуманитарные науки. С. 205–211.

5. Элджи Р., Макменамин И. (2014). Разделенная исполнительная власть и демократизация в полупрезидентских системах // Политическая наука. № 3. С. 40–59.

6. Медушевский А.Н. (2008). Перспективы дуализма. Очерк политической трансформации // Вестник Европы. Т. XXIV. С. 56–67.

7. Chun-Hao Chang. (2014). Cohabitation in semi-presidential countries, *Social sciences*, vol. 3, no. 2, pp. 31–43. URL: http://socialsciencesjournal.org/article/202/10.11648.j.ss.20140302.11 (accessed 21.09.2020).

8. Protsyk O. (2005). Constitutional politics and presidential power in Kuchma's Ukraine, *Problems of Post-Communism*, vol. 52, no. 5, pp. 23–31.

9. Sedelius T., Linde J. (2018). Unravelling semi-presidentialism: democracy and government performance in four distinct regime types, *Democratization*, vol. 25, no. 1, pp. 136–157. URL: https://www.researchgate.net/publication/317044345_Unravelling_Semi-Presidentialism_Democracy_and_Government_Performance_in_Four_Distinct_Regime_Types (accessed 21.09.2020).

10. Борисов Н.А. (2018). Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. М. : РГГУ. 537 с.

11. Sedelius T. (2015). Semi-presidential shifts in Ukraine: institutional perils and party presidentialization, *Paper presented at the Midwest political science association conference*, Chicago, IL. URL: https://www.researchgate.net/publication/275350710_SemiPresidential_Shifts_in_Ukraine_Institutional_Perils_and_Party_Presidentialization (accessed 21.09.2020).

12. Sedelius T., Berglund S. (2012). Towards presidential rule in Ukraine: hybrid regime dynamics under semi-presidentialism, *Baltic Journal of Law & Politics*, vol. 5, no. 1, pp. 20–45.

13. Харитонова О.Г. (2011). Траектории посткоммунистических трансформаций в свете теорий демократизации // Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник / Гл. ред. А. И. Соловьев. М. : РОССПЭН. С. 29–68.

14. Sedelius T., Ekman J. (2010). Intra-executive conflict and cabinet instability: effects of semi-presidentialism in Central and Eastern Europe, *Government and opposition*, vol. 45, no. 4, pp. 505–530.

15. Raunio T., Sedelius T. (2020). Presidents and cabinets: coordinating executive leadership in premier-presidential regimes, *Political Studies Review*, vol. 18, issue 1, pp. 53–70.

16. Choudhry S., Sedelius T., Kyrychenko J. (2018). Semi-presidentialism and inclusive governance in Ukraine. Reflections for constitutional re-

form. Stromsborg: International IDEA. 75 p. URL: https://pravo.org.ua/img/zstored/files/semi-presidentialism-and-inclusive-governance-in-ukraine_ENG.pdf (accessed 21.09.2020).

17. Борисов Н.А. (2014). Институт Президента Украины: смена власти или трансформация модели? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). № 4 (75). С. 118–128.

18. Сидорчук А.В. (2014). Эволюция формы правления на Украине: от полу- к суперпрезидентской республике // Политическая наука. № 1. С. 116–133.

19. Kudelia S. (2007). Revolutionary bargain: the unmaking of Ukraine's autocracy through pacting, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 23, no. 1, pp. 77–100.

20. Kuzio T. (2012). Yushchenko versus Tymoshenko: why Ukraine's national democrats are divided, *Demokratizatsiya*, vol. 21, no. 2, pp. 215–240. URL: https://demokratizatsiya.pub/archives/21_2_45116502502196T3.pdf (accessed 21.09.2020).

21. Kuzio T. (2010). Viktor Yanukovych's first 100 days: back to the past, but what's the rush?, *Demokratizatsiya*, vol. 18, no. 3, pp. 208–281. URL: http://www.taraskuzio.com/media24_files/26.pdf (accessed 21.09.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Радун Игорь Николаевич – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); iradun@yandex.ru.

PREMIER-PRESIDENTIAL SYSTEM OF GOVERNMENT AS A TYPE OF SEMI-PRESIDENTIALISM: MAIN CHARACTERISTICS AND FEATURES OF FUNCTIONING

I.N. Radun[a]

[a]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Introduction. The choice of the optimal system of government is one of the most important issues in the development of any state. The institutional design of the political system determines the specifics of the distribution of power in the "president – government – parliament" triangle and is responsible for the nature of the relationship between them. Besides, it affects the vector of regime transformation and determines the degree of stability and efficiency of the administrative apparatus.

Research goal. The study aims at identifying and analyzing the main features of the premiere-presidential system of government. It also attempts to determine the advantages and disadvantages (vulnerabilities) of this system.

Methods. The universal features of semi-presidentialism have been investigated on the basis of a combination of systemic, political, legal and comparative methods. The distinctive characteristics and features of the functioning of the premier-presidential system of government have been determined through analyzing various modifications of semi-presidentialism.

The scientific novelty of the research involves a comprehensive analysis of such a phenomenon as premier-presidentialism, identification of the core features that characterize it as one of the independent types of semi-presidentialism, and description of political conditions that undermine the stability of this system of government.

Results. Among the unique characteristics of the premier-presidential system of government are the following modified properties of semi-presidentialism: the real embodiment of the dualistic (divided) nature of the executive branch; limited institutional influence of the president on the formation and activities of the government; political dependence of the cabinet of ministers on the parliament. The main advantages

of premier-presidentialism are: balanced distribution of executive and administrative power due to its institutional deconcentration; reduction of political cost and attractiveness of the presidential mandate; actual accountability of the government to the representative authorities. Two potential unfavorable scenarios of the premiere-presidential system of government have been identified: firstly, the conflict and antagonistic coexistence of the president and the prime minister who belong to different parties (as a consequence – political destabilization and dysfunction of the state apparatus), and, secondly, the establishment of control by one elite group over key political institutions (a possible result of excessive concentration of power is totalitarianism of the political regime).

KEYWORDS: premier-presidential system of government, premier-presidentialism, semi-presidential system of government, semi-presidentialism, dualism of executive branch, political responsibility of government.

FOR CITATION: Radun I.N. (2021). Premier-presidential system of government as a type of semi-presidentialism: main characteristics and features of functioning, *Management Issues*, no. 3, pp. 6–19.

REFERENCES

1. Markarov A.A. (2014). Semi-president system: Concept content and main characteristics, *Political science*, no. 1, pp. 34–50.

2. Shugart M.S. (2005). Semi-presidential systems: dual executive and mixed authority patterns, *French Politics*, no. 3, pp. 323–351.

3. Elgie R. (1999). The politics of semi-presidentialism, Semi-presidentialism in Europe. Oxford: Oxford University Press. P. 1–21. URL: https://www.researchgate.net/publication/265101267_The_Politics_of_Semi-Presidentialism (accessed 21.09.2020).

4. Zaznaev O.I. (2010). Models of dual executive power, *Scientific notes of the Kazan State University*, vol. 152, Book 1. Humanitarian sciences, pp. 205–211.

5. Eldji R., Makmenamin I. (2014). Shared executive power and democratization in semi-presidential systems, *Political science*, no. 3, pp. 40–59.

6. Medushevsky A.N. (2008). Prospects for dualism. Essay of political transformation, *Bulletin of Europe*, vol. XXIV, pp. 56–67.

7. Chun-Hao Chang. (2014). Cohabitation in semi-presidential countries, *Social sciences*, vol. 3, no. 2, pp. 31–43. URL: http://socialsciencesjournal.org/article/202/10.11648.j.ss.20140302.11 (accessed 21.09.2020).

8. Protsyk O. (2005). Constitutional politics and presidential power in Kuchma's Ukraine, *Problems of Post-Communism*, vol. 52, no. 5, pp. 23–31.

9. Sedelius T., Linde J. (2018). Unravelling semi-presidentialism: democracy and government performance in four distinct regime types, *Democratization*, vol. 25, no. 1, pp. 136–157. URL: https://www.researchgate.net/publication/317044345_Unravelling_Semi-Presidentialism_Democracy_and_Government_Performance_in_Four_Distinct_Regime_Types (accessed 21.09.2020).

10. Borisov N.A. (2018). Presidency in the post-Soviet space: processes of genesis and transformations. Moscow: RGGU. 537 p.

11. Sedelius T. (2015). Semi-presidential shifts in Ukraine: institutional perils and party presidentialization, *Paper presented at the Midwest political science association conference*, Chicago, IL. URL: https://www.researchgate.net/publication/275350710_SemiPresidential_Shifts_in_Ukraine_Institutional_Perils_and_Party_Presidentialization (accessed 21.09.2020).

12. Sedelius T., Berglund S. (2012). Towards presidential rule in Ukraine: hybrid regime dynamics under semi-presidentialism, *Baltic Journal of Law & Politics*, vol. 5, no. 1, pp. 20–45.

13. Kharitonova O.G. (2011). The trajectories of post-communist transformations in the light of the theories of democratization. In: Modernization and politics: traditions and prospects of Russia. Political Science: Yearbook. Moscow: ROSSPEN, pp. 29–68.

14. Sedelius T., Ekman J. (2010). Intra-executive conflict and cabinet instability: effects of semi-presidentialism in Central and Eastern Europe, *Government and opposition*, vol. 45, no. 4, pp. 505–530.

15. Raunio T., Sedelius T. (2020). Presidents and cabinets: coordinating executive leadership in premier-presidential regimes, *Political Studies Review*, vol. 18, issue 1, pp. 53–70.

16. Choudhry S., Sedelius T., Kyrychenko J. (2018). Semi-presidentialism and inclusive governance in Ukraine. Reflections for constitutional reform. Stromsborg: International IDEA. 75 p. URL: https://pravo.org.ua/img/zstored/files/semi-

presidentialism-and-inclusive-governance-in-ukraine_ENG.pdf (accessed 21.09.2020).

17. Borisov N.A. (2014). Institute of President of Ukraine: power change or model transformation?, *Politium: Analysis. Chronicle. Forecast* (magazine political philosophy and politics sociology), no. 4 (75), pp. 118–128.

18. Sidorchuk A.V. (2014). Evolution of the form of government in Ukraine: from a semi- to a superpresidential republic, *Political Science*, no. 1, pp. 116–133.

19. Kudelia S. (2007). Revolutionary bargain: the unmaking of Ukraine's autocracy through pacting, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 23, no. 1, pp. 77–100.

20. Kuzio T. (2012). Yushchenko versus Tymoshenko: why Ukraine's national democrats are divided, *Demokratizatsiya*, vol. 21, no. 2, pp. 215–240. URL: https://demokratizatsiya.pub/archives/21_2_45116502502196T3.pdf (accessed 21.09.2020).

21. Kuzio T. (2010). Viktor Yanukovych's first 100 days: back to the past, but what's the rush?, *Demokratizatsiya*, vol. 18, no. 3, pp. 208–281. URL: http://www.taraskuzio.com/media24_files/26.pdf (accessed 21.09.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Igor' N. Radun – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); iradun@yandex.ru.

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-20-34 ВАК: 23.00.01

СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВОЗМОЖНЫЕ ИСХОДЫ

О.А. Блинова[1a], **Ю.А. Горбунова**[2b]

[a]Уральский государственный педагогический университет
[b]Московский университет им. С. Ю. Витте

АННОТАЦИЯ:
В статье определяются основные стратегии политической коммуникации российской молодежи и их возможные исходы в контексте цифровизации политики.

Цифровое пространство рассматривается авторами как пространство реализации молодежью маргинальных («гибридных», вирулентных, нелинейных) политических практик типа «черный лебедь» (Н. Талеб). Маргинальные политические практики молодежи исследуются с позиции антиредукционизма и антибинаризма, что позволяет преодолеть сведение маргинального к ненормальному, дисфункциональному и периферийному. Обосновывается представление о маргинальных политических практиках как норме, константе и тренде молодежной среды. Исследование носит мультиметодный характер, основными методами выступили: контент-анализ аккаунтов в социальных сетях, анкетный опрос молодежи (18–30 лет, $N = 420$) в различных субъектах Российской Федерации, таких как Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Свердловская область, Челябинская область, Севастополь и Республика Крым, Пермский Край, Красноярский Край, Иркутская область, Омская область и др., а также методы теории игр.

Обнаруженная эмпирическим путем вариативность согласования оценки маргинальных политических практик (одобрение – порицание) и самого практикования (использование – отказ от использования) выступает основой авторской классификации стратегий политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве. Реализация данных стратегий может санкционироваться или не санкционироваться государством, в силу чего возможным исходом может стать политический конфликт.

Для определения равновесного исхода политической коммуникации государства и молодежи применялись методы теории игр, а именно поиск равновесия в матричных бескоалиционных играх. Авторы исходили из того, что коммуниканты не являются антагонистами, т. е. не стремятся к «уничтожению» друг друга, а, напротив, нацелены на получение исхода «выиграл-выиграл», что и обусловило выбор расчета на основе теории матричной бескоалиционной игры.

Полученные результаты восполняют дефицит научного знания о маргинальных политических практиках молодежи как *Digital Natives*, и способствуют постепенному сдвигу от каталогизации практик к трендвотчингу и форсайту как основы управления политическими конфликтами – минимизации их деструктивных эффектов и максимизации конструктивного потенциала.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 20-011-31736.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь, маргинальные политические практики, цифровое пространство, стратегии политической коммуникации.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Блинова О.А., Горбунова Ю.А. (2021). Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы // Вопросы управления. № 3. С. 20–34.

[1]ORCID: 0000-0002-3051-4251
[2]ORCID: 0000-0003-4333-1945

© Блинова О.А., Горбунова Ю.А., 2021

Цифровизация сферы политического делает ее доступной для вхождения различных социально-демографических групп. Молодежь как *Digital Natives* проявляет особый интерес к политической коммуникации в цифровом пространстве.

Современная молодежь обладает высоким потенциалом политической активности, характеристики которой, однако, имеют существенные отличия от привычных, устоявшихся политических практик старших поколений. Наличие существенного межпоколенческого разрыва между *Digital Natives* и *Digital Immigrants* приводит к тому, что молодые люди, переосмысливая свою вовлеченность в политическую жизнь страны, отвергают традиционные политические институты и инструменты, вырабатывая, пробуя, экспериментируя с неформальными формами политического участия, постепенно перестраивая демократические процессы в соответствии со своим видением и в согласии со своими интересами и потребностями. Настроения молодежи, политическая позиция, стратегии и тактики выражения своего мнения в цифровом пространстве вызывают высокий интерес среди научного сообщества, что связано с пониманием значимости данной социально-демографической группы для политической трансгрессии и вероятных трансформаций общественной жизни.

Для молодежи как политического субъекта характерны: децентрализованная самоорганизация, нетворкинг и краудсорсинг, «электронное роение» и «умные толпы» как новые формы консолидации и солидаризации [Mitchell 1995; Рейнгольд 2006], цифровой просьюмеризм, переход от потребления к производству политических смыслов [Soep 2014], мобилизация через сверстников, воспринимаемых в качестве экспертов [Kahne, Middaugh, Allen 2014], новаторство в использовании цифровых инструментов для достижения коммуникационных целей [Green, Brady 2013], геймификация политической коммуникации [Jenkins, Shresthova, Gamber-Thompson, Kligler-Vilenchik, Zimmerman 2016]. Цифровые медиа, превращаясь в электронную агору, способствуют распространению в молодежной среде политических практик, основанных на равноправных, интерактивных, гетерархических и независимых от политических элит и институтов связях.

Контент-анализ аккаунтов молодых людей в социальных сетях [Blinova, Gorbunova, Porozov, Obolenskaya 2019; Blinova, Gorbunova 2020] позволил сделать вывод о маргинальном характере их политического онлайн участия, что выражается не только во внеинституциональности, но и в подвижности границ нормального и анормативного, гибридности и трансграничности как проницаемости физического и цифрового пространств реализации политических практик, нелинейности и вирулентности, а также проблематичности прогнозирования возможных исходов. Отсутствие универсальной нормативной оценки маргинальных политических практик молодежи по шкале «девиация – аномия – норма» как на уровне общественного сознания, так и в экспертной среде и правовом поле ведут к дефициту стратегических подходов (в том числе, в государственном и муниципальном конфликт-менеджменте) к управлению маргинальными политическими практиками на основе трендвотчинга.

Вместе с тем в эпоху постнормальности и постмаргинальности, постполитики и постидеологии маргинальность как характеристика политического из rare case превращается в тренд, требующий концептуального осмысления.

В целом отечественные исследователи отвергают представления о маргинальном как онтологически вторичном и отрицают традиционные для дискурса маргинальности бинарные оппозиции «умеренность – крайность», «норма – отклонение», «свой – чужой», «большинство – меньшинство», «центр – периферия».

Так, С. П. Гурин рассматривает маргинальность как универсальное свойство человеческого бытия, указывая на ограниченность первоначального представления науки о маргинальном как о ненормальном и периферийном и подчеркивая децентрализованность, многомерность и нелинейность антропологического и социального пространств [Гурин 2000]. Ю. А. Разинов полагает, что в условиях постмаргинальности основания разли-

чения маргинального и магистрального размываются и утрачиваются, мир превращается в сеть с подвижными, пересекаемыми границами и нелокализуемым центром [Разинов 2020]. С. П. Баньковская в качестве важнейшего фактора появления маргинальных практик рассматривает движение как физических границ государств, так и невидимых границ сообществ [Баньковская 2012].

В свою очередь политическая маргинальность мыслится в рамках традиционного противопоставления системы, властного влияния и включенности в процесс принятия легальных политических решений, с одной стороны, и оппозиции, эксклюзии, с другой. Согласно определению А. М. Вафина, политическая маргинальность представляет собой переходное состояние внесистемных политических агентов [Вафин 2013]. Однако, при этом для отечественных исследований характерны дестигматизация политических маргиналов, сдвиг от нормативного подхода к описательному и ценностно-нейтральному [Вафин 2017].

Кроме того, можно говорить о тенденции разотождествления политического маргинального и девиантного, деструктивного. К примеру, Н. А. Гаршин включает в поле маргинальных политических идей не только ксенофобские и радикальные, но и ориентированные на конструктивный диалог, представляющие интересы отдельных социальных групп [Гаршин 2018].

Более того, политическая маргинальность перестает быть уделом меньшинства. К примеру, Л. Л. Шпак и Е. В. Головацкий подчеркивают тотальность и универсализацию политической маргинальности [Шпак, Головацкий 2015]. Фрагментированные или сетевые формы организации общественной жизни, кризис идеологии, медиатизация и шоуизация политики, деформация и нивелирование границ публичного и приватного, реального и виртуального, популярного и элитарного делают политическую маргинальность нормой современного общества [Кукарников, Гаршин 2019].

Цифровые медиа чаще всего рассматриваются как пространство практикования политического маргинального. Специфику цифровых маргинальных или «буферных и миксовых» [Омельченко 2019] политических практик исследователи видят в митинговой наглядности, зрелищности, перформативности и карнавализации, усилении элементов смеховой культуры, мифологической нарративности [Дзялошинский 2019; Омельченко 2019; «Политика постправды» и популизм 2018; Шомова 2012, Шомова 2019; Шпак 2015]. Политейнмент или сопряжение новостной повестки, политической рекламы, хайпа и развлечений, постироничность, размывание границ между серьезным и смешным при оценке политических событий и постправда как диффузия фактов, апелляции к эмоциям и личной вере, рационального и иррационального формируют целый пласт маргинальных политических практик в цифровом пространстве.

В целом на уровне научного дискурса фиксируется дрейф маргинального политического: от ненормального – к инверсии и диффузии границ нормативного и ненормативного, к маргинальности как новой норме; от дисфункционального – к функциональному; от временного, переходного состояния – к непрерывности маргинальности; от пограничного состояния, когда субъект, находящийся за пределами, движется к границе системного, немаргинального – к практикованию на границах, диверсификации репертуара маргинальных политических практик.

На основе анализа цифрового следа молодых людей можно выделить такие цифровые маргинальные практики, как электронные петиции; хэштеги; стикеры; мемы; троллинг и холивар; посты, репосты и стримы; фейк ньюз; флешмобы; цифровые митинги.

Данные политические практики могут быть разделены на два типа – в зависимости от инструментального вектора их реализации и целевой направленности: просоциальные и асоциальные. К просоциальным маргинальным политическим практикам, т.е. одобряемым обществом и не оказывающим негативного, разрушительного влияния на государственный строй и деструктивного влияния на личность относятся: практика участия в цифровых дистанционных митингах, например, Яндекс-митингах, практика участия в интернет-флешмобах в защиту, поддержку чего-либо или из-за протеста против чего-либо, практика использования стримов,

постов и репостов на новостных онлайн платформах и в социальных сетях об актуальных политических событиях, практика создания и подписания петиций на ресурсах Change.org, РОИ и др., практика использования хештегов для идентификации себя и своей политической позиции, практика использования стикеров в мессенджерах для выражения своей политической позиции. К асоциальным маргинальным политическим практикам могут быть отнесены: практика политического троллинга, кибербуллинга или холивара по отношению к какой-либо политической позиции или политическому оппоненту; создание и использование мемов на политические темы; практика намеренного распространения в цифровом пространстве дезинформации о политических явлениях, событиях и лидерах.

В рамках выполнения научного проекта № 20-011-31736, поддержанного РФФИ (руководитель Блинова О. А.), в декабре 2020 года нами был проведенный опрос российской молодежи (18–30 лет, $N = 420$) из Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя, а также городов Свердловской, Челябинской, Омской, Иркутской и др. областей, Пермского и Краснодарского Края, Республики Крым, направленный на выявление общей политической активности молодежи, степени одобрения, опыта применения и ценностного основания выбора тех или иных маргинальных политических практик.

Результаты опроса в целом отражают тренд цифровизации политики, когда улицы, площади и скверы уступают место цифровому пространству реализации молодежью маргинальных политических практик. Так интернет рассматривается респондентами как пространство наиболее активного проявления молодежью своей политической и общественной активности (более 93 %).

Более 45 % респондентов одобряют активную гражданскую позицию и выражение своего политического мнения, пусть и посредством маргинальных способов, другими людьми в Интернет-пространстве, рассматривая его как цифровую агору.

Вместе с тем более 57 % молодежи не участвовали и не планируют участвовать в будущем в уличных акциях протеста, демонстрируя таким образом неготовность выйти из цифровой агоры на ее физический аналог.

Результаты опроса позволили нам обнаружить следующие противоречия.

Во-первых, это противоречие между оценкой респондентами степени политической активности молодежи и самооценкой объема собственного политического участия. С одной стороны, молодежь определяет собственную возрастную группу как активно выражающую свою политическую позицию (более 60 % опрошенных).

С другой стороны, в тоже время в среднем более 70 % опрошенных не относят себя к группе политически активных.

Во-вторых, противоречие обнаружено в отношении использования цифровых политических практик. В среднем около 60 % респон-

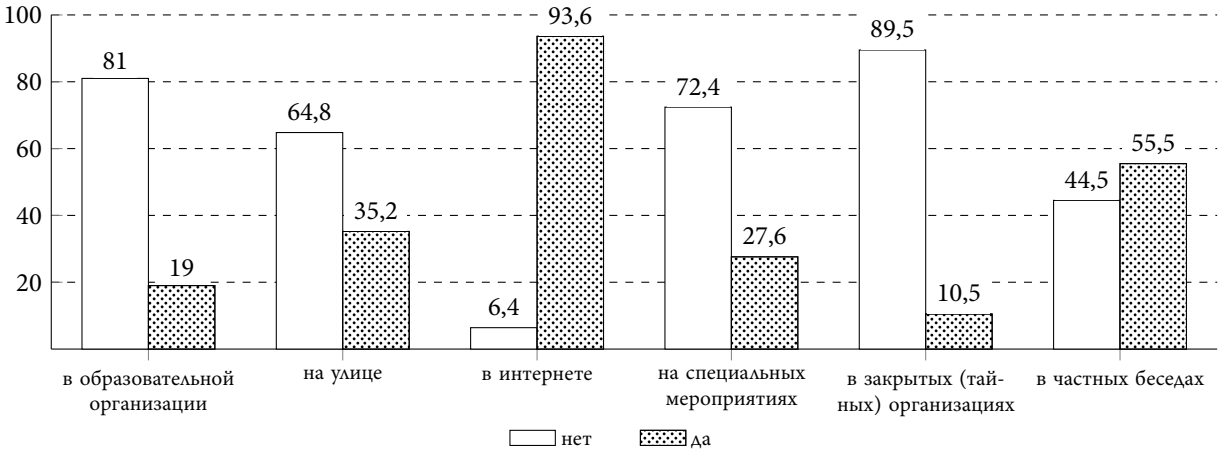

Рисунок 1 – Где молодёжь, по вашему мнению, наиболее активно проявляет свою политическую и общественную позицию?

Figure 1 – Where do young people, in your opinion, most actively manifest their political and social position?

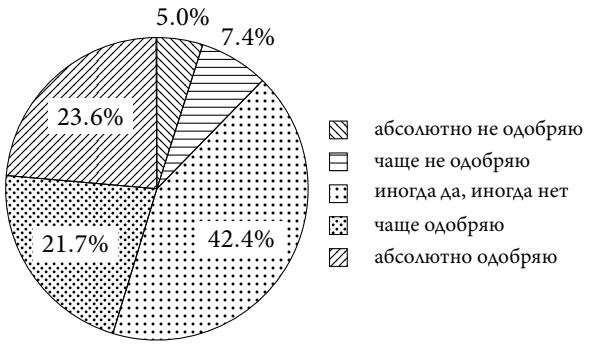

Рисунок 2 – Одобряете ли вы активное выражение своей политической позиции в интернете другими?
Figure 2 – Do you approve of other people actively expressing their political position on the Internet?

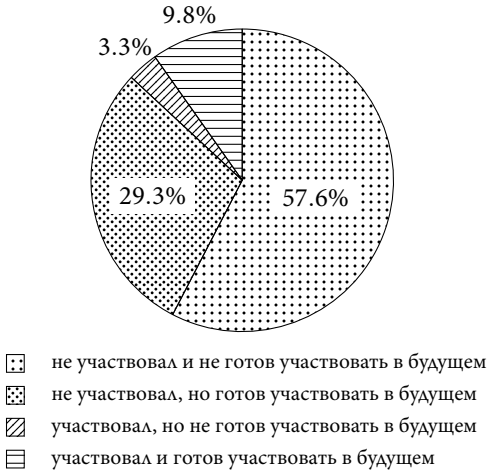

Рисунок 3 – Участвовали ли вы в каких-либо уличных акциях протеста и готовы ли вы принимать в них участие в будущем?
Figure 3 – Have you participated in any street protests and are you ready to take part in them in the future?

Рисунок 4 – Как вы оцениваете участие молодёжи в политической жизни современной России?
Figure 4 – How do you assess the participation of young people in the political life of modern Russia?

дентов положительно относятся к использованию большинства указанных практик (исключение – фейк ньюз и холивар) другими пользователями, но при этом более 70 % опрошенных не используют ни одну из этих практик, то есть словесное одобрение цифровых политических практик не подкрепляется реальной активностью.

Вместе с тем из предложенных вариантов наиболее выбираемая активность связана с созданием и подписанием петиций на интернет-ресурсах: девушки и юноши не только позитивно относятся к подобной форме выражения политических взглядов, но и склонны использовать ее в своем поведении. Одобрение у молодёжи получили такие практики как: ведение стримов, написание постов и осуществление репостов, освещающих актуальные политические события, а также использование хештегов для идентификации себя и своей политической позиции. В собственный поведенческий репертуар респонденты включают создание и/или использование мемов на политические темы и использование стикеров в мессенджерах для выражения личной позиции. Одинаково менее представлена практика дезинформации как в оценке отношения к ней, так и в контексте ее выбора в качестве модели собственного политического поведения. При разделении всех практик на просоциальные и асоциальные с точки зрения их инструментальной составляющей необходимо заметить, что последние меньше всего поддерживаются молодежью за исключением практики политических мемов. Несмотря на механизм обесценивания, лежащий в основе создания мемов, подобная форма выражения собственных политических взглядов получила распространение именно в молодежной среде, поскольку она ультрасовременна, провокационна по своей сути и демонстрируется в формате юмористического образа массовой культуры.

На наш взгляд, вывленные противоречия, пассивность и фактическая эксклюзия молодежи при словесном одобрении и потенциальной готовности реализации цифровых политических практик обусловлены политическим неравенством в аспекте влияния на принятие управленческих решений, а также карательным характером правового регулирова-

ния протестной он-лайн и оф-лайн активности. Негативное маркирование политической маргинальности молодежи со стороны власти, отсутствие нормативного и экспертного единства в оценке угроз и рисков реализации молодежью маргинальных политических практик актуализирует проблему регулирования молодежного он-лайн участия. Защита, охранение границ является одним из ведущих способов взаимодействия с маргинальным [Разинов 2020]. Это утверждение справедливо и для сферы политической коммуникации. Социальный консерватизм, сведение управления маргинальными политическими практиками к обеспечению безопасности и демаргинализации, разворот человеческого развития от вектора к свободе на вектор к безопасности с соответствующей динамикой нормотворчества, доминирование ценности безопасности над ценностями самостоятельности, риска и новизны[3] и запрос на стабильность[4] являются существенным препятствием конструктивного разрешения вертикальных политических конфликтов и выстраивания политического диалога.

При этом в политически активной молодежной среде формируется запрос на преодоление ограничений свободы выражения собственной политической позиции и политического участия. Согласно данным проведенного нами опроса, универсальными ценностными основаниями политической активности являются свобода и независимость, справедливость и равные возможности.

Протестный потенциал молодежной среды актуализирует проблему прогнозирования возможных исходов реализации молодежью маргинальных политических практик, в том числе – цифровых.

Для современной молодежи характерно, что ее социально-политическая активность зарождается в цифровом пространстве, а практически реализуется в ходе ее участия в реальных событиях. Основная цель социально-политического участия молодежи – отстаивание своей гражданской позиции, что в результате отсутствия четкой институализации и понимания субъектом границ правового регулирования зачастую принимает социально небезопасные формы, реализуемые маргинальными способами.

Также серьезную проблему для общества представляет калькированный перенос молодежью своей социально-политической активности из пространства социальных сетей в пространство реального социума и наоборот. Последствия такого переноса крайне сложно прогнозировать, а, значит, профилактировать и предотвращать.

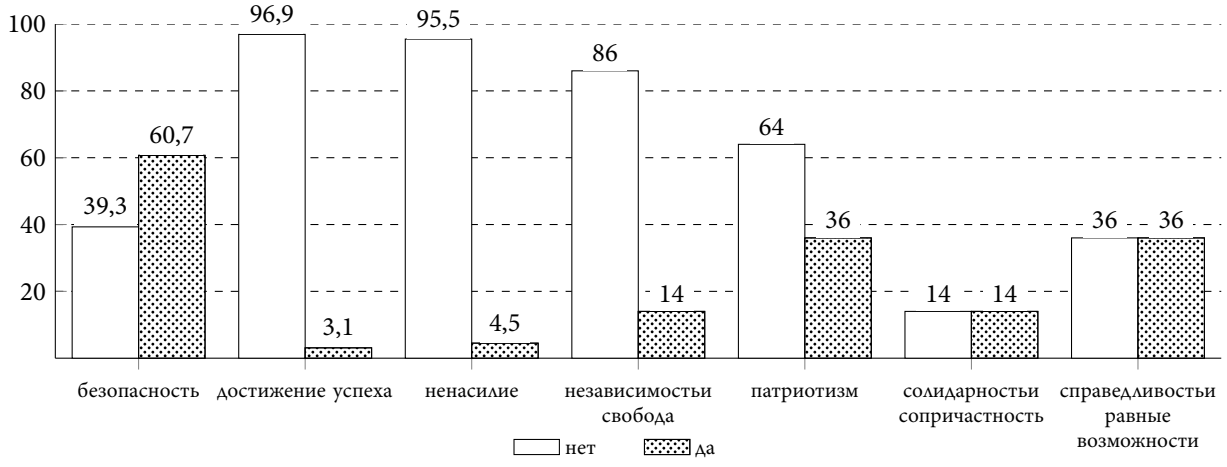

Рисунок 5 – Какими ценностями, по вашему мнению, руководствуется политически активная молодёжь при выражении своей общественной позиции?

Figure 5 – What values, in your opinion, are politically active youth guided by when expressing their public position?

[3]European Social Survey (ESS). URL: http://www.europeansocialsurvey.org (дата обращения: 25.02.2021)

[4]Безопасность для россиян означает спокойствие // РОМИР. URL: https://romir.ru/studies/bezopasnost-dlya-rossiyan-oznachaet-spokoystvie (дата обращения: 25.02.2021)

Несмотря на огромное количество времени, уделяемого молодежью развлекательному контенту в Сети, в цифровом пространстве происходит формирование и трансформация гражданской субъектности молодых людей: повышение уровня гражданской активности и формирование патриотических настроений, низовой инициативы (в том числе на уровне локального патриотизма), изменение системы морально-нравственных ценностей, принятие ответственности за происходящее в городе, регионе, стране. Однако на сегодняшний день на концептуальном уровне не определены стратегии поведения субъектов социально-политического взаимодействия, факторы влияющие на выбор стратегий, а также не выработаны сценарии, прогнозные модели ожидаемых результатов использования молодежью маргинальных политических практик. В силу этого, власть не имеет возможности подобрать эффективные механизмы взаимодействия с социально-политически активной молодежью, что приводит к реализации сценария «проиграл-проиграл».

Поскольку сфера политического по своей природе конфликтогенна, то для решения проблемы прогнозирования результатов политической активности молодежи посредством реализации маргинальных политических практик мы использовали теорию игр. Теорию игр можно рассматривать как теорию рационального поведения людей с несовпадающими интересами [Салин, Юрга 2012]. Игра в данном случае и является формой конфликта, в котором участвуют две и более стороны, ведущие борьбу за реализацию своих интересов. Конфликт как игра характеризуется антитетичностью, напряженностью, неопределенностью исхода и наличием приза, выигрыша. В такой игре целью каждой из сторон является поиск такой стратегии поведения, которая, в зависимости от поведения других участников, приведет либо к выигрышу, либо к проигрышу. Задача, стоящая перед участниками игры – выбрать наилучшую (-шие) стратегию (-и) с учетом представлений о других участниках, их ресурсах и ожидаемых от них поступков. Игроки нацелены достигнуть максимальной полезности с учетом сложившейся ситуации.

Алгоритм применения теории игр заключается в следующем:

Формулировка решаемой проблемы т.е. выявление противоречия между текущим положением дел и ожиданиями или прогнозами. Проблема нашего исследования – возможно ли построение модели сценариев коммуникации молодежи и государства и выявление наилучшей стратегии?

Построение неформализованной модели, т.е. упрощенное описание модели естественным языком. Для нашего исследования, это описание стратегий проявления политической активности молодежи и оценка этого поведения со стороны государства;

Построение формализованной модели, т.е. перевод ситуации с естественного на математический язык;

Дедуктивный вывод, т.е. формулировка частного умозаключения, с необходимостью следующего из начальных истинных посылок.

При математической формализации конфликта игра должна соответствовать определенной системе условий, описывающей:

– возможные действия каждого из игроков, т.е. стратегии поведения;

– объем информации, которым владеет или может получить каждая сторона о действиях оппонента;

– исходы игры в результате каждой совокупности ходов, совершенных игроками.

В теории игр выделяют следующие виды игр:

– игры с нулевой суммой, это ситуация конфликта, при которой сумма выигрыша одних игроков будет равна сумме проигрыша остальных;

– игры с ненулевой суммой, ситуация, при которой происходит координирование действий с партнером (противником) для того, чтобы иметь возможность влиять на принятие им решений;

– позиционные игры, характеризующиеся наличием заданной последовательности принятия игроками решения.

Общей целью игры является выработка рекомендаций для приемлемого поведения игроков в конфликте и выявление для каждого оптимальной стратегии [Салимов, Юрга, 2012]. Под оптимальной стратегией следует

понимать стратегию, которая при многократном повторении гарантирует игроку максимальный выигрыш или проигрыш – т.н. принцип minmax (минимакса).

Поскольку ситуация, в которой мы планируем применить теорию игр характеризуется неопределенностью, когда государство в силу отсутствия полной информации о возможных вариантах поведения молодежи не может принять единое верное решение, то теория игр может применяться для построения прогнозов дальнейшего развития событий.

На основе анализа результатов проведенного опроса нами были выделены четыре основные коммуникативные стратегии молодежи в цифровом пространстве, сумма которых равна 1, $\sum_{j=1}^{n} = 1$.

Позитивно-активистская стратегия («одобряю и использую») или партисипативная стратегия, стратегия активного влияния молодежи на сферу политического посредством поддержки и реализации цифровых практик маргинального характера. Данной стратегии придерживаются 14 % респондентов, таким образом, ее коэффициент составил 0,14.

Эти данные в целом отражают тенденцию по формированию новой культуры участия, когда медиа, сеть становятся тем пространством, где молодежь исследует собственные возможности и апробирует альтернативные традиционным политические практики [Jenkins, Shresthova, Gamber-Thompson, Kligler-Vilenchik, Zimmerman 2016].

Рисунок 6 – Стратегии политического участия молодёжи в цифровом пространстве

Figure 6 – Strategies for the political participation of youth in the digital space

Стратегия активного избегания («не одобряю и не использую»), возможно, связанная с предпочтением традиционных (не виртуальных) практик политического участия, таких как выборы, членство в партийной или общественной организации, уличные акции и т.д. Кроме этого, избегание молодежью использования маргинальных политических практик может быть связано с репрессивным характером законодательного регулирования политической активности как в сети, так и в реальном пространстве. Данную стратегию разделяют 38 % опрошенных, а ее коэффициент составил 0,38.

Данные стратегии являются адекватными, когерентными – они характеризуются согласованностью оценки маргинальных политических практики и самого практикования.

Пассивная, но потенциально активистская стратегия («одобряю, но не использую»), стратегия уклонения при сохранении возможного резервного влияния молодежи на сферу политического. Данной стратегии придерживается большинство опрошенных – 48 %, а ее коэффициент равен 0,48.

С одной стороны, стратегия скрытого (латентного) влияния трансформируется в активное вовлечение в условиях социальной напряженности, поляризации общества, отсутствия базового консенсуса, что может стать источником нестабильности политической системы. «Если политическая жизнь становится напряженной и остается таковой из-за нерешенности какого-то находящегося в центре внимания вопроса, несоответствие между позициями и поведением начинает терять устойчивость. Но любое относительно долговременное разрушение этого несоответствия с высокой долей вероятности влечет за собой неблагоприятные последствия», – отмечают Г. Алмонд и С. Верба [Алмонд 1992]. С другой стороны, возможна трансформация данной стратегии в конформистскую, связанную с утратой молодежью ощущения собственной влиятельности, а также усилением патерналистских ориентаций, характерных для российской политической культуры.

Негативно-активистская стратегия («не одобряю, но использую»), также является партисипативной стратегией. Предположитель-,

Таблица 1 – Основные характеристики стратегий политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве

Table 1 – The main characteristics of the strategies of political communication of youth in the digital space

Стратегия	Активность	Пассивность	Баланс оценки и практикования	Дисбаланс оценки и практикования	Одобряется государством, законно	Не одобряется государством, не законно
1. Позитивно-активистская стратегия	+		+		Конвенциональное участие, санкционированные, нормальные стратегии экстраординарные стратегии	Неконвенциональное (протестное) участие, несанкционированные,
2. Стратегия активного избегания		+	+			
3. Пассивная, но потенциально активистская стратегия		+		+		
4. Негативно-активистская стратегия	+			+		

но отражает не только конформизм молодежи (как согласие с политически активными маргинальными лидерами молодежной среды), но и протестный, демонстративный негативизм; может быть вынужденной стратегией в условиях, когда молодежи недоступны другие варианты политического влияния. Доля респондентов, реализующих подобную стратегию, ничтожно мала и составляет 0,2 %, а коэффициент данной стратегии равен 0,002.

Данные стратегии являются неадекватными, некогерентными – они характеризуются дисбалансом оценки маргинальных политических практик и самого практикования.

Каждая из выявленных стратегий может как санкционироваться, так и не санкционироваться государством. В цифровом пространстве реализуются как легитимные, конвенциальные (соответствующие норме), так и нелигитимные, неконвенциональные (экстраординарные) политические стратегии молодежи. Стратегии первого типа носят нонконфликтогенный характер, направлены на поддержание устойчивого состояния политической системы. Стратегии второго типа обладают протестным потенциалом, выражают запрос молодежи на изменения (в том числе, радикальные) политической системы, в силу чего политический конфликт выступает одним из возможных исходов коммуникации власти и молодежи.

Для расчёта наиболее благоприятного исхода политической активности молодёжи в цифровом пространстве мы опирались на теорию матричных бескоалиционных игр. Бескоалиционная игра представляет собой способ моделирования и анализа ситуаций, в которых рациональные решения каждого игрока зависят от его представлений об игре оппонентов. Отличительной особенностью бескоалиционных игр является то, что каждый игрок пытается предсказать игру своих оппонентов, опираясь на общие правила игры [Григорьева 2007 : 5]. Бескоалиционные игры оптимальны для построения краткосрочных прогнозов, благодаря чему возможно оперативное разрешение текущих конфликтов. Это связано с тем, что рассматриваемые с помощью бескоалиционных игр ситуации допускают иррациональное поведение участников, которое не подлежит долгосрочному прогнозированию. Задача каждого игрока – максимизировать свой выигрыш, а цель игры – определение такой ситуации, которая удовлетворяет всех игроков, то есть поиск равновесной ситуации или равновесия по Нэшу.

Цель и суть рассматриваемой нами игры – установление конструктивной, партнерской, взаимовыгодной коммуникации между политически активной молодежью России и государством в целом. Таким образом, в нашей игре присутствует два игрока – молодежь и государство. У каждого игрока есть свой набор коммуникативных стратегий. Взаимодействие игроков, реализующих многообразные коммуникативные стратегии, определяет стратегическую культуру российского общества, то есть – предпочтительный метод преодоления коммуникативных вызовов, решения жизненно важных для страны проблем и достижения общественного согласия [Семичева 2015 : 5].

Зная коэффициент значения отдельной стратегии каждого игрока, мы можем выявить всевозможные варианты взаимодействия игроков, рассчитать вес исхода при реализации любого сочетания стратегий, а также найти равновесный вариант взаимодействия.

На основе анализа законодательства (№ 67–ФЗ от 12.06.2002, № 149–ФЗ от 27.07.2006, № 97–ФЗ от 05.05.2014, № 37-ФЗ и № 43–ФЗ от 09.03.2021, ч. 1 и 2 ст. 15 КоАП РФ и др.) мы выделили две коммуникативные стратегии государства, складывающиеся из правовой оценки политической активности молодёжи как легитимной и законной (одобряемой) или нелегитимной и незаконной (неодобряемой и наказуемой).

Сумму стратегий поведения государства мы приняли за единицу, $\sum_{j=1}^{m} = 1$, исходя из чего определили вес каждой стратегии. Коэффициент стратегии, оценивающей поведение молодёжи как законное, мы определили равным 0,7, а стратегии, оценивающей поведение молодёжи как незаконное, - равное 0,3. Вес стратегии, оценивающей поведение молодёжи как незаконное, имеет коэффициент не равный нулю, поскольку Российская Федерация – правовое демократическое государство, признающее право граждан на нарушение закона. Наличие права на нарушение закона не говорит о значимости для государства мнения каждого гражданина и признании за ним свободы выбора и действий. «Общество, претендующее на признание прав, должно отказаться от идеи общего долга соблюдения законности в любой ситуации» [Дворкин 2004 : 268]. Правовое государство устроено сложнее, чем требование неукоснительного соблюдения законов и применение карательных санкций ко всем, кто иначе понимает закон, считает его неправовым, либо не желает его соблюдать.

Не имея возможности «опросить» государство, мы рассматриваем его как величину равную const, а при определении коэффициента его коммуникативных стратегий опираемся на результаты социологических исследований протестной активности россиян. По данным социологических исследований ВЦИОМ и Левада-центра, к концу 2019 года количество россиян, готовых принять участие в протестных акциях, составило около 30 %: 24 % – согласно данным ВЦИОМ[5] и 37 % - согласно данным Левада-центра[6]. Также социологи констатируют омоложение граждан, реализующих маргинальные политические практики. Так, согласно данным опроса на протестной акции 23 января 2021 г. в Москве, возраст 62 % участников составил от 18 до 35 лет[7]. Исходя из этих данных, мы определили коэффициенты коммуникативных стратегий государства как 0,3 и 0,7.

Теорема матричных игр [Кремлев 2016 : 50] гласит, что для определения равновесной (седловой) точки необходимо соблюдение следующего равенства: $\max_i \min_j h_{ij} = \min_j \max_i h_{ij}$.

Матрица расчета равновесного исхода коммуникации государства и молодежи в сфере политического выглядит следующим образом:

$$H = \left[\begin{array}{ccccc} i/j & \frac{j_1}{0{,}14} & \frac{j_2}{0{,}38} & \frac{j_3}{0{,}48} & \frac{j_4}{0{,}002} \\ \frac{i_1}{0{,}7} & \frac{h_{11}}{0{,}098} & \frac{h_{12}}{0{,}266} & \frac{h_{13}}{0{,}336} & \frac{h_{14}}{0{,}0014} \\ \frac{i_2}{0{,}3} & \frac{h_{21}}{0{,}042} & \frac{h_{22}}{0{,}114} & \frac{h_{23}}{0{,}144} & \frac{h_{24}}{0{,}0006} \\ & \downarrow & \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ & \underbrace{\frac{\max h_{11}}{i} \quad \frac{\max h_{12}}{i} \quad \frac{\max h_{13}}{i} \quad \frac{\max h_{14}}{i}}_{\frac{\min}{j}\frac{\max h_{14}}{j}} & & & \end{array}\right] \begin{array}{l} \rightarrow \\ \rightarrow \end{array} \left.\begin{array}{l} \frac{\min h_{14}}{j} \\ \frac{\min h_{24}}{j} \end{array}\right\} \frac{\max}{i}\frac{\min h_{14}}{j}$$

[5]Протестные настроения россиян: мониторинг // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/protestnye-nastroeniya-rossiyan-monitoring (дата обращения: 28.02.2021).

[6]Волков Д. Протестная активность // Левада-центр. URL: https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5 (дата обращения: 28.02.2021).

[7]Далеко не школота. Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян // Коммерсант. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4670663 (дата обращения: 20.02.2021).

где i_m и j_n – коммуникативные стратегии государства и молодежи соответственно, а h – возможный вариант коммуникации игроков.

Мы видим, что и для обоих акторов взаимодействия приемлемым способом поведения является реализация совокупности стратегии 1 государства (оценка поведения молодежи как законного) и стратегии 4 молодежи (негативно-активистская), поскольку выполняется необходимое равенство минимакса.

Следовательно, седловой точкой или точкой равновесия в данной игре является стратегия h_{14}, предполагающая использование молодежью маргинальных политических практик только с административного одобрения и с соблюдением законодательства. Данный результат говорит о том, что и для государства, и для молодежи наиболее приемлемой является ситуация конформного поведения последней. Выигрышной для обеих сторон является ситуация, когда молодежь, не разделяя репертуар практик маргинальной политической активности, реализует только те, которые не нарушают закон.

Таким образом, опираясь на теорию игр, представляя конфликтное взаимодействие молодых людей и государства в качестве бескоалиционной игры, мы можем выйти на решение проблемы непрогнозируемости поведения политически активной молодежи. В целом определение равновесного исхода реализации стратегий политической коммуникации может стать основой для определения точек бифуркации, своевременной оценки динамики отношений молодежи и власти и определения вероятностных исходов вертикальных политических конфликтов в современном российском обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алмонд Г., Верба С. (1992). Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. № 4. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

2. Баньковская С. (2012). FAQ: Социология маргинальности // Постнаука. 11.09.2012. URL: https://postnauka.ru/faq/4124 (дата обращения: 25.02.2021).

3. Вафин А.М. (2017). Политическая маргинальность: психология и идеология // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 6. № 4 (21). С. 307–310.

4. Вафин А.М. (2013). Феномен политической маргинальности: теоретический и эмпирический аспекты : диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Москва. 131 с.

5. Гаршин Н.А. (2018). Проблема политической маргинальности в контексте деформации толерантности // Философская мысль. № 11. С. 78–83. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.11.27014.

6. Григорьева К.В. (2007). Бескоалиционные игры в нормальной форме : Учебное пособие. СПб : Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. 78 с.

7. Гурин С.П. (2004). Маргинальная антропология // Anthropology.ru. 04.06.2004. URL: http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya (дата обращения: 01.03.2021).

8. Дворкин Р. (2004). О правах всерьез // Пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М. : РОССПЭН. 392 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/ehtika_i_ehstetika/dvorkin_r_o_pravakh_vserez_2004/36-1-0-2230 (дата обращения: 24.02.2021).

9. Дзялошинский И.М. (2019). Медиакарнавал в эпоху глобализации // МедиаАльманах. № 3 (92). С. 18–28. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2019.1828.

10. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ). URL: http://base.garant.ru/12125267/ (дата обращения: 14.03.2021).

11. Кремлев А.Г. (2016). Основные понятия теории игр : учебное пособие / А. Г. Кремлев. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 144 с.

12. Кукарников Д.Г., Гаршин Н.А. (2019). Постидеология и общество риска: системный анализ концептов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. № 2 (32). С. 24–32.

13. Омельченко Е.Л. (2019). Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 3–27. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.01.

14. «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб. : Скифия-принт, 2018. 216 с.

15. Разинов Ю.А. (2020). Состояние постмаргинальности // Международный журнал исследований культуры. № 1. С. 6–21. DOI: 10.24411 /2079-1100-2020-00001.

16. Рейнгольд Г. (2006). Умная толпа: Новая социальная революция. М. : ФАИРПРЕСС. 416 с.

17. Семичева А.С. (2015). Становление и сущность общей теории национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. № 1 (6). С. 3–7.

18. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ . URL: http://base.garant.ru/70648932/ (дата обращения: 14.03.2021).

19. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 43-ФЗ. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1449687/#ixzz6qQ2hMNa4 (дата обращения: 14.03.2021).

20. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 37-ФЗ // URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1449688/#ixzz6qQ3AFRFw (дата обращения: 14.03.2021).

21. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/184566/#ixzz6qQ3fqNRK (дата обращения: 14.03.2021).

22. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/12148555/#ixzz6qQ47hpuQ (дата обращения: 14.03.2021).

23. Шомова С.А. (2012). Карнавальные корни митинга: генезис и современные проявления // Государственная служба. № 4 (78). С. 64–68.

24. Шомова С.А. (2019). Выборы президента РФ–2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики // Полис. Политические исследования. № 3. С. 157–173. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.10.

25. Шпак Л.Л., Головацкий Е.В. (2015). Маргинальное политическое сознание и поведение проблема социологического анализа // Вестник Кемеровского государственного университета. № 2 (62). Т. 2. С. 105–110.

26. Blinova O., Gorbunova Yu., Porozov R., Obolenskaya A. (2019). Digital political practices of Russian youth: YouTube top bloggers. In: Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment» (ISMGE–2019). Vol. 331. URL: https://doi.org/10.2991/ismge-19.2019.19 (accessed 20.02.2021).

27. Blinova O., Gorbunova Yu., Value foundations of marginal political practices of youth // SHS Web of Conf. Vol. 94. 2021. Sustainable Development of Regions 2020 – XVI International Scientific and Practical Conference «State. Politics. Society». URL: https://doi.org/10.1051/shsconf/20219403017 (accessed 20.02.2021).

28. Green L., Brady D. Young people online. In Hartley, Burgess, and Bruns, eds. A Companion to New Media Dynamics. Chichester, England: Wiley-Blackwell. 2013. pp. 461-471. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118321607.ch33 (accessed 20.02.2021).

29. Jenkins H., Shresthova S., Gamber-Thompson L., Kligler-Vilenchik N., Zimmerman A. (2016). By Any Media Necessary: The New Youth Activism. New York: New York University Press. 352 p.

30. Kahne J., Middaugh E., Allen D. Youth. (2014). New Media, and the Rise of Participatory Politics, *YPP Research Network Working Paper*, no. 1, March 2014. URL: http://ypp.dmlcentral.net/sites/default/files/publications/YPP_WorkinPapers_Paper01.p (accessed 21.02.2021).

31. Mitchell J. (1995). City of bits space, place, and the infobahn. 232 p.

32. Soep E. (2014). Participatory politics: Next-generation tactics to remake public spheres. URL: https://ypp.dmlcentral.net/sites/default/files/publications/Participatory_Politics_Next_Generation.pdf (дата обращения: 21.02.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Блинова Олеся Александровна – Уральский государственный педагогический университет (620091, Россия, Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26); olesyablinova79@yandex.ru.

Горбунова Юлия Александровна – Московский университет им. С. Ю. Витте (115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, 12, стр. 1); gorbunovaua2008@yandex.ru.

POLITICAL COMMUNICATION STRATEGIES OF YOUNG PEOPLE IN THE DIGITAL SPACE: POSSIBLE OUTCOMES

O.A. Blinova[8a], **Yu.A. Gorbunova**[9b]

[a]Ural State Pedagogical University
[b]Moscow Witte University

ABSTRACT:
The article defines the main strategies of political communication of Russian youth and their possible outcomes in the context of digitalization of politics.

The digital space is considered by the authors as a space for young people to implement marginal ("hybrid", virulent, nonlinear) political practices such as "black swan" (N. Taleb). The marginal political practices of young people are studied from the standpoint of anti-reductionism and anti-binarism, which makes it possible to overcome the attribution of the marginal to the abnormal, dysfunctional and peripheral. The article substantiates the idea of marginal political practices being normal, constant and trendy in the youth environment. The study has multi-methodological character, the main methods include content analysis of social media accounts, game theory and a survey of youth (18–30 years, N = 420) in various regions of the Russian Federation, including Moscow and the Moscow region, St. Petersburg, Sverdlovsk oblast, Chelyabinsk oblast, Sevastopol and Republic of Crimea, Perm Krai, Krasnoyarsk Krai, Irkutsk oblast, Omsk oblast, etc.

The empirically discovered variability in the coordination between the assessment of marginal political practices (approval / censure) and the use of practices (use / refusal to use) is the basis for the author's classification of the strategies of political communication of young people in the digital space. The implementation of these strategies may or may not be approved by the State, which may result in a political conflict.

To find a balance in political communication between the state and the youth, the authors used the methods of game theory, namely, the search for balance in matrix non-coalition games. The authors proceeded from the fact that the communicants are not antagonists, i.e. they do not seek to "liquidate" each other, but, on the contrary, are aimed at obtaining a "win-win" outcome, which determined the choice of the matrix theory of non-coalition games.

The results fill the gap in the knowledge about marginal political practices of young people such as Digital Natives and help to gradually shift from description of practices to trend watching and foresight as the basis for managing political conflicts to minimize their destructive effects and maximize their constructive potential.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Social Research Expet Institute (EISI), project № 20-011-31736.

KEYWORDS: youth, marginal political practices, digital space, political communication strategies.

FOR CITATION: Blinova O.A., Gorbunova Yu.A. (2021). Political communication strategies of young people in the digital space: possible outcomes, *Management Issues*, no. 3, pp. 20–34.

REFERENCES

1. Almond G., Verba S. (1992). Civil Culture and Democracy Stability, *Polis. Political research*, no. 4. URL: http://www.civisbook.ru/files/file/1992-4-almond_verba.pdf (accessed 25.02.2021).

2. Bankovskaya S. (2012). FAQ: Sociology of marginalness, *Postnomuka*. 11.09.2012. URL: https://postnauka.ru/faq/4124 (accessed 25.02.2021).

3. Vafin A.M. (2017). Political marginality: psy-

[8]ORCID: 0000-0002-3051-4251
[9]ORCID: 0000-0003-4333-1945

chology and ideology, *Azimut of scientific research: Economics and management*, vol. 6, no. 4 (21), pp. 307–310.

4. Vafin A.M. (2013). Phenomenon of political marginalness: theoretical and empirical aspects. Ph. D. thesis. Moscow. 131 p.

5. Garshin N.A. (2018). The problem of political marginalness in the context of the deformation of tolerance, *Philosophical thought*, no. 11, pp. 78–83. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.11.27014.

6. Grigoreva K.V. (2007). Interlessnual games in normal form. St. Petersburg, Petersburg State University of Architecture and Construction. 78 p.

7. Gurin S.P. (2004). Marginal anthropology, *Anthropology.ru*. 04.06.2004. URL: http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya (accessed 01.03.2021).

8. Dvorkin R. (2004). On the rights seriously. Moscow, ROSSPEN. 392 p. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/ehtika_i_ehstetika/dvorkin_r_o_pravakh_vserez_2004/36-1-0-2230 (accessed 02.24.2021).

9. Dzyaloshinsky I.M. (2019). Mediakarnival in the era of globalization, *Mediaalmans*, no. 3 (92), pp. 18–28. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2019.1828.

10. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (Administrative Code of the Russian Federation). URL: http://base.garant.ru/12125267/ (accessed 14.03.2021).

11. Kremlev A.G. (2016). The main concepts of the theory of games. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University. 144 p.

12. Kukarnikov D.G., Garshin N.A. (2019). Postideology and risk society: system analysis of concepts, *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philosophy*, no. 2 (32), pp. 24–32.

13. Omelchenko E.L. (2019). Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique? *Monitoring public opinion: Economic and social changes*, no. 1, pp. 3–27. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.01.

14. "Policy Delivery" and populism. Skiffia Print, 2018. 216 p.

15. Razinov Yu.A. (2020). State of postmarginality, *International Cultural Research Journal*, no. 1, pp. 6–21. DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00001.

16. Reingold G. (2006). Smart crowd: a new social revolution. Moscow, Fairpress. 416 p.

17. Semicheva A.S. (2015). The formation and essence of the general theory of national security of the Russian Federation, *Bulletin of Witte Moscow University. Series 2: Law sciences*, no. 1 (6), pp. 3–7.

18. On amendments to the Federal Law "On information, information technology and on protection of information" and individual legislative acts of the Russian Federation on the streamlining of information exchange using information and telecommunication networks. Federal Law no. 97-FZ dated May 5, 2014. URL: http://base.garant.ru/70648932/ (accessed 14.03.2021).

19. On amendments to selected legislative acts of the Russian Federation. Federal Law no. 43-FZ dated March 9, 2021. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1449687/#ixzz6qq2hmna4 (accessed 14.03.2021).

20. On amendments to the Administrative Code of the Russian Federation. Federal Law no. 37-FZ dated MarchZ9, 2021. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1449688/#ixzz6qQ3AFRFw (accessed 14.03.2021).

21. On the main guarantees of electoral rights and the rights to participate in the referendum of citizens of the Russian Federation. Federal Law no. 67-FZ dated June 12, 2002 (with changes and additions). URL: http://base.garant.ru/184566/#ixzz6qQ3fqNRK (accessed 14.03.2021).

22. On information, information technologies and information protection. Federal Law no. 149-FZ dated July 27, 2006 (with changes and additions). URL: http://base.garant.ru/12148555/#ixzz6qQ47hpuQ (accessed 14.03.2021).

23. Shomova S.A. (2012). Carnival roots of the meeting: genesis and modern manifestations, *Public service*, no. 4 (78), pp. 64–68.

24. Shomova S.A. (2019). Election of the President of the Russian Federation–2018 in the mirror of memes: new realities of political communicate, *Polis. Political research*, no. 3, pp. 157–173. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.10.

25. Shpak L.L., Golovatsky E.V. (2015). Marginal political consciousness and behavior: The problem of sociological analysis, *Bulletin of the Kemerovo State University*, no. 2 (62), vol. 2, pp. 105–110.

26. Blinova O., Gorbunova Yu., Porozov R., Obolenskaya A. (2019). Digital political practices of Russian youth: YouTube top bloggers. In: Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment» (ISMGE–2019). Vol. 331. URL: https://doi.org/10.2991/ismge-19.2019.19 (accessed 20.02.2021).

27. Blinova O., Gorbunova Yu., Value foundations of marginal political practices of youth // SHS Web of Conf. Vol. 94. 2021. Sustainable Development of Regions 2020 – XVI International Scientific and

Practical Conference «State. Politics. Society». URL: https://doi.org/10.1051/shsconf/20219403017 (accessed 20.02.2021).

28. Green L., Brady D. Young people online. In Hartley, Burgess, and Bruns, eds. A Companion to New Media Dynamics. Chichester, England: Wiley-Blackwell. 2013. pp. 461-471. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118321607.ch33 (accessed 20.02.2021).

29. Jenkins H., Shresthova S., Gamber-Thompson L., Kligler-Vilenchik N., Zimmerman A. (2016). By Any Media Necessary: The New Youth Activism. New York: New York University Press. 352 p.

30. Kahne J., Middaugh E., Allen D. Youth. (2014). New Media, and the Rise of Participatory Politics, *YPP Research Network Working Paper*, no. 1, March 2014. URL: http://ypp.dmlcentral.net/sites/default/files/publications/YPP_WorkinPapers_Paper01.p (accessed 21.02.2021).

31. Mitchell J. (1995). City of bits space, place, and the infobahn. 232 p.

32. Soep E. (2014). Participatory politics: Next-generation tactics to remake public spheres. URL: https://ypp.dmlcentral.net/sites/default/files/publications/Participatory_Politics_Next_Generation.pdf (дата обращения: 21.02.2021).

AUTHORS' INFORMATION:

Olesya A. Blinova – Ural State Pedagogical University (26, Kosmonavtov Blvd, Ekaterinburg, 620091, Russia); olesyablinova79@yandex.ru.

Yuliya A. Gorbunova – Moscow Witte University (12 (1), 2nd Kozhukhovskiy proezd, Moscow, 115432, Russia); gorbunovaua2008@yandex.ru.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-36-48 ВАК: 23.00.02

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: КОРРУПЦИЯ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ?

Р.С. Мухаметов[1 a], **Д.Ю. Чиркин**[a]

[a]Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Актуальность темы. Туризм имеет большое значение для успеха многих экономик во всем мире. Есть несколько преимуществ туризма на принимающих направлениях. Он повышает доходы экономики, создает тысячи рабочих мест, развивает инфраструктуру территорий и способствует культурному обмену между иностранцами и гражданами.

Постановка проблемы. Цель настоящего исследования – оценка характера воздействия коррупции на туристическую привлекательность российских регионов. Исследовательский вопрос настоящей работы сформулирован следующим образом: каков характер воздействия коррупции на туристическую привлекательность российских регионов?

Обзор литературы. Показано, что в научной литературе существует два основных подхода к рассмотрению этого вопроса – «шлифование колес» и «смазывание колес». В соответствии с этими теориями, были выдвинуты следующие исследовательские гипотезы: 1) с ростом коррупции происходит снижение региональной туристической привлекательности; 2) с ростом коррупции не наблюдается снижение туристической привлекательности российских регионов.

Источники данных и методы исследования. Источником данных выступили портал правовой статистики Генпрокуратуры РФ и база данных Росстата. Статические вычисления проводились методом множественной линейной регрессии.

Результаты исследования. Результаты исследования подтвердили вторую гипотезу. Статистические расчеты показали, что коррупционные проявления не оказывают негативного влияния на туристическую привлекательность субъектов РФ. Показано, что это обусловлено как спецификой восприятия россиянами коррупции, так и более сильным воздействием культурно-исторических и маркетинговых факторов. Автор отмечает, что субъекты РФ с более высоким уровнем коррупции имеют и большее количество региональных брендов, памятников культуры, что в совокупности и притягивает туристов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коррупция, туризм, туристический спрос, туристическая привлекательность, регионы России.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мухаметов Р.С., Чиркин Д.Ю. (2021). Туристическая привлекательность российских регионов: коррупция имеет значение? // Вопросы управления. № 3. С. 36–48.

Введение

За последние несколько десятилетий туризм превратился в одну из ведущих отраслей мировой экономики. Важность туризма вытекает из многочисленных преимуществ, которые он приносит любой принимающей стране, региону или городу. Как показывают исследования, туризм способствует экономическому росту страны: во-первых, принося многочисленные экономические ценности и выгоды; во-вторых, помогая в создании стоимости бренда страны, имиджа и идентичности [1]. Для некоторых небольших стран туризм является главным источником получения иностранной валюты [2], а потребительский спрос иностранных туристов рассматривается как альтернативная форма экспорта [3]. Кроме того, выездной туризм может помочь снизить межгосударственную напряженность и способствовать большему взаимопониманию между народами путем уменьшения предрассудков, преодоления негативных сте-

[1]AuthorID РИНЦ: 538787, ORCID: 0000-0002-5175-8300, ResearcherID: M-7158-2016

© Мухаметов Р.С., Чиркин Д.Ю., 2021

реотипов, снятия культурных барьеров, а также увеличения большей взаимной симпатии между людьми [4].

Благодаря роли, которую выполняет туристическая отрасль для экономического развития и способствования мира, исследователи уделяют большое внимание изучению факторов туристической привлекательности. Необходимо отметить, что большая часть литературы посвящена изучению туристической привлекательности на общенациональном уровне [5; 6], в то время как субнациональный аспект проблемы рассматривается учеными как периферийный в целом. Современная Россия с ее большим количеством регионов представляет собой своего рода естественную лабораторию для изучения факторов туристической привлекательности территорий. Развитие туризма в субъектах РФ демонстрирует существенные различия, на что указывает Рейтинг субъектов Российской Федерации по развитию туризма от Минкультуры РФ. В этой связи возникает ряд вопросов: Почему в одни регионы страны приезжает больше туристов, чем в другие? Чем обусловлена популярность одних мест назначения у туристов по сравнению с другими?

Исследователи давно ищут ответы на эти вопросы, которые все более актуализируются по мере развития российской туристической отрасли. В научной литературе существует ряд объяснительных подходов к межрегиональным вариациям туристической привлекательности. Исследователи признают, что основным экономическим фактором, определяющим популярность туристических направлений, выступают цены на туристические услуги [7]. Е. Бузулукова считает, что туристическая привлекательность регионов связана с активным продвижением культурно-исторических достопримечательностей в интернет пространстве при помощи социальных сетей [8]. Ряд специалистов подчеркивают значимость грамотного позиционирования и брендинга как эффективного способа повышения узнаваемости [9]. Е. В. Фролова и Е. Е. Кабанова говорят о природно-территориальных факторах развития туристической привлекательности территорий, т.е. географическом расположении и природно-ресурсном потенциале [10]. Наконец, отмечается феномен потребления впечатлений и роль ресурсов местных сообществ в развитие индустрии туризма в регионах [11]. Как видно из обзора литературы, российские исследователи связывают привлекательность территорий со ставшими классическими такими детерминантами, как уровень цен, имидж, погодные условия, качество и наличие пляжей, исторические и культурные артефакты.

Туристическая отрасль нуждается в здоровой экономической, внутриполитической и международной среде для успешного функционирования. Одним из факторов, который может препятствовать развитию туристической отрасли, является коррупция [12]. Несмотря на то, что в научной литературе доминирует точка зрения о негативном влиянии коррупции на экономические и политические процессы, исследование ее взаимосвязи с региональной туристической отраслью в России является темой малоизученной. Исходя из этого, исследовательский вопрос настоящей работы сформулирован следующим образом: каков характер воздействия коррупции на туристическую привлекательность российских регионов? Понимание того, как коррупция влияет на туризм, имеет основополагающее значение для разработки политико-правовых мер, которые могут способствовать развитию индустрии туризма на субнациональном уровне.

Данная статья организована следующим образом. Первый раздел посвящен рассмотрению основных факторов, влияющих на туристическую привлекательность. Во второй части раскрывается взаимосвязь между коррупцией и туристическим спросом. В третьем разделе описываются набор данных и метод исследования. Статистические результаты и их обсуждение будут рассмотрены в четвертом разделе. В заключении разделе представлены выводы.

Детерминанты туристической привлекательности: обзор литературы

Туристическая привлекательность территорий и ее детерминанты пользуются большим вниманием со стороны ученых. В научной литературе можно обозначить несколько факторов.

Основным экономическим фактором, определяющим спрос на то или иное туристическое направление, является уровень реальных доходов. В эмпирической литературе широко признается, что доходы и цены на туристические услуги определяют спрос на туризм [13]. Хотя доходы и цены являются экономическими переменными, которые чаще всего используются для объяснения, существуют и другие переменные. Экономическая литература показывает, что туристическая привлекательность зависит от множества других факторов. Исследователи утверждают, что туризм весьма чувствителен к природно-климатическим, культурным, политическим, маркетинговым и другим детерминтам.

Климат играет ключевую роль в определении привлекательности того или иного направления для туристов. Тесная взаимосвязь между климатом и туризмом, влияние климата на выбор места назначения было широко исследовано. Анализ работ показывает, что климат оказывает существенное влияние на процесс принятия туристами решений, и он выступает ключевым фактором, который рассматривается туристами либо непосредственно в целях планирования путешествия, либо в качестве основного мотиватора [14; 15]. В исследовании, где изучался отдых в Средиземноморском регионе, отмечалось, что из общего числа атрибутов климат был назван большинством респондентов (61 %) в качестве атрибута, который максимально способствует повышению привлекательности региона [16].

Культурные факторы также оказывают глубокое влияние на привлекательность туристического места. Наличие в стране объектов всемирного значения представляет собой важный мотиватор посетить ту или иную территорию. Результаты исследования, направленные на изучение связи между объектами всемирного культурного наследия и международными туристическими прибытиями на мировом уровне, используя панельные данные 66 стран в период с 2000 по 2009 год, показывают, что существует положительная связь между наличием таких объектов и количеством туристов, и эта связь является более сильной для природных, а не для объектов культурного наследия [17]. Другие ученые выявляли причинно-следственной связи между туристическими потоками, с одной стороны, и посещениями музеев и памятников, с другой стороны. Рассматривая Италию в качестве объекта исследования, они пришли к выводу, что музеи и памятники выступают важными туристическими достопримечательностями. Однако посещение культурных объектов воспринимается большинством туристов как побочный продукт отдыха, а не главная цель [18]. Кристоф Виетца, изучив влияние культурных и конкретных религиозных факторов на туристические потоки в США, сделал вывод, что культурная близость, в том числе и общая религия, между страной происхождения и страной назначения оказывает положительное влияние на туристические потоки между этими странами [19].

Политические факторы также оказывают влияние на туристический спрос. Стабильная политическая ситуация может привести к здоровому росту спроса на туризм, в то время как нестабильность может негативно сказаться на нем. Наличие политической стабильности и безопасности является необходимым условием для посещения туристов. Туристы, скорее всего, воздержатся от поездок в регионы, охваченные социальными или экономическими потрясениями, если только атрибуты, связанные с местом, не являются уникальными и высоко ценятся [20].

В последние годы появилось несколько публикаций, демонстрирующих связь между терроризмом и туризмом. Современные исследования свидетельствуют о наличии негативной взаимосвязи. В частности, изучение влияния террористических атак на туристическую индустрию Турции между 1986 и 2006 годами показало наличие негативного причинно-следственного воздействия терроризма на туризм [21]. В другом исследовании было обнаружено, что в период 1985–2006 годов влияние терроризм на туристический рынок Турции был отрицательным, но масштабы сокращения притока иностранных туристов невелики [22]. Проанализировав влияние внутреннего и транснационального терроризма на туристический спрос в Ливане, Турции и Израиле, ученые выявили, что терроризм в одной стране влияет на туристический спрос не

только в этой стране, но и имеет побочные последствия для соседних государств [23].

В качестве фактора, влияющих на туристическую привлекательность территорий, называют имидж и бренд дестинации. Туристические направления с положительным имиджем и сильным узнаваемым брендом создают благоприятное мнение о пункте назначения и имеют более высокую вероятность быть выбранными. Определенный образ назначения не появляется в сознании туристов автоматически без каких-либо причин. Он мыслится как результат восприятия туристами атрибутов дестинации. С точки зрения дестинации, событийный туризм – это организация мероприятий для получения экономических и общественных выгод. Их проведение часто рассматривается как идеальный способ для территории (города, региона) привлечь не просто большое количество гостей и посетителей, но и лидеров общественного мнения (знаменитостей, ученых и журналистов), которые впоследствии могу написать хорошие отзывы. Помимо привлечения аудитории и лидеров общественного мнения, события фокусируют внимание СМИ на определенном месте в течение короткого, концентрированного периода, позволяя принимающей стороне продвигать определенные выбранные образы, которые могут служить для улучшения негативного образа, создания положительных новостей и переключения внимания международных СМИ с негативного на позитивное изображение места назначения.

В последнее время одной из интересных областей исследований, получивших большое внимание в туристической литературе, является взаимосвязь между коррупцией и туристической привлекательностью.

Коррупция и ее воздействие на туризм: теоретический очерк

Туризм стал одним из главных источником занятости, доходов, двигателей развития для ряда государств, регионов и отдельных городов, которые конкурируют между собой на международном, региональном и местном уровнях. Кроме того, постоянно появляются новые туристические направления, которые позиционируют себя как уникальные достопримечательности для посещения. В результате у сегодняшних туристов есть все более широкий спектр возможных вариантов назначения, чтобы выбрать между ними и иметь возможность привлечь людей. Исходя из этого, туристическая отрасль нуждается в здоровой экономической, внутриполитической и международной среде для функционирования. Однако существует много факторов, которые могут выступить барьером на пути развития туризма. Так, например, в Стратегии развития туризма, которая была утверждена в 2014 г., ограничивающими факторами назывались высокие внутренние цены, недостаточно комфортная туристская информационная среда, недостаток количества доступных гостиниц и аналогичных средств размещения. В Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 года, в качестве сдерживающих факторов упоминаются высокая стоимость транспортировки туристов, низкая узнаваемость российских туристских брендов на зарубежных рынках, сложная система получения виз для экономически развитых государств. Одним из факторов, который может препятствовать развитию туристической отрасли, является коррупция.

Единого и четкого определения коррупции в научной литературе не существует. Это связано с тем, что коррупция существует в разных формах и с участием разных лиц. Коррупция – это широкий термин, который описывает множество видов поведения, начиная от взяточничества среди государственных служащих до коммерческого подкупа. Коррупция определяется как злоупотребление государственной должностью в личных целях, для получения частной выгоды [24]. Данная формулировка стала наиболее часто используемой характеристикой. В данном случае она принимается в качестве рабочего определения и не оспаривается в силу того, что у данного исследования нет такой задачи.

В последнее время коррупция считается одним из определяющих факторов развития туризма. В научной литературе существует две противоположных теории о воздействии коррупции на туристический спрос.

Первая теория – «шлифование колес» – исходит их того, что коррупция оказывает пагубное воздействие на развитие государства, по-

скольку она порождает искажения и неэффективность. Коррупция может снижать конкурентоспособность туризма, а также негативно влиять на туристическую отрасль.

Идея о том, что коррупция иногда может быть эффективной, является анафемой в большинстве политических кругов. Международные организации, такие как МВФ и ОЭСР, рассматривают коррупцию как серьезное препятствие экономическому развитию. Стремление искоренить коррупцию привело к целому ряду международных инициатив, включая Конвенцию ООН против коррупции, принятую в 2003 году, или Конвенция о борьбе с дачей взяток иностранным государственным должностным лицам при осуществлении международных деловых операций. Однако часть исследователей оспаривает широко распространенное мнение о том, что коррупция неэффективна. Тезис о том, что коррупция может оказывать благотворное воздействие, получил свое развитие в теории «смазывания колес», одним из создателей которой является С. Хантингтон, написавший в 1968 г.: «С точки зрения экономического роста хуже общества с жесткой, сверхцентрализованной, бесчестной бюрократией может быть только общество с жесткой, свехцентрализованной, честной бюрократией» [25]. Данная теория предполагает, что коррупция может быть полезной в странах, где другие аспекты управления неэффективны, но остаются вредными в других местах. Иными словами, коррупция приносит пользу в государствах с недостатками в управлении, но остается пагубной в других странах. В нем говорится, что коррупция может принести пользу, смягчая искажения, вызванные плохо функционирующими институтами. В частности, «смазка колес» постулирует, что неэффективная бюрократия представляет собой серьезное препятствие для экономической деятельности, которое некоторые «быстрые» или «жирные» деньги могут помочь обойти [26].

П. Меон и Л. Вэйлл суммировали аргументы, выдвинутые в пользу теории «смазывания колес». Во-первых, коррупция может увеличить скорость, с которой бюрократы выдают разрешения. Во-вторых, коррупция может повысить качество государственной службы. Это связано с тем, что неэффективно низкая заработная плата дополняется взяточничеством, повышающим привлекательность рабочих мест в органах исполнительной власти, в свою очередь, повышает качество работы госслужащих. В-третьих, лицензии могут распределяться более эффективно, когда наиболее эффективная фирма может платить более высокую взятку [27]. Все вышеприведенные аргументы разделяют презумпцию того, что коррупция может положительно способствовать росту и развитию, поскольку она компенсирует последствия несовершенной бюрократии и плохой политики.

Коррупция негативно влияет на имидж или бренд страны, что напрямую сказывается на количестве потенциальных туристов. Снижение коррупции положительно влияет на конкурентоспособность туризма. Прирост конкурентоспособности туризма, обусловленное сокращением масштабов коррупции в развивающихся странах выше, чем в развитых [28]. Другими словами, если страна практикует взяточничество и мошенническую деловую практику, это может ухудшить ее социальный и культурный имидж и затруднить ее конкурентоспособность в области туризма. В другой работе было выявлено, что коррупция отрицательно влияла на общий туристический поток в 100 странах мира за период 1995–2010 гг. Снижение воспринимаемого уровня коррупции приводит к увеличению туристического потока (снижение уровня коррупции на один пункт приводит к увеличению турпотока на 2 %). Согласно исследованию, люди предпочитают путешествовать в страны с минимальным уровнем коррупция, т.к. коррупция приводит к увеличению расходов на поездки, что будет иметь примерно такой же эффект, как и налог. Туризм представляет собой высокоинформативный и эмоциональный продукт/услугу. Репутация, имидж и, в конечном счете, субъективное восприятие потенциальных потребителей является решающим [29]. Э. Демир и Г. Гозгор проанализировали влияние абсолютной и относительной коррупции на число туристических прибытий и обнаружили негативное влияние относительной коррупции в Турции в период 1996–2014 гг. [30]. В другом исследовании рассматривалось влияние коррупции на демократические страны

в сравнении с недемократическими государствами. Было обнаружено, что коррупция является более значимым для туризма в демократических странах, а не в недемократических странах. Уменьшение уровня коррупции на один процент приводит к увеличению числа туристов на 11,3–18,8 %. Полученные результаты показывают, что коррупция оказывает негативное и статистически значимое влияние на туристские потоки только в демократических странах [31]. В работе Джайоти и Кассандры отмечается два пути влияния коррупции на потенциал туристической конкурентоспособности страны. В исследовании утверждается, что коррупция может повлиять либо на имидж страны, либо на ее экономическую и деловую среду [32].

Таким образом, полученные результаты наглядно демонстрируют значимость негативного влияния коррупции на туризм. Оценки исследователей показывают, что спрос на туризм отрицательно связан с коррупцией. Одним из важных политических последствий этого вывода является то, что страны, стремящиеся максимизировать выгоды от туризма, преуспевают в искоренении коррупции. Таким образом, антикоррупционная политика имеет очень важное значение для получения выгод от роста туризма.

Хотя общепризнано, что коррупция негативно влияет на туристический спрос, имеются ученые, которые придерживаются совершенно иного мнения. Ряд исследователей пришел к мнению, что коррупция может быть не так уж и вредна, если пункт назначения имеет историческое значение и природное наследие. Они обнаружили негативное влияние коррупции на туристские прибытия, но туристические направления, которые имеют исторические и природные объекты культурного наследия, не будут иметь снижения туристического спроса с ростом коррупции. Коррупция может положительно влиять на туризм через практику взяточничества [33]. Согласно другому исследованию данных авторов, государственные служащие работают больше, если они просят взятки. Правила могут ограничивать бизнес, и когда фирмы могут обойти правила, давая взятки нужным должностным лицам, бизнес работает лучше [34]. В странах, которые перегружены нормативными актами, коррупция может быть очень полезной для фирм в туристической отрасли, ускоряя процессы и обходя сложные правила [35]. Таким образом, существующая литература о коррупции и спросе на туризм показывает некоторые смешанные выводы. Нет единого мнения о взаимосвязи коррупции и туризма. Литература, посвященная влиянию коррупции на спрос на туризм, далека от окончательных выводов. Было показано, что коррупция влияет на туризм как положительно, так и отрицательно во многих отношениях. Учитывая, что коррупция играет значительную роль в создании и определение деловой и экономической среды страны, а также ее имиджа, логично сделать вывод, что уровень коррупции скажется на туристической конкурентоспособности той или иной территории.

Исходя из наличия двух основных теорий, можно сформулировать исследовательские гипотезы:

– *H1*: с ростом коррупции происходит снижение региональной туристической привлекательности;

– *H2*: с ростом коррупции не наблюдается снижения региональной туристической привлекательности.

Переменные, данные и метод исследования

Зависимая переменная – туристическая привлекательность, которая была операционализирована через количество размещенных лиц в гостиницах (переменная «TOURISTS»). Источником данных стали данные Росстата. Независимая переменная (коррупция) была операционализирована через количество зарегистрированных преступлений по ст. 290 – получение взятки (переменная «BRIBES»). Базой данных выступил портал правовой статистики Генпрокуратуры Российский Федерации. Что касается контрольных переменных, то переменная бренды операционализирована через количество региональных брендов, данные по которым представлены Министерством экономического развития РФ (переменная «BRANDS»). Зависимость туристической привлекательности от туристического предложения была операционализированы через количество гостиниц (переменная «HOTELS») и площадь

Таблица 1 – Описательная характеристика

Table 1 – Descriptive characteristics

Переменные	Минимум	Максимум	Среднее значение	Среднее отклонение
TOURISTS	8,00	17252,00	866,9647	2139,81432
BRIBES	1,00	244,00	40,0235	41,13826
HOTELS	5,00	5883,00	330,2588	661,84299
BRANDS	0,00	10,00	1,9059	2,37358
SQUARE	3,80	3241,70	209,9341	419,13958
CULT	50,00	10087,00	2333,8118	2280,92458

Таблица 2 – Результаты множественной линейной регрессии (зависимая переменная – туристическая привлекательность субъектов РФ)

Table 2 – Results of multiple linear regression (dependent variable-tourist attractiveness of the subjects of the Russian Federation)

Независимые переменные	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	*t*	Значимость
	B	Стандартная ошибка	*Beta*		
BRIBES	18,558	4,116	0,357	4,509	0,000
HOTELS	1,633	0,648	0,505	2,519	0,014
BRANDS	162,134	62,125	0,180	2,610	0,011
SQUARE	5,564	1,138	0,623	4,888	0,000
CULT	0,176	0,069	0,188	2,548	0,013
Константа	195,545	207,684		0,942	0,349

Число случаев = 85 *R-квадрат* = 0,730 *Скорректированный R-квадрат* = 0,713

номерного фонда (переменная «SQUARE»), источниками данных по которым стала информация Росстата. Зависимость туристической привлекательности от наличия на территории объектов всемирного значения была операционализирована через количество памятников культурного наследия на территории региона (переменная «CULT»). Источником данных выступил Рейтинг регионов России по обеспечению цифровой открытости объектов культурного наследия.

Описательная статистика по переменным представлена в таблице 1. Проверка рабочих гипотез осуществлялась методом множественной линейной регрессии.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

В таблице 2 представлены результаты регрессионного анализа туристической привлекательности российских регионов.

Итак, из таблицы 2 видно, что связь между коррупцией и туристической привлекательностью существует и эта связь является значимой. Коэффициент Beta (0,357) означает, что между переменными существует положительная (прямая) связь, т.е. коррупционные проявления не оказывают отрицательного влияния на туристическую привлекательность субъектов федерации. Если говорить об оценке силы связи, то она средняя (или, по таблице Чеддока, умеренная). Значение коэффициента регрессии B независимой переменной составляет 18,558. Это означает, что увеличение количества зарегистрированных преступлений по ст. 290 (получение взятки) в регионе на 1 пункт в построенной модели влечет за собой увеличение числа лиц, размещенных в гостиницах на более чем 18 тысяч. Таким образом, можно сделать вывод о подтверждении именно второй гипотезы.

Задача любого исследования заключается не просто в том, чтобы установить наличие или отсутствие связи между переменными, подтвердить или опровергнуть выдвинутые гипотезы, но и предложить объяснительную модель. Как нам представляется, существует две основные причины отсутствия чувствительности туристического спроса к коррупции и ее проявлениям в регионах России.

Первая причина лежит в амбивалентном отношении россиян к коррупции. Как отмеча-

ют исследователи, большинство россиян имеет негативное отношение к этому явлению [36; 37]. По мнению ряда ученых, говоря о своем отрицательном взгляде к коррупции, подразумевается коррупция, которая поражает верхний уровень [38]. Как показывают исследования, несмотря на то, что большинство граждан страны считают коррупцию злом, многие готовы решать свои проблемы с помощью взяток, т.е. граждане могут прибегать в повседневной жизни к коррупционным взаимоотношениям[2] . Нематериальное коррупционное поведение, особенно на «низовом» уровне, не выглядит в глазах большинства граждан коррупционным. Иными словами, население против коррупции во власти, т.е. существует неприязнь к коррумпированным государственным служащим, но к бытовым взяткам относятся спокойно. Это связано с тем, что массовое сознание строже судит берущего, чем дающего [39]. Кроме того, в существующей системе российские граждане исходят из того, что нужно использовать имеющиеся механизмы решения вопросов. В силу этих и иных причин происходит оправдание коррупции в форме «мелких» служебных нарушений (блат, протекционизм, подношения, подарки).

Вторая причина связана с тем, что, хотя коррупция никогда не бывает хорошей, но не все формы коррупции одинаково вредны для экономики и наносят одинаковый вред. Коррупция – широкий феномен, она имеет множество разновидностей, и ее влияние на экономику, систему государственного и муниципального управления зависит от типа. Юэнь Анг утверждает, что не все виды коррупции вредят экономическому росту и причиняют одинаковый вред. Анг делит коррупцию на четыре разновидности: мелкое воровство, крупное воровство, быстрые деньги и деньги доступа. В то время как первые три типа препятствуют росту, доступ к деньгам – элитный обмен властью и прибылью – сокращает оба пути: он стимулирует инвестиции и рост. Он показывает, что капитализм и рыночная экономика не сопровождаются искоренением коррупции, а, скорее, ее эволюцией – от бандитизма и воровства к доступу к деньгам [40].

Третья причина того, что туристы (внутренние и внешние) игнорируют / не замечают коррупционную составляющую, связана влиянием других факторов. Из таблицы 2 видно, что связь между региональной туристической привлекательностью и количеством региональных брендов существует, а стандартизированных коэффициент показывает, что между переменными существует пусть и слабая, но положительная связь: чем больше число региональных брендов, тем выше туристическая привлекательность. Значение нестандартизированного коэффициента говорит о том, что увеличение числа региональных брендов на один пункт принесет увеличение числа туристов на 162 тысячи. Кроме того, видно, что связь между региональной туристической привлекательностью и наличием памятников культуры существует, а стандартизированный коэффициент указывает на положительную связь между переменными: чем больше памятников культуры имеется в субъекте федерации, тем выше туристическая привлекательность. Из таблицы 2 следует, что увеличение числа памятников на одну единицу приносит роста числа туристов на 176 человек. Влияние вышеназванного фактора на туристическую привлекательность было отмечено и рядом других исследователей [10; 41].

Две другие контрольные переменные также представляют туристическое предложение. Так, из таблицы 2 видно, что между зависимой и оставшимися переменными также существуют заметные положительные связи. Увеличение числа коллективных средств размещения на один пункт даст прирост числа туристов на более чем 1600 человек, а площади номерного фонда – 5,5 тысяч.

Таким образом, увеличение уровня коррупции не оказывает негативного влияния на число туристов в силу более сильного воздействия других факторов. Статистические подсчеты позволяют предположить, что туристическая привлекательность субъектов РФ зависит от культурных, маркетинговых детерминант. Понимание этих факторов представляется полезным для региональных властей в плане привлечения туристов.

[2]Левинсон А., Борусяк Л. (2019) «Знак уважения»: как россияне относятся к коррупции. URL: https://www.rbc.ru/society/08/04/2019/5caaed259a7947a31a21c1cd (дата обращения: 01.06.2020).

Следует отметить, что данное исследование обладает рядом ограничений. Во-первых, используемые данные относятся к одному году. В этой связи временное расширение может привести к несколько иным результатам исследования. Во-вторых, теоретически определенное искажение результатов исследования могло бы иметь место при операционализации зависимой переменной от баллов регионов во Всероссийском рейтинг субъектов РФ по развитию туризма Минкульта РФ или Национальном туристическом рейтинге, составляемым Центром информационных коммуникаций «Рейтинг» и журналом «Отдых в России».

Заключение

В литературе по туристической привлекательности высказывается предположение о том, что целый ряд факторов может оказывать существенное воздействие на туристический спрос. В настоящей статье предлагается некоторый предварительный анализ с упором на влияние одной переменной – коррупции. Данное исследование было вызвано нашим стремлением изучить влияние коррупции на туристическую привлекательность российских регионов. Для достижения этой цели мы, использовав открытые данные Росстата, провели регрессионный анализ. В результате проведенного исследования было установлено наличие связи между коррупцией и туристической привлекательностью. Несмотря на доминирование в научной литературе точки зрения о том, что коррупция отрицательным образом воздействует на туристический спрос, наше исследование показало, что коррупционные проявления не оказывают негативного влияния на туристическую привлекательность российских регионов. Иными словами, коррупционный фактор не отпугивает туристов, региональный туризм в России не чувствителен к коррупционным проявлениям, в процессе принятия решения о выборе (между российскими регионами) места путешествия туристы не принимают во внимание этот фактор. Данная работа, не претендуя на исчерпывающие и универсальные объяснения отсутствия негативного влияния коррупции на региональную туристическую привлекательность, предлагает несколько иной взгляд на причинно-следственный механизм. Как нам представляется, это обусловлено более сильным влиянием других факторов (культурного, маркетингового, имиджевого), которым коррупционная детерминанта проигрывает, т.е. субъекты с более высоким уровнем коррупции имеют и большее количество региональных брендов, числа гостиниц и т.д.

Говоря о направлениях дальнейших исследований, то можно обозначить два основных трека. Во-первых, в силу наличия ограничений, о которых было сказано выше, является важным расширить хронологические рамки будущих исследований и провести регрессионный анализ панельных данных. Во-вторых, представляется целесообразным проверить утверждение об обусловленности туристической привлекательности от терроризма и преступности. На данный момент статистические расчеты, проведенные в этой статье, вносят вклад в изучение детерминант туристической привлекательности российских регионов и дискуссию о влиянии коррупции на нее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mason P. (2015). Tourism Impacts, Planning and Management. London: Routledge. 208 p.

2. Pratt S. (2015). The economic impact of tourism in SIDS, *Annals of Tourism Research*, vol. 52, pp. 148–160. DOI: 10.1016/j.annals.2015.03.005.

3. Meyer N., Meyer D. (2015). The role and impact of tourism on local economic development: A comparative study, *African Journal for Physical Health Education, Recreation and Dance*, vol. 21, pp. 197–214.

4. Pratt S., Liu A. (2015). Does Tourism Really Lead to Peace? A Global View, *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, no. 1, pp. 82–90. DOI: 10.1002/jtr.2035.

5. Борисова А.О. (2017). Экономико-математический анализ факторов развития въездного туризма в России // Известия Байкальского государственного университета. Т. 27. № 4. С. 523–531.

6. Николаева Т.П., Орешкина Е.С. (2016). Детерминанты спроса на въездной туризм (на примере стран Европы и СНГ) // Сервис в России и за рубежом. Т. 10. № 8. С. 17–28.

7. Беднова М.А., Ратникова Т.А. (2011). Эконометрический анализ спроса на въездной ту-

ризм в России // Прикладная эконометрика. № 1. С. 97–113.

8. Бузулукова Е.В. (2018). Туристическая привлекательность регионов Центрального федерального округа в интернете // Вестник Московского государственного универсиетета. Серия 6. Экономика. № 3. С. 91–108.

9. Шичкова Е.В., Степченкова С.О., Рыхтик М.И., Голубин Р.В., Петрова О.В. (2017). Бренд в контексте туристической привлекательности города: кейс Нижнего Новгорода // Сервис в России и за рубежом. № 1. С. 58–72.

10. Фролова Е.В., Кабанова Е.Е. (2017). Факторы развития туристической привлекательности муниципальных образований России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 112–128.

11. Рогач О.В. (2019). Социальный капитал развития туристической привлекательности российских территорий. М. : Перспектива. 192 с.

12. Papathanassis A. (2019). The impact of corruption on travelers' perceptions and preferences, *Tourism Review*, vol. 74, no. 4, pp. 795–814. DOI: 10.1108/TP-05-2018-0065.

13. Wolfe A., Romeu R. (2011). Recession and Policy Transmission to Latin American Tourism: Does Expanded Travel to Cuba Offset Crisis Spillovers? *IMF Working Paper*, no. 11/32.

14. Aylen J., Albertson K., Cavan G. (2014). The impact of weather and climate on tourist demand: the case of Chester Zoo, *Climatic Change*, vol. 127, pp. 183–197. DOI: 10.1007/s10584-014-1261-6.

15. Denstadli J., Jacobsen J., Lohmann M. (2011). Tourist Perceptions of Summer Weather in Scandinavia, *Annals of Tourism Research*, vol. 38, no. 3, pp. 920–940. DOI: 10.1016/j.annals.2011.01.005.

16. Moreno A. (2010). Mediterranean Tourism and Climate (Change): A Survey-Based Study, *Tourism and Hospitality Planning & Development*, vol. 7, no. 3, pp. 253–265. DOI: 10.1080/1479053X.2010.502384.

17. Su Y.-W., Lin H.-L. (2014). Analysis of international tourist arrivals worldwide: The role of world heritage sites, *Tourism Management*, vol. 40, pp. 46–58. DOI: 10.1016/j.tourman.2013.04.005.

18. Cellini R., Cuccia T. (2009) Museum and monument attendance and tourism flow: A time series analysis approach, *Applied Economics*, vol. 45, pp. 189–208. DOI: 10.1080/00036846.2012.716150.

19. Vietze C. (2008) Cultural Effects on Inbound Tourism into the USA: A Gravity Approach, *Tourism Economics*, vol. 18, pp. 2008–2037. DOI: 10.5367/te.2012.0100.

20. Yap G., Saha S. (2013). Do Political Instability, Terrorism, and Corruption Have Deterring Effects on Tourism Development Even in the Presence of Unesco Heritage? A Cross-Country Panel Estimate, *Tourism Analysis*, vol. 18, no. 5, pp. 587–599. DOI: 10.3727/108354213X13782245307911.

21. Feridun M. (2011) Impact of Terrorism on Tourism in Turkey: Empirical Evidence from Turkey, *Applied Economics*, vol. 43, pp. 3349–3354. DOI: 10.1080/00036841003636268.

22. Yaya M.E. (2009). Terrorism and tourism: The case of Turkey, *Defence and Peace Economics*, vol. 20, no. 6, pp. 477–497. DOI: 10.1080/10242690903105414.

23. Bassil C., Saleh A. Anwar S. (2019) Terrorism and tourism demand: a case study of Lebanon, Turkey and Israel, *Current Issues in Tourism*, vol. 22, no. 1, pp. 50–70. DOI: 10.1080/13683500.2017.1397609.

24. Роуз-Аккерман С. (2003). Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы. М. : Логос, 356 с.

25. Хантингтон С. (2004). Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция. 480 с.

26. Méon P.-G., Sekkat K. (2005). Does corruption grease or sand the wheels of growth, *Public Choice*, vol. 122, pp. 69–97. DOI: 10.1007/s11127-005-3988-0.

27. Méon P.-G., Weill L. (2008). Is corruption an efficient grease? *BOFIT Discussion Paper*, no. 20/2008. DOI: 10.2139/ссрн.1304596.

28. Das J., Dirienzo C. (2010). Tourism competitiveness and corruption: A cross-country analysis, *Tourism Economics*, vol. 16, no. 3, pp. 477–492. DOI: 10.5367/000000010792278392.

29. Poprawe M.A. (2015). Panel data analysis of the effect of corruption on tourism, *Applied Economics*, vol. 47, no. 23, pp. 2399–2412. DOI: 10.1080/00036846.2015.1005874.

30. Demir E., Gozgor G. (2017). What about relative corruption? The impact of the relative corruption on the inbound tourism to Turkey, *International Journal of Tourism Research*, vol. 19, no. 3, pp. 358–366. DOI: *10.1002/jtr.2118*.

31. Ekine S. (2018). Corruption and Tourism: Evidence from democracies and non-democracies, *Issues in Political Economy*, vol. 2. no. 1, pp. 47–59.

32. Jayoti D., Cassandra D. (2009). The Nonlinear Impact of Globalization on Corruption, *International Journal of Business and Finance Research*, vol. 3, no. 2, pp. 33–46.

33. Yap G., Saha S. (2013). Do Political Instability,

Terrorism, and Corruption Have Deterring Effects on Tourism Development Even in the Presence of Unesco Heritage? A Cross-Country Panel Estimate, *Tourism Analysis*, vol. 18, no. 5, pp. 587–599. DOI: 10.3727/108354213X13782245307911.

34. Saha S., Yap G. (2015). Corruption and Tourism: An Empirical Investigation in a Nonlinear Framework, *International Journal of Tourism Research*, vol. 17, no. 3, pp. 272–281. DOI: *10.1002/jtr.1985*.

35. Bicchieri C., Duffy J. (1997). Corruption cycles, *Political Studies*, vol. 45, no. 3, 477–495.

36. Китова Д.А. (2016). Отношение населения к коррупции и коррупционным правонарушениям: эмпирический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 1. № 4. С. 145–167.

37. Никифорова О.А. (2019). Восприятие населением уровня коррупции в профессиональных сферах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 12. № 1. С. 51–66.

38. Леонтьева Э.О. (2010). Восприятие коррупции в стереотипах массового сознания россиян // Полития. № 1. С. 45–51.

39. Карепова С.Г., Пинчук А.Н., Некрасов С.В., Тихомиров Д.А. (2019). Коррупция и противодействие коррупции в восприятии российской молодежи: опыт фокус-группового исследования // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. № 50. С. 146–161. DOI: 10.17223/1998863X/50/14.

40. Ang Y.Y. (2020). China's Gilded Age: The Paradox of Economic Boom and Vast Corruption. Cambridge University Press. 275 p.

41. Лебедев К.А. (2015). Закономерности формирования туристического спроса в современных условиях // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. Т. 14. № 1. С. 50–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мухаметов Руслан Салихович – кандидат политических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); muhametov.ru@mail.ru.

Чиркин Дмитрий Юрьевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); 4ir_dim@mail.ru.

TOURIST ATTRACTIVENESS OF RUSSIAN REGIONS: DOES CORRUPTION MATTER?

R.S. Mukhametov[3][a], **D.Yu. Chirkin**[a]

[a]Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

The relevance of the study. Tourism is essential to the success of many economies around the world. There are several advantages of tourism for the host destinations. Tourism increases the income of the economy, creates thousands of jobs, develops the country's infrastructure and promotes cultural exchange between foreigners and citizens.

Research problem. The purpose of the article is to study the nature of the impact of corruption on the tourist attractiveness of Russian regions. The research question of this paper is formulated as follows: what is the nature of the impact of corruption on the tourist attractiveness of Russian regions?

Literature review. It is shown that in the scientific literature there are two main approaches to the study of this issue – «sand the wheels» and «grease the wheels». In accordance with these theories, the following research hypotheses were put forward: (1) with the growth of corruption, there is a decrease in regional tourist attractiveness; (2) with the growth of corruption, there is no decrease in the tourist attractiveness of Russian regions.

[3]RSCI AuthorID: 538787, ORCID: 0000-0002-5175-8300, ResearcherID: M-7158-2016

Data and research methods. The sources of the data are Crime statistics portal of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the Federal State Statistics Service. The calculations were performed with the help of the method of multiple linear regression.

Research results confirmed the second hypothesis. Statistical calculations have shown that corruption does not have a negative impact on the tourist attractiveness of the regions of the Russian Federation. This result is due both to the specifics of the perception of corruption by the Russians, and to the stronger influence of cultural, historical and marketing factors. It is revealed that the constituent entities of the Russian Federation with a higher level of corruption have a greater number of regional brands and cultural monuments which attract tourists.

KEYWORDS: corruption, tourism, tourist demand, tourist attractiveness, regions of Russia.

FOR CITATION: Mukhametov R.S., Chirkin D.Yu. (2021). Tourist attractiveness of Russian regions: does corruption matter?, *Management Issues*, no. 3, pp. 36–48.

REFERENCES

1. Mason P. (2015). Tourism Impacts, Planning and Management. London: Routledge. 208 p.

2. Pratt S. (2015). The economic impact of tourism in SIDS, *Annals of Tourism Research*, vol. 52, pp. 148–160. DOI: 10.1016/j.annals.2015.03.005.

3. Meyer N., Meyer D. (2015). The role and impact of tourism on local economic development: A comparative study, *African Journal for Physical Health Education, Recreation and Dance*, vol. 21, pp. 197–214.

4. Pratt S., Liu A. (2015). Does Tourism Really Lead to Peace? A Global View, *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, no. 1, pp. 82–90. DOI: 10.1002/jtr.2035.

5. Borisova A.O. (2017). Economic and mathematical analysis of factors for the development of inbound tourism in Russia, *News of the Baikal State University*, vol. 27, no. 4, pp. 523–531.

6. Nikolaeva T.P., Oreshkina E.S. (2016). Demand determinants for entry tourism (on the example of the countries of Europe and the CIS), *Service in Russia and abroad*, vol. 10, no. 8, pp. 17–28.

7. Bednova M.A., Ratnikova T.A. (2011). Econometric analysis of demand for inbound tourism in Russia, *Applied econometrics*, no. 1, pp. 97–113.

8. Buzulukova E.V. (2018). Tourist attractiveness of the regions of the Central Federal District on the Internet, *Bulletin of the Moscow State University. Series 6. Economy*, no. 3, pp. 91–108.

9. Shichkova E.V., Stepchenkov S.O., Rykhhik M.I., Golubin R.V., Petrova O.V. (2017). Brand in the context of the tourist attractiveness of the city: on the example of Nizhny Novgorod, *Service in Russia and abroad*, no. 1, pp. 58–72.

10. Frolova E.V., Kabanova E.E. (2017). The factors of the development of the tourist attractiveness of the municipalities of Russia, *Questions of state and municipal management*, no. 3, pp. 112–128.

11. Rogach O.V. (2019). Social capital of the development of the tourist attractiveness of Russian territories. Moscow, Perspective, 192 p.

12. Papathanassis A. (2019). The impact of corruption on travelers' perceptions and preferences, *Tourism Review*, vol. 74, no. 4, pp. 795–814. DOI: 10.1108/TP-05-2018-0065.

13. Wolfe A., Romeu R. (2011). Recession and Policy Transmission to Latin American Tourism: Does Expanded Travel to Cuba Offset Crisis Spillovers? *IMF Working Paper*, no. 11/32.

14. Aylen J., Albertson K., Cavan G. (2014). The impact of weather and climate on tourist demand: the case of Chester Zoo, *Climatic Change*, vol. 127, pp. 183–197. DOI: 10.1007/s10584-014-1261-6.

15. Denstadli J., Jacobsen J., Lohmann M. (2011). Tourist Perceptions of Summer Weather in Scandinavia, *Annals of Tourism Research*, vol. 38, no. 3, pp. 920–940. DOI: 10.1016/j.annals.2011.01.005.

16. Moreno A. (2010). Mediterranean Tourism and Climate (Change): A Survey-Based Study, *Tourism and Hospitality Planning & Development*, vol. 7, no. 3, pp. 253–265. DOI: 10.1080/1479053X.2010.502384.

17. Su Y.-W., Lin H.-L. (2014). Analysis of international tourist arrivals worldwide: The role of world heritage sites, *Tourism Management*, vol. 40, pp. 46–58. DOI: 10.1016/j.tourman.2013.04.005.

18. Cellini R., Cuccia T. (2009) Museum and monument attendance and tourism flow: A time series analysis approach, *Applied Economics*, vol. 45, pp. 189–208. DOI: 10.1080/00036846.2012.716150.

19. Vietze C. (2008) Cultural Effects on Inbound Tourism into the USA: A Gravity Approach, *Tourism Economics*, vol. 18, pp. 2008–2037. DOI: 10.5367/te.2012.0100.

20. Yap G., Saha S. (2013). Do Political Instability, Terrorism, and Corruption Have Deterring Effects

on Tourism Development Even in the Presence of Unesco Heritage? A Cross-Country Panel Estimate, *Tourism Analysis*, vol. 18, no. 5, pp. 587–599. DOI: 10.3727/108354213X13782245307911.

21. Feridun M. (2011) Impact of Terrorism on Tourism in Turkey: Empirical Evidence from Turkey, *Applied Economics*, vol. 43, pp. 3349–3354. DOI: 10.1080/00036841003636268.

22. Yaya M.E. (2009). Terrorism and tourism: The case of Turkey, *Defence and Peace Economics*, vol. 20, no. 6, pp. 477–497. DOI: 10.1080/10242690903105414.

23. Bassil C., Saleh A. Anwar S. (2019) Terrorism and tourism demand: a case study of Lebanon, Turkey and Israel, *Current Issues in Tourism*, vol. 22, no. 1, pp. 50–70. DOI: 10.1080/13683500.2017.1397609.

24. Rose-Akkerman S. (2003). Corruption and state: reasons, effects, reforms. Moscow, Logos, 356 p.

25. Huntington S. (2004). Political order in changing societies. Moscow, Progress-Traditsiya, 480 p.

26. Méon P.-G., Sekkat K. (2005). Does corruption grease or sand the wheels of growth, *Public Choice*, vol. 122, pp. 69–97. DOI: 10.1007/s11127-005-3988-0.

27. Méon P.-G., Weill L. (2008). Is corruption an efficient grease? *BOFIT Discussion Paper*, no. 20/2008. DOI: 10.2139/ссрн.1304596.

28. Das J., Dirienzo C. (2010). Tourism competitiveness and corruption: A cross-country analysis, *Tourism Economics*, vol. 16, no. 3, pp. 477–492. DOI: 10.5367/000000010792278392.

29. Poprawe M.A. (2015). Panel data analysis of the effect of corruption on tourism, *Applied Economics*, vol. 47, no. 23, pp. 2399–2412. DOI: 10.1080/00036846.2015.1005874.

30. Demir E., Gozgor G. (2017). What about relative corruption? The impact of the relative corruption on the inbound tourism to Turkey, *International Journal of Tourism Research*, vol. 19, no. 3, pp. 358–366. DOI: *10.1002/jtr.2118*.

31. Ekine S. (2018). Corruption and Tourism: Evidence from democracies and non-democracies, *Issues in Political Economy*, vol. 2. no. 1, pp. 47–59.

32. Jayoti D., Cassandra D. (2009). The Nonlinear Impact of Globalization on Corruption, *International Journal of Business and Finance Research*, vol. 3, no. 2, pp. 33–46.

33. Yap G., Saha S. (2013). Do Political Instability, Terrorism, and Corruption Have Deterring Effects on Tourism Development Even in the Presence of Unesco Heritage? A Cross-Country Panel Estimate, *Tourism Analysis*, vol. 18, no. 5, pp. 587–599. DOI: 10.3727/108354213X13782245307911.

34. Saha S., Yap G. (2015). Corruption and Tourism: An Empirical Investigation in a Nonlinear Framework, *International Journal of Tourism Research*, vol. 17, no. 3, pp. 272–281. DOI: *10.1002/jtr.1985*.

35. Bicchieri C., Duffy J. (1997). Corruption cycles, *Political Studies*, vol. 45, no. 3, 477–495.

36. Kitova D.A. (2016). Population attitude towards corruption and corruption offenses: empirical analysis, *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, vol. 1, no. 4, pp. 145–167.

37. Nikiforova O.A. (2019). The perception of the population of corruption in professional areas, *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, vol. 12, no. 1, pp. 51–66.

38. Leontieva E.O. (2010). The perception of corruption in the stereotypes of the mass consciousness of Russians, *Politia*, no. 1, pp. 45–51.

39. Karepova S.G., Pinchuk A.N., Nekrasov S.V., Tikhomirov D.A. (2019). Corruption and opposition to corruption in the perception of Russian youth: experience of focus group study, *Bulletin of Tomsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Political science*, no. 50, pp. 146–161. DOI: 10.17223/1998863x/50/14.

40. Ang Y.Y. (2020). China's Gilded Age: The Paradox of Economic Boom and Vast Corruption. Cambridge University Press. 275 p.

41. Lebedev K.A. (2015). Laws of the formation of tourist demand in modern conditions, *Bulletin of UrFU. Series: Economy and Management*, vol. 14, no. 1, pp. 50–66.

AUTHORS' INFORMATION:

Ruslan S. Mukhametov – Ph.D. of Political Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); muhametov.ru@mail.ru.

Dmitriy Yu. Chirkin – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); 4ir_dim@mail.ru.

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-49-60 ВАК: 08.00.05

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ 1929–1933 гг.: СТАНОВЛЕНИЕ ПОДХОДОВ К МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Э.М. Сандоян[1][a], А.Б. Егиазарян[a], М.А. Восканян[2][a], А.Г. Галстян[3][a], Г.А. Григорян[b]

[a]Российско-Армянский университет
[b]ООО «Григорян и партнёры»

АННОТАЦИЯ:
Проблема государственного регулирования в условиях кризиса на сегодняшний день является одной из актуальных. Опыт последних десятилетий показал, что многие инструменты антикризисного регулирования в условиях современной экономической конъюнктуры требуют пересмотра подходов. Вместе с тем опыт Великой депрессии и возникновение инструментов макроэкономического регулирования в условиях как кризиса, так и стабильной экономической среды по сей день остаются актуальными. Более того, следует отметить, многие ошибки макроэкономической политики, совершенные в США в период 1929–1933 гг., в определенной степени повторяют некоторые современные правительства. С другой стороны, очевидно, что многие современные реалии в определенной степени повторяют экономический кризис, возникший столетие назад. В этой связи представляется актуальным обзор периода Великой депрессии с точки зрения выявления основных инструментов макроэкономического регулирования и определения степени их эффективности и результативности в современной экономике.

Данная статья посвящена анализу и оценке макроэкономического регулирования в США в период Великой депрессии. Предметом исследования является макроэкономическая политика США в период 1929–1933 гг. с точки зрения становления ключевых инструментов государственного регулирования в периоды кризиса. Методологической базой исследования стал обзор теоретических и практических исследований на предмет становления инструментов макроэкономического регулирования в периоды кризиса, известных в научной литературе. Ключевой целью исследования стала попытка выявить и дать оценку основных инструментов макроэкономической политики в период Великой депрессии в США. Результатом исследования стал вывод о том, что макроэкономическое регулирование в периоды кризиса всегда носит неоднозначный характер с точки зрения эффективности и оптимальности его применения. Это в свою очередь требует выработки новых оптимальных инструментов макроэкономического регулирования, соответствующих современных вызовам экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая депрессия, экономический кризис, макроэкономическое регулирование, монетарная политика, фискальная политика, антикризисная политика.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сандоян Э.М., Егиазарян А.Б., Восканян М.А., Галстян А.Г., Григорян Г.А. (2021). Великая депрессия 1929–1933 гг.: становление подходов к макроэкономическому регулированию в условиях кризиса // Вопросы управления. № 3. С. 49–60.

Введение

Мировая история за последние два-три века наблюдала множество экономических кризисов, которые затрагивали как отдельные страны, так и отражались на динамике развития глобальной экономики в целом. Фундаментальной основой, описывающей природу и суть кризисных явлений в экономике можно считать работу Й. Шумпетера [1], в которой выдвигается идея о колебаниях экономи-

[1]AuthorID РИНЦ: 820057
[2]AuthorID РИНЦ: 814902
[3]AuthorID РИНЦ: 966366

© Сандоян Э.М., Егиазарян А.Б., Восканян М.А., Галстян А.Г., Григорян Г.А., 2021

ки в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. При этом, все три периода волатильности экономики представляют собой взаимозависимые и взаимосвязанные колебания экономики, которые схожи по своим этапам, но различны по последствиям и протяжённости. Низшая точка в период колебания экономики и является кризисом.

Среди авторов, которые дают определение кризису можно выделить Г. Хаберлера [2], который определяет «кризис» как переход от подъёма экономики к ее спаду, что, как правило, сопровождается сокращением экономической активности, ростом цен, высоким уровнем безработицы, негативными социальными последствиями и т.д.

Стоит отметить, что если на первом этапе изучения экономических циклом, кризис рассматривался как отклонения от линии потенциального долгосрочного роста, то современные подходы рассматривают деловой цикл и рост в одном поле. По сути, такой подход предполагает иное видение регулятивной политики в те или иные периоды делового цикла. Этот тезис будет подробнее рассмотрен в последующих пунктах данного исследования.

Среди первых экономических кризисов стоит отметить экономический кризис 1825 г. в Великобритании, затем кризисы 1836, 1847, 1873–1878, 1900–1903, 1907, 1920 гг., которые носили уже более системный характер и охватили как США, так и почти все страны Европы. По сути, каждый новый виток развития мировой экономики, усиления торговых и внешнеэкономических взаимоотношений между странами, сопровождался, неизбежно, новым периодом экономического кризиса.

Однако, кризис 1929 года («Великая депрессия»), берущий начало в США и затронувший всю западную экономику того периода, отличается от предыдущих масштабами последствий для мировой экономики. В этом смысле, лишь мировой финансовый кризис можно сопоставить с «Великой депрессией» по силе негативных последствий для экономической системы мира. Описывая «Великую депрессию» и ее последствия для мировой экономики, Дэвид Кенеди [3] констатирует сокращение совокупного объема промышленного производства США, Канады и Европы (в первую очередь Великобритании, Германии и Франции) на 46 %; внешнеторговый оборот рыночных экономик на тот момент сократился на 67 %; сокращение потребительского спроса повлекло за собой падение цен на сельскохозяйственную продукцию в среднем на 40–60 %; численность безработных достигло уровня 25 % от общей активной рабочей силы, что повлекло за собой сокращение реального дохода домохозяйств на 58 %.

Однако, негативные последствия «Великой депрессии» в первую очередь затронули экономику США. Основным источником данных об экономическом положении США во время «Великой депрессии» можно считать коллективный труд американских ученных, инициированный Президентом США Гербертом Гувером под названием «Текущие социальные

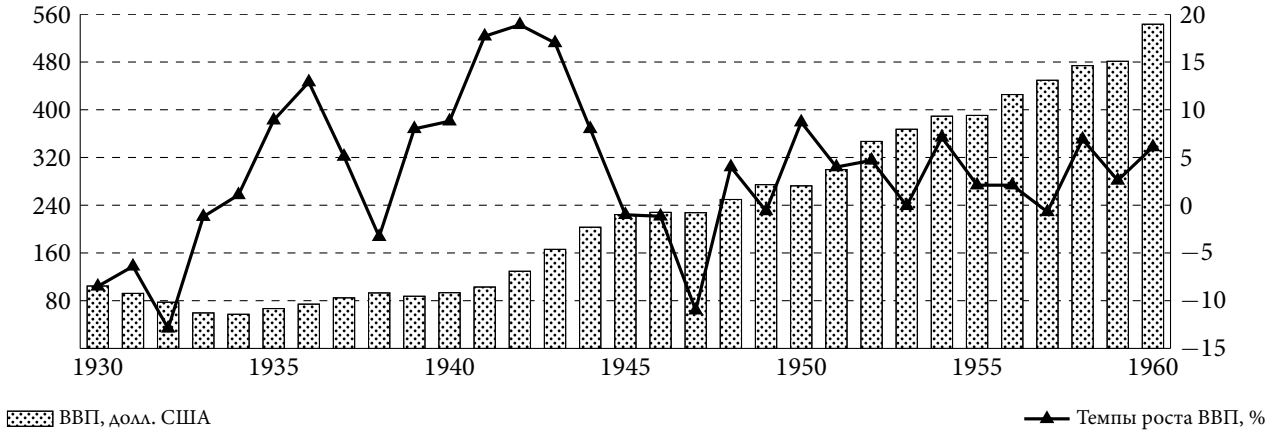

Рисунок 1 – ВВП (в млрд. долл. США) и темпы роста[4] (%)
Figure 1 – GDP (billion USD) and growth rates (%)

[4]Источник: База данных Федеральной Резервной Системы США. URL: https://www.federalreserve.gov/.

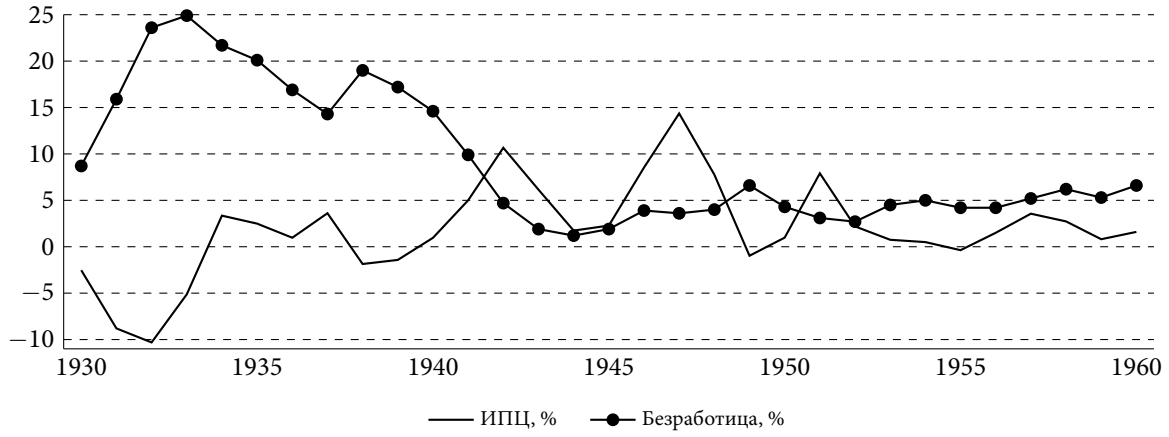

Рисунок 2 – ИПЦ (%, темпы роста) и безработица (%)[5] (%)
Figure 2 – CPI (%, growth rate) and unemployment rates (%)

тенденции в США» («Recent social trends in the United States») [4]. Так согласно данным авторам, по итогам 1930 г. падение ВВП США составило – 8,5 %, а два года спустя уже – 12,9 % (см. рис. 1).

Показатели инфляции и безработицы также демонстрировали негативную динамику (см. рис. 2). Все четыре года рецессии в экономике США наблюдалась дефляция, минимальное значение ИПЦ было достигнуто в 1932 году и составило – 10,3 %.

На фоне дефляции, уровень безработицы достиг в 1933 году своего пика и составил 24,9 %, что согласно расчетам американской Ассоциации по исследованиям проблем рынка труда [5], составило чуть больше 12,8 млн человек. Стоит отметить, что начале XIX века в США не велась государственная статистика по уровню безработицы, поэтому цифры относительно уровня безработицы у различных авторов достаточно отличаются. Так одни [6] опираюсь на оценку Пола Дугласа, согласно которому уровень безработица в период с 1923 г. по 1926 г. составлял 9 %, а другие берут за основу оценку Ирвинга Бернштейна [7], который определяет уровень безработицы за тот же период примерно в диапозоне 10-13 %. Поэтому довольно сложно оценить истинные масштабы бедствия на рынке труда в те годы, одна можно сложить примерную картину происходящего.

В следствии затяжных проблем с высоким уровнем безработицы, реальные доходы населения сокращались, что усугубило проблему неравенства доходов в США. Согласно некоторым расчетам, наиболее высокий уровень социального неравенства в США в первой половине XX века был достигнут дважды – в 1916 и 1929 гг., то есть к началу «Великой депрессии» [8]. В определенной степени, именно здесь лежит начало структурных проблем в экономике, которые в итоге вылились в кризис уже мирового масштаба.

Причинам возникновения кризиса 1929 года посвящено множество исследований. Одна из наиболее концептуальных работ, посвященных данной проблематике, является работа Алана Гринспена [9], где отмечает, что истоки «Великой депрессии» лежат в глубинных системных проблемах мировой экономики, смены мирового порядка, обусловленного отказом от системы фиксированных курсов, привязки к «золотому стандарту», а также Первой мировой войной. Автор указывает на неспособность ведущих экономик мира, на тот момент, приспособиться к изменениям в мировой экономической системе, и адаптировать собственные экономики и механизмы ее регулирования под формирующийся новый мировой экономический порядок. В этом смысле, мы можем провести параллели с событиями последнего десятилетия, мировым финансовым кризисом, а также современным кризисом, вызванным пандемией COVID–19.

Более детальный разбор причин возникновения «Великой депрессии» подводит к обзору версий различных фундаментальных подходов к макроэкономическому регулирова-

[5]Источник: База данных Федеральной Резервной Системы США. URL: https://www.federalreserve.gov/.

нию. Так, согласно Кейнсу [10] перепроизводство в конце 20-х годов XIX столетия в США происходило в условиях острой нехватки денежной массы (привязка в золотому стандарту организовало рост денежного предложения), что в свою очередь повлекло за собой дефляцию, и как следствие сокращение экономической активности, и затем нестабильность и кризис в финансовой системе. Монетаристы полагали, что основная причина кризиса также была в острой нехватке денег, однако отмечали, что дефицит финансовых ресурсов был связан со сдерживающей политикой ФРС в тот период. Принятие «Сухого закона» также негативно повлияло на внутреннюю экономику США. По некоторым оценкам, американское казначейство потеряло за двенадцать лет действия этого закона, около 11 млрд. долл. [11]. Эти средства могли стать дополнительным ресурсом для поддержания ликвидности банковской системы на самом пике кризиса. Безусловно, спекулятивные операции на фондовых рынках, и как следствие биржевой крах 29-го года сыграли свою роковую роль [12].

К числу факторов, усугубивших падение экономики в конце 20-х годов можно причислить мировую тарифную войну, сопровождающуюся девальвациями национальных валют, а также банковский кризис, обусловленный повышением ставки рефинансирования на фоне дефицита ликвидности в финансовые системы. В современности, мы наблюдали применение такого же подхода со стороны ЦБ РА в периоды кризисов 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг.

Так или иначе, сложившаяся ситуация в США в конце 20-х годов XIX века требовала кардинальной смены подходов к макроэкономическому регулированию, а если быть точным, созданию необходимых регулятивных инструментов, которые позволили бы правительству своевременно и эффективно нивелировать внутренние и внешние шоки в периоды не только кризиса, но также на всех этапах деловой активности экономики. По сути, реформы начала 1930-х гг. можно считать, как попытка преодолеть «ловушку» развития, что позволяет сделать параллели с современным этапом развития мировой экономики и очевидно назревшей необходимостью пересмотра существующих подходов к макроэкономическому регулированию. Опять же, проводя параллели, можно утверждать, что также, как и во время «Великой депрессии», в настоящий момент происходит перестройка отношений собственности, структуры и содержания рынка труда, финансовой системы и подходов надзора и регулирования, и многое другое. Отличием можно считать тот факт, что реформы начала 30-х годов прошлого века реализовывались в условиях устойчивой институциональной среды, тогда как сегодня, сама институциональная система требует модернизации и определенных изменений.

Все это в совокупности требует изучения механизмов регулирования, начало которым было положено во времена «Великой депрессии». Ниже будет представлен перечень основных мер, которые были реализованы в США в борьбе с «Великой депрессией». В связи с тем, что «Великая депрессия» требовала именно антикризисного регулирования, то в рамках данного пункта нами будут рассмотрены механизмы стимулирования спроса и предложения именно в условиях падения ВВП.

Первая группа мер, относилась к монетарному регулированию (см. табл. 1). Необходимо отметить, что согласно множеству авторов [13], политика ФРС в период «Великой депрессии» в большинстве своем была ошибочна, и по различным оценкам углубила и продлила экономический кризис в США на тот период. С целью сократить спекулятивные операции на Фондовых рынках ФРС перманентно повышал ставку рефинансирования, чем в результате создал дефицит финансовых ресурсов в реальном секторе, что в условиях спада экономической активности только усугубило ситуацию. На этом фоне также была повышена норма резервирования, которая с 1935 по 1937 годы была увеличена с 13 % до 26 %.

Еще одной ошибкой ФРС США можно считать валютную политику, направленную на поддержание стабильности доллара и сохранение привязки к «золотому стандарту» фактически в ущерб банковской системе, которая характеризовалась на тот момент высоким оттоком депозитных вложений и была на грани краха. В результате ужесточения монетарной политики ФРС удалось сохранить

позиции доллара и приверженность «золотому стандарту», однако привело к еще большему падению экономической активности как в краткосрочной, так и среднесрочной перспективе. Лишь в 1934 г. была проведена политика девальвации доллара, что стало некоторым смягчением денежно-кредитного регулирования.

Наконец, еще одной мерой со стороны ФРС считается политика по расширению денежного предложения, которая была реализована в середине 1932 г. ФРС стал активно скупать активы на открытом рынке ценных бумаг, чем расширил денежное предложение и, тем самым смягчил монетарную политику. Эти меры позволили снизить процентные ставки по государственным облигациям и корпоративным долговым бумагам, что как предполагалось, должно остановить дефляционные процессы и стимулировать экономическую активность. Однако, как отмечает Мелтзер [14], фактически дефляция на фоне низких номинальных процентных ставок, означала, что реальная стоимость заимствований была очень высокой, поскольку любые кредиты необходимо было погашать в долларах, имеющих гораздо большую стоимость. И поскольку, ФРС, ориентируясь на снижение спада экономики, вновь ужесточила монетарную политику, в конце 1932 г. экономика США вновь испытала резкое падение.

Таким образом, монетарная политика США в условиях падения экономической активности была фактически сдерживающей, и на практике показала ошибочность такого подхода. При этом, с точки зрения экономического роста, фактически, жесткая денежно-кредитная политика в условиях кризиса является сдерживающей как со стороны совокупного спроса (увеличение стоимости денег в экономике через учетную ставку), так и со стороны совокупного предложения (поддержание и сохранение дефляции в экономике).

В отличие от монетарной политики, фискальное регулирование в период «Великой депрессии» фактически стало ключевым толчком для стимулирования экономической активности в стране. Ключевые антикризисные меры, проводимые в рамках налогово-бюджетной политики представлены в таблице 2. При этом, большинство мер были направлены в первую на стимулирование совокупного спроса посредством расширения расходной части государственного бюджета на фоне увеличения государственного долга. В частности, была существенно увеличена доля государственного сектора в ВВП, введены меры по субсидированию сельского хозяйства, проводилась протекционистская политика, политика по развитию отдельных отраслей экономике, в больше части ориентированных на наукоемкие технологии и многое другое. Государство, во сути непосредственно вмешивалось в рыночные процессы в экономике.

Для примера можно ответить, что современные антикризисные меры также в основном направлены на расширение денежного предложения в стране посредством увеличе-

Таблица 1 – Ключевые антикризисные меры во время «Великой депрессии» в США: монетарная политика[6]

Table 1 – Key anti-crisis measures during the "Great Depression" in the United States: monetary policy

Инструмент	Описание	Результат
Контроль над учетной ставкой	Увеличение учетной ставки, проведение жесткой монетарной политики.	Сужение денежного предложения
Норма резервирования	Увеличена норма обязательных резервов коммерческих банков	Норма резервирования с 1935 по 1937 годы выросла в два раза – с 13 % до 26 %
Девальвация доллара	После конфискации золота у населения, опираясь на закон о золотом резерве, принятый в январе 1934 года, Рузвельт издал 31 января 1934 года прокламацию, которая сокращала золотое содержание доллара с 25,8 до 15 5/21 грана и устанавливала официальную цену золота на уровне 35 долларов за унцию [15].	Доллар был девальвирован на 41 %.
Политика по обесценению доллара	Выпущены два миллиарда новых долларов	Увеличены возможности экспорта

[6]Источник: составлено авторами.

Таблица 2 – Ключевые антикризисные меры во время «Великой депрессии» в США: фискальная политика

Table 2 – Key anti-crisis measures during the "Great Depression" in the United States: fiscal policy

Инструмент	Описание	Результат
Налоговая политика	Увеличение числа и размера налогов на крупные предприятия	Рост налоговых поступлений в бюджет
Расходная политика государственного бюджета	Рост расходов государственного бюджета. Увеличение социальных выплат, пособий, субсидий. Возмещение сокращения потребительского спроса государственными расходами.	Расходы федерального правительства в 1932—1940 годах выросли более чем вдвое [17]
Создание Федеральной администрации чрезвычайной помощи [18] (Закон о восстановлении национальной экономики от 16 июля 1933 года [19]).	В задачи ФАЧП входило: а) строительство, ремонт и улучшение шоссе и магистралей, общественных зданий и любых других государственных предприятий и коммунальных удобств; б) сохранение естественных богатств и развитие их добычи, включая сюда контроль, использование и очищение вод, предотвращение почвенной и береговой эрозии, развитие водной энергетики, передачу электрической энергии, строительство различных речных и портовых сооружений и предотвращение наводнений [20].	Создание новых рабочих мест за счет бюджетных расходов и увеличение потребительского спроса
Ограничение конкуренции	Было составлено 557 основных и 189 дополнительных так называемых «кодексов честной конкуренции» (Fair-trade acts) [21] в различных отраслях. Стороны гарантировали минимум зарплаты, а также единую зарплату для всех рабочих одной категории. Эти кодексы охватили 95 % всех промышленных рабочих.	Кодексы сильно ограничивали конкуренцию. По подсчётам экономистов-исследователей Великой депрессии Коула и Оханиана [22], без мер администрации Рузвельта по сдерживанию конкуренции уровень восстановления 1939 года мог быть достигнут пятью годами раньше
Оплачиваемые общественные работы	В общей сложности в 1933—1939 годах на общественных работах под эгидой Управления общественных работ (WPA) и администрации гражданских работ Civil Works Administration — CBA (это строительство каналов, дорог, мостов зачастую в необжитых и болотистых малярийных районах) численность занятых на общественных работах достигала 4 миллионов человек Было потрачено в общей сложности порядка 4 млрд. долл. на помощь безработным через оплату таких работ. Средняя заработная плата составляла около 50 долл. в месяц [23].	Увеличение численности занятых. Администрация гражданских работ обеспечила занятость четырех миллионов человек, построивших 70 % новых школ, 35 % новых больниц построить 20 плотин к действующим 5, сделать реку судоходной, улучшить земледелие и других объектов экономики, что позволило и повысить доходы населения. Было посажено двести миллионов деревьев, построено 1/3 современных дорог Была оптимизирована и усовершенствована транспортная железнодорожная система, теснее связавшая различные регионы США
Отраслевая политика	Создания авиационной инфраструктуры	Только Public Works Administration обеспечила строительство 547 авиационных полей и 100 других проектов. Две другие организации провели две тысячи проектов в области авиации и аэронавтики и потратили полмиллиарда долларов на проекты в этой сфере (85 % всех расходов) [24]
Стимулирование сельского хозяйства	Утверждение Закона о кредитовании сельского хозяйства (12 мая 1933 года)	Реструктурирование 12-миллиардного фермерского долга, сокращение процентов по ипотечной задолженности и удлинение сроков погашения всех долгов. В течение последующих четырёх лет аграрные банки выдали полумиллиону земельных владельцев ссуды на общую сумму 2,2 млрд долларов на очень льготных условиях
Протекционистская политика	Принят закон Смута-Хоули, вводивший 405-е пошлины на импортные товары	Расширение внутреннего производства

Таблица 3 – Ключевые антикризисные меры во время «Великой депрессии» в США: регулирование финансовой системы

Table 3 – Key anti-crisis measures during the "Great Depression" in the United States: regulation of the financial system

Инструмент	Описание	Результат
Установлена система федерального контроля под финансовой системой	Утвержден Закон Гласса — Стиголла (1933г.) о разграничении инвестиционных и коммерческих банков. Утверждение Закона о комиссии по ценным бумагам.	Восстановлена деятельность 75 % банков от общего их числа. Стали регулироваться операции на рынке с ценными бумагами. Изменения состава кредитных портфелей американских банков. В 1913 году коммерческие банки разместили 53 % своих активов в форме кредитов коммерческим предприятиям, 33 % вкладывали в ценные бумаги, а 14 % — в недвижимость; к 1929 г. данные цифры составляли уже 45, 38 и 17 % [30].
Введено страхование банковских вкладов	По Закону Гласса — Стиголла (1933г.) была создана Федеральная корпорация по страхованию вкладов (FDIC [31]). Ключевая цель FDIC – страхование депозитных вкладов, размещенных на счетах в банках и кредитных учреждениях.	Введено обязательное страхование депозитов до 5 000 долл.
Субсидирование ипотечного сектора	Выделен кредит владельцам домов в два миллиона долларов для оплаты задолженности под низкий процент.	Четверть заложенных домов оказались спасенными от немедленной распродажи.

ния доли государственных расходов в экономике. Так например, сумма дополнительных расходов бюджетов всех стран мира на экстренное стимулирование экономики достигла в 2020г. примерно 12 % мирового ВВП [16].

Третьей группой антикризисных мер можно считать мероприятия по регулированию финансовой системы (см. табл. 3). Как было отмечено выше, огромную роль в кризисе 1920-х гг. сыграло спекулятивное развитие финансового сектора, что в принципе во много повторилось в период мирового финансового кризиса в 2007–2008 гг. Жесткая денежно-кредитная политика ФРС в период «Великой депрессии» привела к существенному дефициту ликвидности в банковской системе, что усугубилось паникой среди вкладчиков, которые активно забирали свои вложения в банковскую систему [25]. Однако, если во время Великой депрессии, ФРС фактически не спасал банковскую систему посредством возмещения дефицита ликвидности, то в период 2008–2009 гг. это был стало главным инструментом регулятивных мер по стабилизации ситуации на финансовом рынке [26].

Наиболее известная и действенная мера была связана с ограждением банковской системы от спекулятивных операций на фондовом рынке. Так в 1933 г. был утвержден Закона Гласса-Стиголла (англ. *Banking Act of 1933 – Glass-Steagall Act*) [27], который разграничивал функционал и полномочия инвестиционных и коммерческих банков. Как известно, в 1999 г. закон Грэмма-Лича-Блайли (англ. *Gramm-Leach-Bliley Financial Services Modernization Act*) [28], практически нейтрализовал закон Гласса-Стиголла путем отмены ряда его ключевых положений, особенно запрета на инвестиционные операции. И лишь в 2010 г. был принят закон Додда-Франка (англ. *The Dodd — Frank Act*) [29], который в свою очередь вернул большую часть положений Закона Гласса-Стиголла и защитил банковскую систему от излишней волатильности фондовых рынков. Также была создана Федеральная корпорация по страхованию вкладов, и собственно введено само страхование вкладов в банках и кредитных учреждениях.

Следует отметить, что на современном этапе развития мировой экономики, уже становиться очевидным, что при каждом новом витке кризиса в финансовой системе в США принимались жесткие надзорные нормативы, и при каждом этапе стабилизации эти меры смягчались или вовсе были отменены. Многие авторы [32] современности отмечают некую цикличность регулятивных мер, касающихся финансовых систем. Некоторые авторы [33] связывают такую изменчивость подходов к регулированию финансовой системы с полити-

ческой реакцией на финансовые кризисы, что объясняет цикличный характер регулятивных механизмов в финансовой системе. При этом, по некоторым подсчетам [34], как правило такая частая смена приводит к увеличению государственных затрат в периоды кризиса. Поэтому более стабильный (циклический) подход к регулированию финансовой системы предпочтительнее ситуативного (антициклического) подхода [35].

Среди механизмов регулирования финансовой системы следует также выделить политику по субсидированию ипотечных кредитов, которая проводилась в период «Великой депрессии», что позволило некоторой степени смягчить негативные социальные последствия кризиса.

Выводы

Так или иначе, «Великая депрессия» и идеи Дж. М. Кейнса в ходе антицикличной политики легли в основу макроэкономического регулирования на современном этапе. Многие постулаты теории Дж. М. Кейнса, на наш взгляд, актуальны и по сей день. Опыт антикризисной политики в период 1929–1933 гг. лег в основу формирования регулятивных механизмов, осуществляемых со стороны государства как с целью поддержать или обеспечить макроэкономическую стабильность, так и достичь экономического роста и развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Вместе с тем, следует отметить, что современная макроэкономическая политика в большинстве своем основанная на регулятивных механизмах, сформировавшихся в период «Великой депрессии» в США, сегодня не в состоянии полноценно отвечать на вызовы новой экономической конъюнктуры. В частности, инструменты денежно-кредитного регулирования сегодня все еще не учитывают серьезные изменения в финансовой системе, как с точки зрения структуры, так и с точки зрения инструментов. Скорость процессов, происходящих в финансовой системе мира в разы превышает скорость инструментария современного монетарного регулирования. Тот же аргумент относиться к фискальной политике.

С другой стороны, не менее важным представляются проблемы, связанные с регулированием и надзоров в сфере финансовых систем. Мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. хорошо доказал несостоятельность современных надзорных механизмов. При этом, исходя из динамики роста финансовых рынков, включая рынка деривативов в посткризисный период, можно утверждать, что надзорные механизмы по-прежнему слабо контролируют ситуацию.

Резюмируя можно отметить, что сегодня мы стоим на пороге мирового кризиса во многом схожего по масштабам и последствиям с «Великой депрессией». Это в свою очередь, требует выработки новых, более адаптированных под реалии современной экономики механизмов макроэкономического регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schumpeter J.A. (1939). Business cycles. A theoretical, historical and statistical analysis of the capitalist process. Vol. 1. New York, pp. 130–137.

2. G. von Haberler. (1937). Prosperity and Depression: A theoretical analysis of cyclical movements.

3. Kennedy D.M. (2001). Freedom from Fear: the American People in Depression and War, 1929—1945. New York; Oxford: Oxford University Press. 988 p.

4. President's Research Committee on Social Trends: Recent Social Trends in the United States (Westport, Conn.: Greenwood, 1970).

5. Labor force employment and unemployment: 1929–39 estimating methods. URL: https://www.bls.gov/opub/mlr/1948/article/pdf/labor-force-employment-and-unemployment-1929-39-estimating-methods.pdf (accessed 01.06.2021).

6. President's Research Committee on Social Trends: Recent Social Trends in the United States (Westport, Conn.: Greenwood, 1970).

7. Kennedy D.M. (2001). Freedom from Fear: the American People in Depression and War, 1929–1945. New York; Oxford: Oxford University Press. 988 p.

8. Gene S. (2000). A Note on New Estimates of the Distribution of Income in the 1920s, *A Journal of Economic History*, vol. 60, issue 4, Dec. 2000, pp. 1120–1128.

9. Greenspan A., Wooldridge A. (2018). Capitalism in America. Penguin. 1st ed. (October 16, 2018). 477 p.

10. Кейнс Дж.М. (1948). Общая теория занятости, процента и денег / перевод с английского Н. Н. Любимова. Москва : Государственное издательство Иностранной литературы.

11. Lerner M. Prohibition: Unintended Consequences. Public Broadcasting Service.

12. Turner T. (2008). A Beginner's Guide to Short Term Trading: Maximize Your Profits in 3 Days to 3 Weeks. Adams Media (June 1, 2008). 336 p.

13. Hamilton J. (1987). Monetary factors in the great depression, *Journal of Monetary Economics*, vol. 19, issue 2, pp. 145–169. URL: https://econpapers.repec.org/repec:eee:moneco:v:19:y:1987:i:2:p:145-169 (accessed 01.06.2021).

14. Ben S. Bernanke (2002). Deflation: making sure "it" doesn't happen here. Speech 530, Board of Governors of the Federal Reserve System (U.S.).

15. Bordo M. D. (2006). Review of A History of the Federal Reserve (Vol. 1), *Journal of Monetary Economics*, vol. 53, no. 3, pp. 633–657.

16. Coode T. H., Bauman J. F. (1981). People, Poverty, and Politics: Pennsylvanians During the Great Depression. East Brunswick, N. J., Associated University Presses.

17. World Economic Outlook. IMF "A Long and Difficult Ascent", October 2020, P. 1.

18. Badger A. (1989). The New Deal: The Depression Years, 1933–1940. New York, Hill-Wang.

19. Federal Emergency Relief Administration (FERA). URL: https://content.lib.washington.edu/feraweb/essay.html (accessed 01.06.2021).

20. National Industrial Recovery Act of 1933, NIRA.

21. Badger A. (1989). The New Deal: The Depression Years, 1933–1940. New York, Hill-Wang.

22. Leuchtenburg W. Franklin D. (1963). Roosevelt and the New Deal, 1932–1940. New York, Harper & Row.

23. Harold L. Cole, Lee E. Ohanian. (2000). Re-examining the contributions of money and banking shocks to the U.S. Great Depression, *StaffReport270*, Federal Reserve Bank of Minneapolis, 79 p.

24. Public Works Administration, America Builds: The Record of PWA, Washington, D.C., 1939, Table 16, p. 284; Table 20, p. 290.

25. Johnson M.H. (2018). Laying Foundations: New Deal Public Works and Aviation Infrastructure, *The Journal of Policy History*, vol. 30, no. 4, p. 696.

26. Michael D. Bordo, John Landon-Lane (2013). Does expansionary monetary policy cause asset price booms? Some historical and empirical evidence, *Journal Economía Chilena (The Chilean Economy)*, Central Bank of Chile, vol. 16, no. 2, pp. 4–52, August.

27. Fishback P. (2010). US monetary and fiscal policy in the 1930s, *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 26, no. 3, pp. 386–387.

28. Federal Reserve Bank of St. Louis. Banking Act of 1933. June 16, 1933. URL: https://fraser.stlouisfed.org/title/466/item/15952 (accessed 01.06.2021).

29. Federal Reserve Bank of Minneapolis. The Region: Issue on Financial Modernization, March 2000.

30. Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act, Pub. L. No. 111–203, § 929-Z, 124 Stat. 1376, 1871 (2010).

31. Kennedy D.M. (2001). Freedom from Fear: the American People in Depression and War, 1929–1945. New York; Oxford: Oxford University Press. 988 p.

32. The Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). URL: https://www.fdic.gov/ (accessed 01.06.2021).

33. Dagher J. (2018). Regulatory Cycles: Revisiting the Political Economy of Financial Crises, *IMF Working Paper*, WP 18/8.

34. Goldstein M. (2009). Reforming financial regulation, supervision, and oversight: What to do and who should do it. VoxEU.org, February 24, 2009. URL: http://voxeu.org/ (accessed 24.02.2021).

35. Reinhart C.M., Rogoff K. (2009). This time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly, Princeton University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Сандоян Эдвард Мартинович – доктор экономических наук, профессор; Российско-Армянский университет (0051, Армения, Ереван, ул. О. Эмина, 123); edward.sandoyan@rau.am.

Егиазарян Армен Беньяминович – кандидат экономических наук, доцент; Российско-Армянский университет (0051, Армения, Ереван, ул. О. Эмина, 123); armenyeghiazaryan2@gmail.com.

Восканян Мариам Амбарцумовна – доктор экономических наук, доцент; Российско-Армянский университет (0051, Армения, Ереван, ул. О. Эмина, 123); voskanyanm@gmail.com.

Галстян Ани Гамлетовна – кандидат экономических наук; Российско-Армянский университет (0051, Армения, Ереван, ул. О. Эмина, 123); ani.galstyan@rau.am.

Григорян Гагик Аматуниевич – кандидат экономических наук; ООО «Григорян и партнёры» (0001, Армения, Ереван, ул. Чаренца, 17); gagik.a.grigoryan@gmail.com.

THE GREAT DEPRESSION OF 1929–1933: DEVELOPMENT OF APPROACHES TO MACROECONOMIC REGULATION DURING CRISIS

E.M. Sandoyan[7a], A.B. Egiazaryan[a], M.A. Voskanyan[8a], A.G. Galstyan[9a], G.A. Grigoryan[b]

[a]Russian-Armenian University
[b]Grigoryan and Partners LLC

ABSTRACT:
The problem of state regulation during the crisis is one of the most urgent today. The experience of recent decades has shown that many tools of anti-crisis regulation in the current economic environment require a revision of approaches. At the same time, the experience of the Great Depression and the emergence of instruments of macroeconomic regulation in the context of both the crisis and the stable economic environment remain relevant to this day. On the one hand, many of the mistakes of macroeconomic policy made in the United States in the period of 1929–1933 are repeated by some modern governments. On the other hand, it is obvious that many modern realities are similar to those of the economic crisis that arose a century ago. In this regard, it seems relevant to review the period of the "Great Depression" from the point of view of identifying the main instruments of macroeconomic regulation and determining the degree of their effectiveness and efficiency in the modern economy.

This article is devoted to the analysis and assessment of macroeconomic regulation in the United States during the Great Depression. The subject of this research is the US macroeconomic policy in the period of 1929–1933 from the point of view of the formation of key instruments of state regulation in the time of crisis. The methodological basis of the research is a review of theoretical and practical research works to reveal the development of instruments of macroeconomic regulation during crisis that are described in the scientific literature. The key goal of the study is to identify and assess the main instruments of macroeconomic policy during the crisis of the Great Depression in the USA. The result of the study is the conclusion that macroeconomic regulation in times of crisis is always ambiguous in terms of the efficiency and optimality of its application. This, in turn, requires the development of new optimal instruments of macroeconomic regulation that meet the current challenges of the economy.

KEYWORDS: The Great Depression, economic crisis, macroeconomic regulation, monetary policy, fiscal policy, anti-crisis policy.

FOR CITATION: Sandoyan E.M., Egiazaryan A.B., Voskanyan M.A., Galstyan A.G., Grigoryan G.A. (2021). The Great Depression of 1929–1933: development of approaches to macroeconomic regulation during crisis, *Management Issues*, no. 3, pp. 49–60.

REFERENCES

1. Schumpeter J.A. (1939). Business cycles. A theoretical, historical and statistical analysis of the capitalist process. Vol. 1. New York, pp. 130–137.

2. Haberler G. (1937). Prosperity and Depression: A theoretical analysis of cyclical movements.

3. Kennedy D.M. (2001). Freedom from Fear: the American People in Depression and War, 1929—1945. New York; Oxford: Oxford University Press. 988 p.

4. President's Research Committee on Social

[7]RSCI AuthorID: 820057
[8]RSCI AuthorID: 814902
[9]RSCI AuthorID: 966366

Trends: Recent Social Trends in the United States (Westport, Conn.: Greenwood, 1970).

5. Labor force employment and unemployment: 1929–39 estimating methods. URL: https://www.bls.gov/opub/mlr/1948/article/pdf/labor-force-employment-and-unemployment-1929-39-estimating-methods.pdf (accessed 01.06.2021).

6. President's Research Committee on Social Trends: Recent Social Trends in the United States (Westport, Conn.: Greenwood, 1970).

7. Kennedy D.M. (2001). Freedom from Fear: the American People in Depression and War, 1929–1945. New York; Oxford: Oxford University Press. 988 p.

8. Gene S. (2000). A Note on New Estimates of the Distribution of Income in the 1920s, *A Journal of Economic History*, vol. 60, issue 4, Dec. 2000, pp. 1120–1128.

9. Greenspan A., Wooldridge A. (2018). Capitalism in America. Penguin. 1st ed. (October 16, 2018). 477 p.

10. Keynes J.M. (1948). The general theory of employment, interest and money. Translation from English by N. Lyubimov. Moscow, State Publishing House of Foreign Literature.

11. Lerner M. Prohibition: Unintended Consequences. Public Broadcasting Service.

12. Turner T. (2008). A Beginner's Guide to Short Term Trading: Maximize Your Profits in 3 Days to 3 Weeks. Adams Media (June 1, 2008). 336 p.

13. Hamilton J. (1987). Monetary factors in the great depression, *Journal of Monetary Economics*, vol. 19, issue 2, pp. 145–169. URL: https://econpapers.repec.org/repec:eee:moneco:v:19:y:1987:i:2:p:145-169 (accessed 01.06.2021).

14. Ben S. Bernanke (2002). Deflation: making sure "it" doesn't happen here. Speech 530, Board of Governors of the Federal Reserve System (U.S.).

15. Bordo M. D. (2006). Review of A History of the Federal Reserve (Vol. 1), *Journal of Monetary Economics*, vol. 53, no. 3, pp. 633–657.

16. Coode T. H., Bauman J. F. (1981). People, Poverty, and Politics: Pennsylvanians During the Great Depression. East Brunswick, N. J., Associated University Presses.

17. World Economic Outlook. IMF "A Long and Difficult Ascent", October 2020, P. 1.

18. Badger A. (1989). The New Deal: The Depression Years, 1933–1940. New York, Hill-Wang.

19. Federal Emergency Relief Administration (FERA). URL: https://content.lib.washington.edu/feraweb/essay.html (accessed 01.06.2021).

20. National Industrial Recovery Act of 1933, NIRA.

21. Badger A. (1989). The New Deal: The Depression Years, 1933–1940. New York, Hill-Wang.

22. Leuchtenburg W. Franklin D. (1963). Roosevelt and the New Deal, 1932–1940. New York, Harper & Row.

23. Harold L. Cole, Lee E. Ohanian. (2000). Re-examining the contributions of money and banking shocks to the U.S. Great Depression, *StaffReport270*, Federal Reserve Bank of Minneapolis, 79 p.

24. Public Works Administration, America Builds: The Record of PWA, Washington, D.C., 1939, Table 16, p. 284; Table 20, p. 290.

25. Johnson M.H. (2018). Laying Foundations: New Deal Public Works and Aviation Infrastructure, *The Journal of Policy History*, vol. 30, no. 4, p. 696.

26. Michael D. Bordo, John Landon-Lane (2013). Does expansionary monetary policy cause asset price booms? Some historical and empirical evidence, *Journal Economía Chilena (The Chilean Economy)*, Central Bank of Chile, vol. 16, no. 2, pp. 4–52, August.

27. Fishback P. (2010). US monetary and fiscal policy in the 1930s, *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 26, no. 3, pp. 386–387.

28. Federal Reserve Bank of St. Louis. Banking Act of 1933. June 16, 1933. URL: https://fraser.stlouisfed.org/title/466/item/15952 (accessed 01.06.2021).

29. Federal Reserve Bank of Minneapolis. The Region: Issue on Financial Modernization, March 2000.

30. Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act, Pub. L. No. 111–203, § 929-Z, 124 Stat. 1376, 1871 (2010).

31. Kennedy D.M. (2001). Freedom from Fear: the American People in Depression and War, 1929–1945. New York; Oxford: Oxford University Press. 988 p.

32. The Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). URL: https://www.fdic.gov/ (accessed 01.06.2021).

33. Dagher J. (2018). Regulatory Cycles: Revisiting the Political Economy of Financial Crises, *IMF Working Paper*, WP 18/8.

34. Goldstein M. (2009). Reforming financial regulation, supervision, and oversight: What to do and who should do it. VoxEU.org, February 24, 2009. URL: http://voxeu.org/ (accessed 24.02.2021).

35. Reinhart C.M., Rogoff K. (2009). This time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly, Princeton University Press.

AUTHORS' INFORMATION:

Edvard M. Sandoyan – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Russian-Armenian University (123, O. Emin St., Erevan, 0051, Armenia); edward.sandoyan@rau.am.

Armen B. Egiazaryan – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Russian-Armenian University (123, O. Emin St., Erevan, 0051, Armenia); armenyeghiazaryan2@gmail.com.

Mariam A. Voskanyan – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor; Russian-Armenian University (123, O. Emin St., Erevan, 0051, Armenia); voskanyanm@gmail.com.

Ani G. Galstyan – Ph.D. of Economic Sciences; Russian-Armenian University (123, O. Emin St., Erevan, 0051, Armenia); ani.galstyan@rau.am.

Gagik A. Grigoryan – Ph.D. of Economic Sciences; Grigoryan and Partners LLC (17, Charents St., Erevan, 0001, Armenia); gagik.a.grigoryan@gmail.com.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-62-79 ВАК: 22.00.04, 22.00.08

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К РЕЖИМУ САМОИЗОЛЯЦИИ В УСЛОВИЯХ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

А.С. Ваторопин[1a], **М.Н. Лату**[2b], **Э.И. Гараева**[a]

[a]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
[b]Пятигорский государственный университет

АННОТАЦИЯ:
В мире уже больше года продолжается пандемия короновирусной инфекции. Существует необходимость исследовать не только её развитие, но и её социальные последствия, особенно связанные с введением режима самоизоляции для населения. При этом необходимы мониторинговые исследования, которые позволяют собрать материал для дальнейшего анализа влияния введенных ограничений на людей и принятия органами власти управленческих решений на различных этапах развития пандемии, учитывая возможность появления новых опасных инфекционных заболеваний.

В задачу данного исследования входило выявление отношения россиян к различным аспектам режима самоизоляции, введенного в стране для преодоления пандемии; изучение их поведения в таких условиях и проблем, с которыми они столкнулись в этот период. Проведенный анализ опирается на результаты социологического исследования (методом анкетирования опрошено 700 человек), проведенного в феврале 2021 года, и вторичный анализ содержания поликодовых текстов, посвященных феномену массовой самоизоляции (проанализировано 2000 текстов). Выявлено, что: 1) население неоднозначно относится к режиму самоизоляции, осознавая его необходимость и одновременно отмечая проблемы и трудности, которые он порождает; 2) россияне в основном соблюдали установленные этим режимом ограничения; 3) часть респондентов продемонстрировала довольно критический настрой в отношении действий российский властей в условиях режима самоизоляции граждан и недоверие к распространяемой официальной информации. Определены основные проблемы, которые россияне отмечают в связи режимом самоизоляции: сложные взаимоотношения в семье, тяжелое психологическое состояние людей и их недостаточное материальное благополучие. Очевидно, что необходимо продолжать подобные исследования до тех пор, пока продолжается пандемия и связанные с ней ограничения для населения.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31693.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пандемия коронавирусной инфекции, режим самоизоляции, социологическое исследование, поликодовые тексты, отношение населения к режиму самоизоляции, поведение людей, социальные и психологические проблемы, материальное благополучие.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ваторопин А.С., Лату М.Н., Гараева Э.И. (2021). Отношение россиян к режиму самоизоляции в условиях коронавирусной инфекции // Вопросы управления. № 3. С. 62–79.

В настоящее время ключевой проблемой, оказывающей влияние практически на все стороны жизни современного общества, безусловно, является пандемия коронавирусной инфекции. Отсюда интерес представителей разных отраслей науки как к самой болезни, так и социальным последствиям, ею вызванным. Исследования проводят социологи, психологи, экономисты, демографы, политологи и др. Спектр этих исследований довольно широк. Мы назовем лишь некоторые основные темы.

[1]AuthorID РИНЦ: 286350, ScopusID: 6505693896
[2]AuthorID РИНЦ: 613208, ORCID: 0000-0002-6313-5637, ScopusID: 55782052700, ResearcherID: S-1014-2016

© Ваторопин А.С., Лату М.Н., Гараева Э.И., 2021

Целый ряд исследований посвящен отношению россиян к режиму самоизоляции, их реакции на те ограничения, которые он накладывает (напр., [1]). Проводятся и аналогичные региональные исследования (Москва, Свердловская область, районы Крайнего Севера и т.д.) [2–4]. Заметное внимание уделяется психологическим проблемам населения в этот сложный период [5; 6]. Изучается мнение граждан поводу проводимой вакцинации[3] .

Появляется все больше исследований, в которых рассматриваются социальные последствия пандемии – как положительного, так и отрицательного характера. Среди положительных воздействий выделяется «взрывное» развитие цифровых коммуникаций как в России, так и за рубежом [7, 8], а также волонтерского движения [9, 10]. Однако в основном анализируются проблемы, с которыми столкнулись россияне. Речь идет о росте преступности [11], «фейковых» новостей, связанных как с распространением пандемии, так и с введенными ограничениями для граждан [12]; о проблемах с занятостью населения [13, 14]; о доступности и качестве образования в условиях режима самоограничения [15]; о демографическом кризисе в России [16] и неоднозначных тенденциях развития миграционных процессов [17]. Изучается складывающаяся социально-политическая ситуация в стране [18], а также изменение отношения россиян, их доверие к различным социальным институтам [19].

Отдельно следует выделить исследования, посвященные проблеме социального неравенства, которое значительно углубилось в период пандемии. Это и рост количества бедных в стране и в мире [20], и нарастание гендерного неравенства [21], и явное проявление такого относительно нового вида неравенства, как цифровое [22].

Стоит отметить, что появляются исследования, в которых делаются попытки интегрировать различные социальные последствия коронавирусной инфекции и представить более или менее целостную картину развития России [23, 24] и даже цивилизации в целом [25, 26] в постпандемический период. Здесь особо обращает на себя внимание работа К. Шваба и Т. Маллере «COVID-19: Великая перезагрузка». Уже само название говорит о том, какое значение в развитии современной цивилизации авторы придают коронавирусной инфекции. Они пишут: «Мы сейчас на перепутье. Один путь приведет нас к лучшему миру: более инклюзивному, более справедливому и более уважительному к Матери-природе. Другой перенесет нас в мир, похожий на тот, который мы только что оставили, но еще хуже и постоянно преследуемый неприятными сюрпризами. Поэтому мы должны сделать это правильно. Надвигающиеся вызовы могут иметь более серьезные последствия, чем мы до сих пор представляли, но наша способность к перезагрузке также может быть больше, чем мы ранее осмеливались надеяться» [26].

Стремление максимально полно осмыслить социальные последствия пандемии привело к тому, что начали возникать целые научные направления в рамках некоторых социальных наук, которые призваны реализовать эту цель. Так, социологическая служба «Фонд Общественное мнение» разработала «Социологию пандемии» [27]. Рассмотрим ее несколько подробнее.

«Социология пандемии» включает в себя Проект КоронаФОМ, социальные индикаторы пандемии, хронику пандемии, а также ее последствия для различных сфер жизни общества: прежде всего, экономики, в том числе для корпораций и малого бизнеса; медицины; развития коммуникационных технологий. Особое внимание уделено тому, как реагируют люди на пандемию в социальных сетях.

Что касается Проекта КоронаФОМ, то он предполагает сбор соответствующих социологических данных, их анализ и осмысление влияния пандемии на отдельных людей, социальные группы и общество в целом. Основные исследовательские направления проекта – коронаЗонд (мониторинговый опрос населения, выделение социальных групп на основе их отношения к тем или иным последствиям эпидемии); коронаТемы (определение сфер жизни общества, на которые пандемия оказала са-

[3] Рейнюк А. Вакцина от COVID-19 – мнение россиян и медицинских работников. URL: https://covid19.fom.ru/post/vakcina-ot-covid-19-mnenie-rossiyan-i-medicinskih-rabotnikov (дата обращения: 20.03.2021).

мое сильное влияние); коронаБеседы (опрос экспертов, анализ их размышлений о социальных последствиях пандемии); коронаДайджесты (поиск в интернете релевантных текстов, видеороликов, их размещение на сайте коронаФОМ). Другими словами, налицо одна из первых попыток системного подхода социологов «Фонда Общественное мнение» к изучению социальных последствий COVID-19. Подчеркнем, что авторы проекта стремятся выйти за рамки чисто эмпирических исследований.

Таким образом, научных работ, посвященных коронавирусной инфекции и ее последствиям, достаточно много. Однако следует заметить, что пандемия – это достаточно длительный процесс, и поэтому необходимо проводить мониторинговые исследования (причем по различным методикам, чтобы в результате получить максимально возможные объективные данные), накапливать научный материал, который впоследствии позволит провести углубленный анализ этого феномена, приобрести полезный опыт борьбы с его негативными социальными последствиями на разных стадиях развития эпидемии. Данная статья как раз находится в русле подобных исследований.

Целью исследования являлось изучение отношения граждан России к режиму самоизоляции в условиях пандемии (февраль 2021 г.). При этом решались следующие задачи:

1. Выяснить, как граждане России относятся к различным аспектам режима самоизоляции, введенного в стране.

2. Проанализировать поведение людей во время самоизоляции.

3. Выявить основные проблемы, с которыми столкнулись люди в период действия строгих ограничений.

Методы исследования: анкетирование (февраль 2021 г.); вторичный анализ 2000 поликодовых текстов, посвященных самоизоляции (сентябрь – октябрь 2020 г.).

Исследование поликодовых текстов позволило установить перечень значимых смысловых компонентов, используемых при построении сообщений, выражении мнений и особенностей восприятия режима самоизоляции, а также изучить частотность их репрезентации посредством вербальных и невербальных средств. Были проанализированы особенности корреляции смысловых компонентов посредством разных типов семантических отношений при выражении мнений о массовой самоизоляции. Отметим, что указанные тексты, посвященные самоизоляции, характеризуются широким спектром тем и обсуждаемых вопросов, на основе которых было выделено восемь основных тематик, среди которых «Здоровьесбережение во время самоизоляции», «Продолжительность самоизоляции», «Пребывание дома», «Нахождение вне дома», «Соблюдение режима самоизоляции», «Обеспеченность необходимым», «Финансовое благополучие», «Психологическое состояние».

Перечень вопросов анкеты был составлен на основе анализа содержания данных поликодовых текстов [28, с. 36]. Методом анкетирования опрошено 700 человек; выборка квотная, половозрастная (рис. 1 и 2).

Были получены следующие результаты. Прежде всего, респонденты выразили свое отношение к режиму самоизоляции, введенному в России в марте 2020 г. Почти половина из них (49,0 %) относится к проблеме изоляции нейтрально, одновременно осознавая как ее необходимость, так и связанные с ней трудности, треть (33,0 %) воспринимает его негативно,

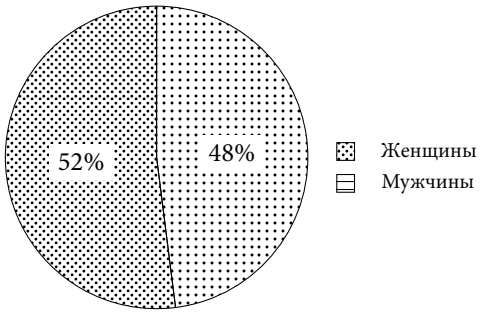

Рисунок 1 – Распределение респондентов по полу
Figure 1 – Distribution of respondents by gender (%)

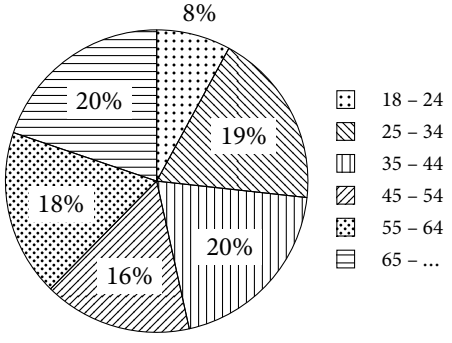

Рисунок 2 – Распределение респондентов по возрасту (в %)
Figure 2 – Distribution of respondents by age (%)

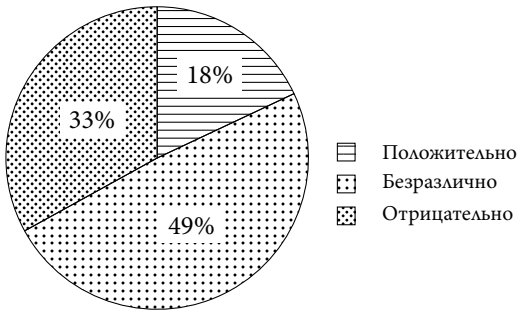

Рисунок 3 – Отношение к режиму самоизоляции (в % от числа ответивших)
Figure 3 – Attitude towards the self-isolation regime (% of the number of respondents)

каждый пятый (18,0 %) оценивает существование данного режима положительно (рис. 3).

При этом заметны различия в эмоциях мужчин и женщин (табл. 1): последние относятся к установленному режиму негативно в два раза чаще (45,6 % против 21,3 %), в свою очередь значительно реже выражая к нему нейтральное или безразличное отношение (36,3 % против 58,4 %).

Таблица 1 – Отношение к режиму самоизоляции в зависимости от пола

Table 1 – Attitude towards self-isolation mode depending on gender

Ответы	Мужчины	Женщины
Положительно	20,3 %	18,1 %
Нейтрально	58,4 %	36,3 %
Отрицательно	21,3 %	45,6 %
Итого:	100 %	100 %

Положительные эмоции проявляют в основном те респонденты, которые заботятся о своем здоровье и безопасности, а также вполне комфортно чувствуют себя, работая удаленно (дома). Причины отрицательного отношения к режиму самоизоляции связаны с дискомфортом от отсутствия «живого» общения с родственниками, друзьями, коллегами по работе, скукой, ограничением личной свободы, финансовыми проблемами и т.д. Некоторые респонденты выразили недоверие информации об опасности коронавирусной инфекции, заявили о неэффективности подобных ограничений. Подчеркнем, что те, кто выделил эмоцию «нейтрально», на самом деле имели в виду противоречивую реакцию на режим изоляции. В качестве примера можно привести такие высказывания: «С одной стороны, у тебя появляется много свободного времени и, в принципе, учить с кружкой кофе в руке приятнее. Но с другой стороны, лично для меня, такой режим разбалтывает меня, я перестаю чувствовать напряжённость и начинаю хуже учиться»; «Из каждой ситуации надо извлекать что-то хорошее, нельзя категорически к чему-то относиться»; «Вроде это и вынужденная мера, но организовано всё плохо, как минимум в нашей стране» и др.

Респондентам также был задан вопрос: «С чем у Вас ассоциируется режим самоизоляции? Перечислите до 5–7 ассоциаций (слов и/или словосочетаний)». Приведем характерные ассоциации: «Работа, деньги, квартира, нищета, больница»; «Дом, коронавирус, маска, работа из дома, новости»; «Маска, мыло, антисептик, дом, работа»; «Апатия, паника, стресс, беспокойство, раздражение, равнодушие»; «Ограничение свободы, контроль, скука, напряжение, бесполезность»; «Свободное время, саморазвитие, неопределённость, заточение»; «Отсутствие прогулок, минимальная двигательная активность детей, капризы»; «Дом, компьютер, дистант, скука, ограничения, раздражение»; «Тюрьма, глупость, несправедливость, безденежье, безнадега»; «Безопасность, комфорт, тоска по друзьям, много фильмов и сериалов, время с семьей, дистанционное обучение, пониженная активность»; «Работа, учеба, свобода, неоднозначность, ответственность».

Добавим, что этот ассоциативный ряд во многом коррелирует с перечнем репрезентативных смысловых компонентов, которые использовались в поликодовых текстах для выражения мнений и представлений о массовой самоизоляции. Так, согласно ответам респондентов, участвовавших в этом исследовании, наиболее часто массовая самоизоляция ассоциируется с такими понятиями, как «дом» (28,8 % от общего числа опрошенных), «дистанционное обучение» (25,1 %), «скука» (17,1 %), «медицинская маска» (15,4 %), «удаленная работа» (11,7 %), «саморазвитие», «тюрьма» (12,6 %), «ограничения» (10,9 %), «грусть» (10 %), «сон», «отдых» (8 %), «семья» (7,4 %), «одиночество», «лень» (7,1 %), «болезнь» (6,3 %), «компьютер», «страх» (6,2 %), «еда» (5,1 %), «усталость» (4,6 %), «карантин», «антисептик» (4,3 %), «лишний вес» (3,4 %).

Таблица 2 – Как Вы оцениваете послабления режима самоизоляции и снятие ряда ограничений весной этого года? (в % от числа ответивших)

Table 2 – How do you assess the relaxation of the self-isolation regime and the lifting of a number of restrictions this spring? (% of the number of respondents)

Ответы	Возраст респондентов					
	18 – 24	25 – 34	35 – 44	45 – 54	55 – 64	65 – …
Считаю, что это было сделано преждевременно	12,6	8,2	4,5	15,8	19,8	24,9
Считаю, что это было сделано своевременно	50,6	48,7	55,9	46,9	44,7	42,8
Считаю, что это было осуществлено слишком поздно	36,8	43,1	39,6	37,3	35,5	32,3
Итого:	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %

Так или иначе, большинство ассоциаций и в том и в другом исследовании подтверждают противоречивое отношение россиян к режиму изоляции.

Данный вывод о неоднозначном отношении населения к введенному режиму ограничений находит свое подтверждение и при анализе ответов респондентов на другие вопросы. Так, 49,1 % опрошенных считают период самоизоляции слишком продолжительным, в то же время почти 3/4 (72,5 %) эта мера представляется, в общем, обоснованной. При этом стоит отметить, что, похоже, несколько легче время ограничений переносят старшие возрастные группы: слишком продолжительным этот период считают 38,1 % граждан в возрасте 55–64 лет и 45,9 % – в возрасте 65+. Для сравнения: подобные взгляды среди молодых и среднего поколения присущи 52,0 % в возрастной категории 18–24, 58,8 % в категории 25–34, 62,3 % в категории 35–44.

В ходе исследования удалось выяснить, как граждане оценивают обоснованность постепенного выхода из режима массовой самоизоляции, который был предпринят в России в мае 2020 года. На вопрос «Как Вы оцениваете послабления режима самоизоляции и снятие ряда ограничений весной этого года?» 50,3 % респондентов ответили, что это было сделано своевременно, 39,0 % – слишком поздно, 10,7 % – преждевременно. И снова наблюдаются довольно противоречивые мнения граждан (рис. 4).

В большей степени негативные оценки высказали мужчины (55,5 %). Подчеркнем, что все возрастные категории примерно одинаково оценивают этот шаг властей, однако есть и некоторые различия. Здесь выделяются возрастные группы 55–64 и 65+: респонденты из этих групп чаще выражают мнение, что «это было сделано преждевременно» (соответственно 19,8 % и 24,9 %). Напротив, в группах 25–34 и 35–44 подобных взглядов придерживаются только 8,2 % и 4,5 % (табл. 2) .

В период пандемии люди ищут разные способы, чтобы защититься от инфекции. Среди самых эффективных респонденты назвали следующие (рис. 5): обработку рук и поверхностей антисептиками – 64,0 % опрошенных, масочный режим – 49,2 %, занятия спортом – 34,2 %, дистанцирование – 30,2 %, измерение температуры в местах скопления людей – 26,8 %, нахождение дома – 16,2 %. На наш взгляд, эти цифры свидетельствуют о том, что разъяснительная кампания в средствах массовой информации, призванная сократить масштабы эпидемии, в принципе, оказалась эффективной: население, в основном, восприняло рекомендации специалистов. В то же время каждый пятый (19,2 %) готов прибегать к методам нетрадиционной медицины, а значит, вполне вероятно, допускает возможность самолечения в случае заболевания. Эпидемиологи, как известно, категорически против таких методов.

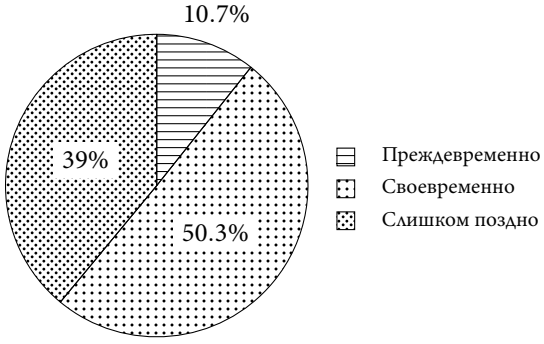

Рисунок 4 – Как Вы оцениваете послабления режима самоизоляции и снятие ряда ограничений весной этого года? (в % от числа ответивших)

Figure 4 – How do you assess the relaxation of the self-isolation regime and the lifting of a number of restrictions this spring? (% of the number of respondents)

Рисунок 5 – Назовите наиболее эффективные способы здоровьесбережения во время самоизоляции (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)
Figure 5 – What are the most effective ways of preserving health during self-isolation (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

Рисунок 6 – Соблюдали ли Вы режим самоизоляции? (в % от числа ответивших)
Figure 6 – Did you observe the self-isolation regime? (% of the number of respondents)

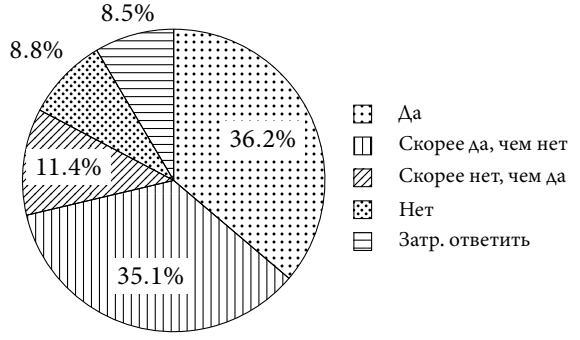

Рисунок 7 – Готовы ли Вы соблюдать режим самоизоляции, который был введен в Вашем регионе весной этого года, если его введут снова? (в % от числа ответивших)
Figure 7 – Are you ready to comply with the self-isolation regime that was introduced in your region this spring if it is introduced again? (% of the number of respondents)

Об успешности информационной кампании против пандемии свидетельствует и тот факт, что 3/4 граждан (74,2 %), в целом, соблюдали режим самоизоляции (рис. 6), и почти столько же (71,3 %) готовы соблюдать его и впредь, если он будет введен (рис. 7). Подчеркнем, что нет больших различий в ответах на эти вопросы респондентов, дифференцированных по полу и возрасту.

В ходе исследования была поставлена задача проанализировать поведение людей в период самоизоляции. Были получены следующие результаты.

Находясь дома, люди больше времени уделяли таким активным и, как правило, необходимым видам деятельности, как: удаленная работа (50,1 %), дистанционное обучение (35,1 %), общение посредством мессенджеров, средств видеосвязи (24,8 %), организация досуга детей (21,4 %), самообучение (21,1 %), домашние дела и обязанности (14,8 %). Что касается свободного времени и досуга, то здесь предпочтение отдавалось: употреблению пищи (34 %), любовным отношениям (30,3 %), сну и пассивному отдыху на диване (20,3 %), употреблению алкоголя (15,8 %), занятию спортом (9,9 %), компьютерным играм и развлечениям (9,3 %) (рис. 8). Данный перечень вполне коррелирует с представлениями об активном и пассивном времяпровождении в этот период, которые нашли отражение в поликодовых текстах [28, с. 27]. Характерно то, что лишь 6,2 % опрошенных потратили свободное время на чтение, причем среди мужчин таковых в два раза меньше, чем среди женщин (4,1 % и 8,3 % соответственно).

Респонденты назвали основные причины, которые заставляли их выходить из дома в период самоизоляции. Среди них: выгул животных (85,5 %), покупка продуктов и лекарств

Рисунок 8 – Чему, по Вашему мнению, в период нахождения дома на самоизоляции люди стали уделять больше времени? (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)
Figure 8 – What do you think people began to devote more time to while they were at home on self-isolation? (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

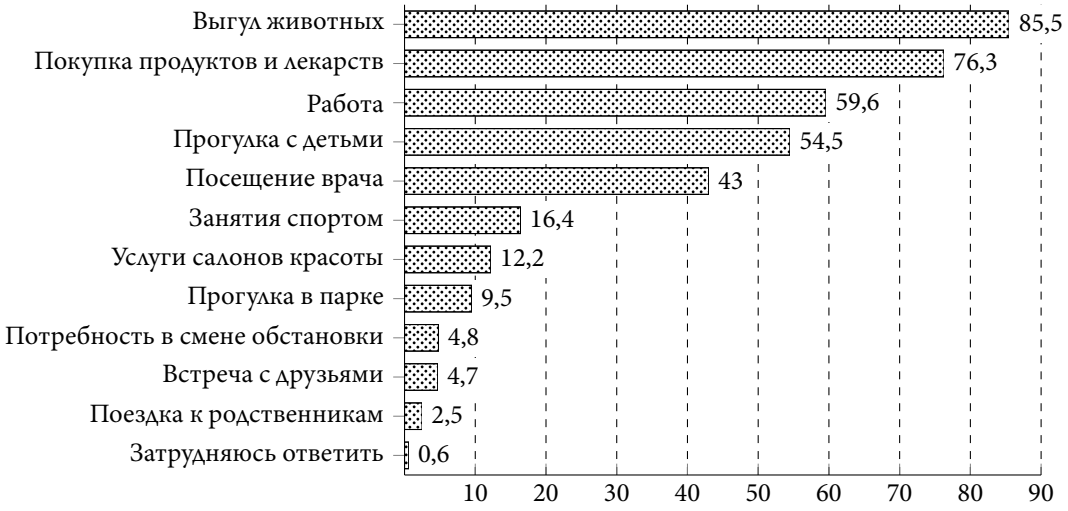

Рисунок 9 – Какие наиболее значимые причины Вы можете назвать для нахождения вне дома в период самоизоляции? (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)
Figure 9 – What are the most significant reasons for being out of the house during the period of self-isolation? (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

(76,3 %), работа (59,6 %), прогулка с детьми (54,5 %), посещение врача (43,0 %), занятия спортом (16,4 %), визиты в салоны красоты (12,2 %), прогулки в парке (9,5 %) (рис. 9). Очевидно, что некоторые причины вполне обоснованы, другие же приводили к нарушениям установленного режима, причем иногда без жесткой необходимости (например, посещения салонов красоты).

Респонденты отметили и нарушения режима самоизоляции, которые они наблюдали лично. Основные из них: несоблюдение дистанции в общественных местах (85,5 % опрошенных), прогулки с детьми (42,8 %), выезд за пределы своего населенного пункта (18,4 %), нарушение масочного режима (15,8 %), свободное перемещение по городу (9,6 %), работа кафе, спортзалов, парикмахерских (6,9 %). Интересно, что каждый пятый (21,1 %) вообще не сталкивался с нарушениями (рис. 10). На наш взгляд, это выглядит довольно странно, так как названные нарушения были очевид-

Рисунок 10 – Какие нарушения Вы наблюдали в условиях режима самоизоляции в Вашем регионе? (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)

Figure 10 – What violations have you observed during the self-isolation regime in your region? (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

Рисунок 11 – Каковы, на Ваш взгляд, причины нарушения самоизоляции? (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)

Figure 11 – What, in your opinion, are the reasons for the violation of self-isolation? (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

ны, и о них постоянно сообщали средства массовой информации. Возможно, что респонденты просто не захотели обсуждать эту тему.

Были названы причины, по которым происходили указанные нарушения режима самоизоляции. Чаще всего упоминались следующие: необходимость зарабатывать на жизнь (отметили 43,7 % респондентов), психологическая усталость (43,5 %), необходимость посещать родственников и друзей (32,1 %), отсутствие должного контроля за соблюдением ограничительных мер (21,0 %), боязнь потерять работу (19,2 %), недисциплинированность граждан (18,0 %), потребность в живом общении (16,5 %). Особо стоит отметить ответ: «Отсутствие доверия к информации о серьезной опасности коронавируса». Его дали почти четверть опрошенных (23,8 %) (рис. 11). Это для власти серьезный повод задуматься, как улучшить организацию информационно-разъяснительной работы с населением в условиях пандемии, тем более что многие эксперты предупреждают о возможности распространения новых, еще более опасных инфекций.

Теперь более подробно рассмотрим проблемы, с которыми сталкивалось население в период самоизоляции, и последствия, в том числе психологические, пребывания людей в подобных условиях.

На вопрос «Каковы, по Вашему мнению, наиболее значимые проблемы и трудности, с которыми люди сталкиваются в период само-

изоляции?», были получены следующие ответы. Прибавку лишнего веса отметили 66,4 % респондентов, возросший объем работы и учебной нагрузки – 33,6 %, проблемы в семье – 27,2 %, ухудшение психологического состояния – 24,8 %, отсутствие возможности работать удаленно – 23,2 % нехватку денег, продуктов, медикаментов – 18,4 %, неудобства при постоянном использовании средств защиты – 16,2 %. Среди других проблем граждане указывали на рост преступности (15,2 %) и потерю работы (14,4 %); заметим, что это тоже довольно значительные цифры (рис. 12). При этом обращает на себя внимание то, что в ходе данного опроса такая проблема, как лень и скука, которая нередко отмечалась в поликодовых текстах, не нашла значительного отражения в ответах респондентов [28, с. 29].

Стоит подчеркнуть, что мужчины чаще, чем женщины жалуются на нехватку денег, продуктов, медикаментов (23,4 % против 13,4 %), неудобства при постоянном использовании средств защиты (19,9 % против 12,6 %), рост преступности (18,2 % против 12,2 %). В свою очередь, женщины отмечали чаще мужчин такие проблемы, как прибавку лишнего веса (70,3 % против 62,5 %), возросший объем работы и учебной нагрузки (45,3 % против 22,0 %), проблемы в семье (31,0 % против 23,4 %), ухудшение психологического состояния (28,6 % против 21,1 %), отсутствие возможности работать удаленно (27,5 % против 19,0 %), потерю работы (16,3 % против 12,9 %), отсутствие услуг: парикмахерской, спортзала, салона красоты (13,4 % против 5,6 %) (см. табл. 3). Обратим внимание, что у женщин в рассматриваемый период оказалось больше проблем с работой (разные аспекты), чем у мужчин.

Так или иначе, в период самоизоляции люди имеют различные проблемы и испытывают те или иные трудности, в том числе материальные и психологические, и это, безусловно, сказывается на их здоровье. Об этом, кстати, косвенно свидетельствует и жалоба почти 2/3 респондентов на прибавку веса в этот период. Кроме того, они отмечают и нарастание таких социальных проблем, как преступность и безработица.

Особое внимание в ходе исследования было уделено проблемам взаимоотношений в семье, психологическому состоянию людей и материальному благополучию в рассматриваемый период.

Рисунок 12 – Каковы, по Вашему мнению, наиболее значимые проблемы и трудности, с которыми люди сталкиваются в период самоизоляции? (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)

Figure 12 – What, in your opinion, are the most significant problems and difficulties that people face during the period of self-isolation? (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

Таблица 3 – Каковы, по Вашему мнению, наиболее значимые проблемы и трудности, с которыми люди сталкиваются в период самоизоляции?

Table 3 – What, in your opinion, are the most significant problems and difficulties that people face during the period of self-isolation?

Ответы	М	Ж
Отсутствие услуг (парикмахерской, спортзала, салона красоты)	5,6	13,4
Прибавка лишнего веса	62,5	70,3
Проблемы в семье	23,4	31,0
Отсутствие возможности работать удаленно	19,0	27,5
Потеря работы	12,9	16,3
Нехватка денег, продуктов, медикаментов	23,4	13,4
Ухудшение психологического состояния	21,1	28,6
Отсутствие или трудности с освоением технических средств для коммуникации	8,3	7,4
Сложности с получением пропуска для выхода на улицу	0,9	0,4
Рост преступности	18,2	12,2
Возросший объем работы и учебной нагрузки	22,0	45,3
Неудобства при постоянном использовании средств защиты	19,9	12,6
Доступ к информации	3,8	6,2
Противоречивость информации	14,5	16,3
Затрудняюсь ответить	0,8	0,4

Прим.: допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа

Более половины респондентов (60 %) не испытывали особых проблем с другими членами семьи.

Среди тех, у кого такие проблемы были (40,0 %), женщин больше, чем мужчин (44,9 % среди женщин и 34,2 % среди мужчин) (табл. 4). Чаще всего это были проблемы с детьми (на это указали 39,5 % опрошенных) и с супругом (30,7 %). У каждого шестого (17,4 %) возникали проблемы с родителями. Заметны различия по возрастным категориям. На проблемы с супругом чаще других указывают представители категории 35–44 (34,8 %), 55–64 (31,1 %) и 25–34 (29,7 %). Несколько меньше – 65+ (26,3 %) и 45–54 (24,1 %). И заметно реже представители самой молодой категории – 18–24 (12,8 %). Последние меньше жалуются и на проблемы с детьми, что вполне объяснимо. Точно так же естественно, что проблем с родителями меньше у представителей старших поколений: 55–64 и 65+. В то же время интересно отметить, что проблемы с

Таблица 4 – Испытывали ли Вы трудности, связанные с постоянным нахождением дома с членами семьи? (в % от числа ответивших)

Table 4 – Have you experienced difficulties in constantly staying at home with family members? (% of the number of respondents)

Ответы	Мужчины	Женщины
Да	34,2 %	44,9 %
Нет	65,8 %	55,1 %
Итого:	100 %	100 %

другими родственниками отмечают, прежде всего, те, кто относится к самой молодой категории и самой пожилой (соответственно 26,7 % и 25,1 %). Для выяснения причин такой ситуации требуются дополнительные исследования.

Самоизоляция оказала серьезное влияние на психологическое состояние людей. На изменение этого состояния обратили внимание более половины респондентов (57,8 %). В первую очередь, это касается респондентов старших возрастов: 45–54 – 66,1 %, 55–64 – 59,5 %, 65+ – 58,3 %. А вот среди тех, кто принадлежит к категории 18–24, изменение психологического состояния отметили только 35,4 %, в категории 25–34 – 42,2 % (табл. 5). В целом, респонденты особо выделили: раздражение в отношении власти (57,0 %), страх (44,2 %), тревогу (39,0 %), неуверенность (37,0 %), стресс (33,0 %), растерянность (24,5 %), депрессию (23,4 %), раздражение в отношении близких (19,8 %). Заметим, что эти данные в целом коррелируют с психологическими состояниями, которые были зафиксированы в период массовой самоизоляции на основе анализа поликодовых текстов: депрессия, раздражение и недовольство (и в отношении близких, и в отношении органов власти), а также стресс, страх и тревога, чувство одиночества, растерянность и удивление [28, с. 31].

Обращает на себя внимание довольно негативная психологическая реакция респондентов на действия власти в период самоизоляции. Впрочем, на наш взгляд, кроме действительно объективных причин такого отношения существует и известный в психологии феномен «искать виноватого». Логика здесь очевидна: в условиях плохо контролируемого кризиса основной субъект противодействия развертыванию последнего – государство; кризис приобрел долговременный

Таблица 5 – Испытывали ли Вы изменения в психологическом состоянии в период самоизоляции?
Table 5 – Have you experienced changes in the psychological state during the period of self-isolation?

Ответы	Возраст респондентов					
	18 – 24	25 – 34	35 – 44	45 – 54	55 – 64	65 – …
Да	35,4	42,2	54,3	66,1	59,5	58,3
Нет	64,6	57,8	45,7	33,9	40,5	41,7
Итого:	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %

характер, значит, власть действует недостаточно эффективно. Однако, вероятно, подробный анализ действия властей различных уровней в условиях пандемии еще впереди, и его результаты могут привести к переоценке деятельности государства в это сложное время, в том числе и со стороны общественного мнения.

Что касается финансового благополучия, то 70,1 % респондентов ответили, что режим самоизоляции на него не повлиял, 20,0 % – что повлиял незначительно. Только 7,7 % отметили значительное его влияние на их финансовое положение (см. рис.13).

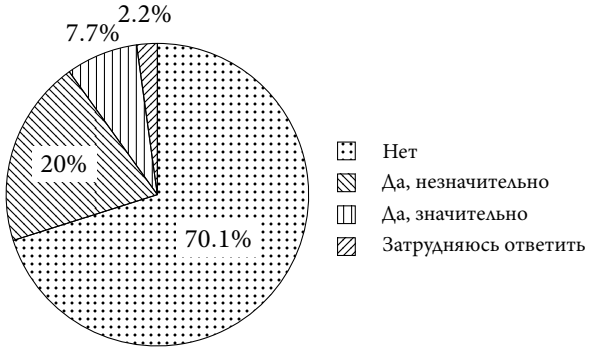

Рисунок 13 – Отразился ли период самоизоляции на Вашем финансовом благополучии? (в % от числа ответивших)
Figure 13 – Has the period of self-isolation affected your financial well-being? (% of the number of respondents)

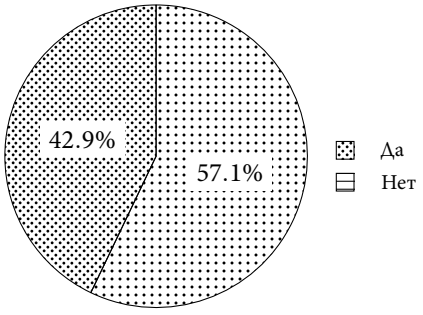

Рисунок 14 – Делали ли Вы запасы продуктов и (или) товаров? (в %)
Figure 14 – Have you made stocks of products and (or) goods? (%)

При этом значительных гендерных отличий выявлено не было. А вот по возрастным категориям такие различия были. Например, в категории 18–24 тех, чье финансовое благополучие заметно изменилось, в два раза больше, чем в категории 65+ (9,1 % против 4,5 %); близкое соотношение в этих категориях и среди тех, чье финансовое положение изменилось, но незначительно (23,9 % и 15,4 % соответственно). В целом, подчеркнем, что пандемия оказала большее влияние – с точки зрения финансового благополучия – на молодое и среднее поколение, чем на старшее. С учетом того, что респонденты жаловались на потерю работы и нехватку финансовых средств в период пандемии (рис. 11 и табл. 3), получается, что материальное положение некоторых их них в той или иной мере ухудшилось, особенно у работающей части населения. И это власти должны, безусловно, учитывать в своей деятельности по преодолению последствий коронавирусной инфекции.

Косвенным подтверждением беспокойства людей за свое материальное положение является тот факт, что более половины опрошенных (57,1 %) делали запасы продуктов в период самоизоляции (рис. 14).

Среди этих продуктов чаще всего упоминаются крупы (особенно гречка), макароны, мясо, реже сахар, соль, консервы, бытовую химию, лекарства, спички, туалетная бумага. Очевидно, что россияне стремились закупать нескоропортящиеся продукты и некоторые товары первой необходимости.

Впрочем, на вопрос «Если режим будет введен вновь, будете ли Вы делать запасы продуктов и товаров?» только четверть респондентов (27,5 %) ответила утвердительно. При этом ответы свидетельствуют о некоторых изменениях в предпочтениях. Как и ранее, самым востребованными продуктами окажутся крупы, мясо, консервы, мука, овощи, сахар, лекарства

бытовая химия; упоминаются соль, чай, гораздо реже – туалетная бумага. Отметим также отсутствие упоминание таких товаров, как чеснок и имбирь, которые пользовались спросом в начале периода массовой самоизоляции.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что властям удалось избежать панических настроений среди населения и обеспечить нормальную логистику продуктов и товаров первой необходимости в этот кризисный период.

Как итог, респондентам был задан вопрос: «Повлиял ли режим самоизоляции на Ваш привычный образ жизни?». Были получены несколько удивительные ответы. Почти половина респондентов (45,4 %) заявили, что повлиял, но незначительно; каждый пятый (18,5 %) – что вообще не оказал влияния; 5,0 % затруднились ответить. И только каждый третий (31,1 %) считает, что режим самоизоляции значительно повлиял на его образ жизни.

На наш взгляд, такого рода результаты интерпретировать довольно сложно, но можно предположить, что за год респонденты сумели адаптироваться к режиму самоизоляции, и он уже не выглядит, как однозначно сверхординарный феномен. В любом случае, для исследователей появляется возможность и необходимость продолжить изучение жизни людей в таких, по сути, необычных условиях.

Выводы

1. Население демонстрирует неоднозначное и порой противоречивое отношение к режиму самоизоляциии: в основном сознавая его необходимость для защиты здоровья людей, респонденты отмечают целый ряд проблем и трудностей, связанных с ограничениями, которые он накладывает. В то же время почти 3/4 граждан его соблюдали и готовы соблюдать впредь, если его введут снова.

2. Часть респондентов довольно критически относится к деятельности государства в этот сложный период, однако в основе такого отношения лежат, прежде всего, психологические факторы («поиск виноватого»), а не рациональная оценка принятых мер. Об этом позволяют судить ответы на косвенные вопросы, касающиеся деятельности государства.

3. Поведение большинства людей в период самоизоляции, судя по полученным ответам, было адекватным. Нарушения установленного режима имели место, но они не носили критического характера. При этом одной из причин было то, что заметная часть граждан (почти четверть) не доверяла информации властей, связанной с коронавирусной инфекцией.

4. Среди основных проблем, с которыми столкнулись респонденты в период самоизоляции, были проблемы взаимоотношений в семье, психологическое состояние людей и материальное благополучие в условиях пандемии.

Большая часть респондентов не испытывали проблем при общении с членами свой семьи в этот период. Среди тех, кто такие проблемы имел, было относительно больше женщин, чем мужчин.

Больше половины респондентов отметили серьезное влияние самоизоляции на психологическое состояние людей – особенно среднего и старшего возраста. Проявлениями этого стали раздражение в отношении власти, страх, тревога, стресс, депрессия и др.

Менее 10 % респондентов заявили о значительном, как правило, негативном, изменении своего финансового положения в период пандемии. Среди них преобладают представители молодого и среднего поколения.

5. В целом режим самоизоляции заметно повлиял на образ жизни менее трети населения. Абсолютное большинство респондентов не отметили существенных изменений в своем образе жизни.

Рекомендации органам власти

1. Эффективнее проводить разъяснительную и пропагандистскую кампанию в период пандемии и введения режима самоизоляции, касающуюся как принимаемых властями мер, так и требуемого от граждан поведения в кризисных условиях. Целью кампании должно быть повышение доверия граждан к действиям власти.

2. Принимать адресные меры в отношении половозрастных групп, в том числе оказывать психологическую помощь представителям старшего поколения и материальную (финансовую) поддержку работающему населению, а также женщинам – особенно тем людям, кто оказался временно безработным.

Очевидно, что социальные последствия пандемии будут иметь долговременный характер. Поэтому необходимо продолжать мони-

торинг этих последствий, а также осуществлять теоретическую рефлексию, обобщающую изменения в различных сферах жизни российского общества, которые вызывают подобного рода катаклизмы. Это даст возможность лучше подготовиться к вызовам, с которым россиянам, не исключено, придется столкнуться в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Логинов Д.М. (2020). Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 470–487.

2. Слепцов А.Н., Потравная Е.В. (2020). Влияние пандемии коронавируса на жизнь арктических регионов в оценках населения // Социологические исследования. № 7. С. 144–147. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2020/7/Sleptsov.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

3. Ваторопин А.С., Костина Н.Б., Калугина Д.А., Черкасова В.Ю., Гараева Э.И. (2020). Население Свердловской области о коронавирусной инфекции и её социальных последствиях // Вопросы управления. № 3 (64). С. 139–153.

4. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю. (2020). Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. № 7. С. 138–143.

5. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. (2020). Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. Т. 28. № 2. С. 90–108.

6. Луковцева З.В. (2020). Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. Т. 11. № 4. С. 13–25.

7. Малышева Г.А. (2020). Цифровые сети как ресурс социальной коммуникации в условиях пандемии // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения (12–14 ноября 2020 года) / Отв. редакторы : Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт. С. 418–419. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=8819 (дата обращения: 20.03.2021).

8. Куликов О.А. (2020). Пандемия коронавируса как фактор интенсификации развития и внедрения цифровых технологий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. Т. 20, вып.4. С. 400–404. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-koronavirusa-kak-faktor-intensifikatsii-razvitiya-i-vnedreniya-tsifrovyh-tehnologiy/viewer (дата обращения: 20.03.2021).

9. Башева О.А., Ермолаева П.О. (2020). Феномен цифрового волонтёрства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. Т. 11. № 1. С. 47–69. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2020_32/Basheva,Ermolaeva_49-71.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

10. Мерсиянова И.В., Брюхно А.С. (2020). Цифровые волонтерские платформы: готовность россиян и потенциал применения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 357–375. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-volonterskie-platformy-gotovnost-rossiyan-i-potentsial-primeneniya/viewer (дата обращения: 20.03.2021).

11. Багреева Е.Г., Мантарова А.И. (2020). Криминологический анализ и тенденции преступности в период и после пандемии в Российской Федерации и Республике Болгарии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. № 3. С. 93–104. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskiy-analiz-i-tendentsii-prestupnosti-v-period-i-posle-pandemii-v-rossiyskoy-federatsii-i-respublike-bolgarii (дата обращения: 20.03.2021).

12. Василькова В.В., Легостаева Н.И. (2020). Социальные боты в компьютерной пропаганде: серфинг на информационной волне коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 329–356. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-boty-v-kompyuternoy-propagande-serfing-na-informatsionnoy-volne-koronavirusa (дата обращения: 20.03.2021).

13. Шарпф М., Эртельт Б.-Й. (2020). Последствия пандемии COVID-19 для развития рынка труда // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV международная научная конференция

«Сорокинские чтения» (онлайн). Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: https://lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6addd833044cc.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

14. Гневашева В.А., де Конти Б. (2021). Предпосылки управленческого воздействия на территориальные рынки труда в условиях отрицательной экстерналии COVID-19: на примере России и Бразилии // Вопросы управления. № 1 (68). С. 75–87. URL: https://journal-management.com/issue/2021/01/06 (дата обращения: 20.03.2021).

15. Комлева В.В. (2021). Доступность и качество высшего образования в условиях COVID-19: правительственные усилия в расчете на будущее // Вопросы управления. № 1 (68). С. 144–155. URL: https://journal-management.com/issue/2021/01/11 (дата обращения: 20.03.2021).

16. Верещагина А.В. (2020). Демографические вызовы безопасности российского общества в условиях пандемии // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV международная научная конференция «Сорокинские чтения» (онлайн). Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: https://lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6addd833044cc.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

17. Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. (2021). Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) // Вопросы управления. № 1 (68). С. 62–74. URL: https://journal-management.com/issue/2021/01/05 (дата обращения: 20.03.2021).

18. Малышева Г.А. (2020). Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-aspekty-pandemii-v-obschestve-tsifrovoy-setevizatsii-rossiyskiy-opyt/viewer (дата обращения: 20.03.2021).

19. Макушева М.О., Нестик Т.А. (2020). Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 427–447. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-predposylki-i-effekty-doveriya-sotsialnym-institutam-v-usloviyah-pandemii/viewer (дата обращения: 20.03.2021).

20. Шеремет А.Н. (2020). Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID 19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 4. С. 136–141. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-neravenstva-sotsialno-ekonomicheskie-aspekty-i-posledstviya-covid-19/viewer (дата обращения: 20.03.2021).

21. Мжельская А.С. (2020). Механизмы международно-правового регулирования межличностного насилия и гендерного неравенства в период пандемии COVID-19 // Вопросы российской юстиции. № 9. С. 946–954. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-mezhdunarodno-pravovogo-regulirovaniya-mezhlichnostnogo-nasiliya-i-gendernogo-neravenstva-v-period-pandemii-covid-19/viewer (дата обращения: 20.03.2021).

22. Новоженина О.П., Гребняк О.В., Афанасьев В.А. (2020). Цифровое неравенство в условиях пандемии // Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: материалы научно-практической конференции (Москва, 10 декабря 2020 г.) / Отв. ред. О. П. Новоженина ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН. С. 63–71. URL: http://испи.рф/product/декчтения-2 (дата обращения: 20.03.2021).

23. Осипова Н.Г. (2020). Российское общество после пандемии: взгляд в будущее // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV международная научная конференция «Сорокинские чтения» (онлайн). Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: https://lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6addd833044cc.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

24. Великая Н.М., Сакка Ф., Ирсетская Е.А. (2021). Пандемия коронавируса в публичном дискурсе современной России: угрозы, вызовы и возможности // Вопросы управления. № 1 (68). С. 8–22. URL: https://journal-management.com/issue/2021/01/01 (дата обращения: 20.03.2021).

25. Талаквадзе Г. (2020). Социальные, экономические и мировоззренческие последствия пандемии COVID-19. Sciences of Europe. № 60. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-ekonomicheskie-i-mirovozzrencheskie-posledstviya-pandemii-covid-19/viewer (дата обращения: 20.03.2021).

26. Шваб К., Маллере Т. (2020). COVID-19: Великая перезагрузка. URL: https://www.litlib.net/bk/135579/read (дата обращения: 20.03.2021).

27. Социология пандемии. Проект корона-ФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М. : Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. 319 с. URL: https://media.fom.ru/fom-static/.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

28. Лату М.Н. (2021). Тематическая стратификация статических поликодовых текстов, посвященных самоизоляции // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 26–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ваторопин Александр Сергеевич – доктор социологических наук, доцент; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); alexandr.vatoropin@ui.ranepa.ru.

Лату Максим Николаевич – кандидат филологических наук; Пятигорский государственный университет (357532, Россия, Ставропольский край, Пятигорск, пр-кт Калинина, 9); laatuu@yandex.ru.

Гараева Эльнара Ильфатовна – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); garaeva-ei@ranepa.ru.

ATTITUDE OF THE RUSSIANS TO SELF-ISOLATION REGIME CAUSED BY THE COVID-19 PANDEMIC

A.S. Vatoropin[4a], M.N. Latu[5b], E.I. Garaeva[a]

[a]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
[b]Pyatigorsk State University

ABSTRACT:

During the last year the world has been fighting with the coronavirus infection. It is important to research not only its development, but also its social consequences, especially those that are connected with the self-isolation regime.

At the same time, monitoring studies are especially relevant that allow collecting material for further analysis of the impact of the imposed restrictions on people and for the adoption of managerial decisions by the authorities at various stages of the development of the pandemic, taking into account the possibility of the emergence of new dangerous infectious diseases.

The goals of this study are to reveal the attitude of the Russians to different aspects of self-isolation imposed in the country to stop the pandemic and to analyze the behavior of people in this period, as well as the problems they faced. The analysis is based on the results of sociological survey (700 people took part in the survey) held in February of 2021 and the secondary analysis of the content of multi-modal texts devoted to the phenomenon of self-isolation (2000 have been analyzed). The following results were obtained: 1) the population has an ambiguous attitude to the regime of self-isolation, realizing its necessity and at the same time underlining the problems and difficulties that it generates; 2) the Russians generally complied with the restrictions of the lockdown; 3) some of the respondents demonstrated a rather critical attitude towards the actions of the Russian authorities in the conditions of self-isolation and showed distrust in the official information.

[4]RSCI AuthorID: 286350, ScopusID: 6505693896

[5]RSCI AuthorID: 613208, ORCID: 0000-0002-6313-5637, ScopusID: 55782052700, ResearcherID: S-1014-2016

The main problems caused by the self-isolated regime are identified: strained relations within the family; psychological tension caused by the lack of money. Obviously, it is necessary to continue such research as long as the pandemic and the restrictions continue.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Social Research Expet Institute (EISI), project № 20-011-31693.

KEYWORDS: coronavirus pandemic, self-isolation regime, sociological survey, multimodal texts, attitude of people to lockdown, behavior of people, social and psychological problems, material wealth.

FOR CITATION: Vatoropin A.S., Latu M.N., Garaeva E.I. (2021). Attitude of the Russians to self-isolation regime caused by the COVID-19 pandemic, *Management Issues*, no. 3, pp. 62–79.

REFERENCES

1. Loginov D.M. (2020). Social well-being of the Russian population during the acute phase of the epidemiological crisis, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 6, pp. 470–487.

2. Sleptsov A.N., Potravnaya E.V. (2020). The effect of coronavirus pandemic on the life of the Arctic regions in population estimates, *Sociological studies*, no. 7, pp. 144–147. URL: http://socis.isras.ru/files/file/2020/7/sleptsov.pdf (accessed 20.03.2021).

3. Vatoropin A.S., Kostina N.B., Kalugina D.A., Cherkasova V.Yu., Garayeva E.I. (2020). Population of the Sverdlovsk region about coronavirus infection and its social consequences, *Management issues*, no. 3 (64), pp. 139–153.

4. Reshetnikov A.V., Prisyazhnaya N.V., Pavlov S.V., Vyatkina N.Yu. (2020). Pandemic perception of COVID-19 residents of Moscow, *Sociological studies*, no. 7, pp. 138–143.

5. Rasskazova E.I., Leontiev D.A., Lebedeva A.A. (2020). Pandemic as a subjective well-being challenge: anxiety and consultation, *Advisory psychology and psychotherapy*, vol. 28, no. 2, pp. 90–108.

6. Lukovtseva Z.V. (2020). Pandemic COVID-19 as a social stressor: Factors of psychological and psychiatric risk (based on materials of foreign studies), *Social psychology and society*, vol. 11, no. 4, pp. 13–25.

7. Malysheva G.A. (2020). Digital networks as a resource of social communication in the conditions of a pandemic. In: Proceedings of the Russian Scientific Conference "Digital Society – a new format of social reality: structures, processes and trends of development" – XIV Kovalevsky Readings (November 12–14, 2020). Saint Petersburg: Skifiya-print, pp. 418–419. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=8819 (accessed 20.03.2021).

8. Kulikov O.A. (2020). Coronavirus pandemic as a factor in the intensification of the development and implementation of digital technologies, *Izvestia of Saratov University. New series. Economics. Management. Law*, vol. 20, Issue 4, pp. 400–404. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-koronavirusa-kak-faktor-intensifikatsii-razvitiya-i-vnedreniya-tsifrovyh-tehnologiy/viewer (accessed 20.03.2021).

9. Basheva O.A., Ermolaeva P.O. (2020). The phenomenon of digital volunteer in emergency situations: essence, species, theoretical framework, *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 11, no. 1. C.47-69. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2020_32/Basheva,Ermolaeva_49-71.pdf (accessed 20.03.2021).

10. Mursiyanova I.V., Bryukhno A.S. (2020). Digital volunteer platforms: Russian readiness and application potential, *Public opinion monitoring: Economic and social changes*, no. 6, pp. 357–375. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-volonterskie-platformy-gotovnost-rossiyan-i-potentsial-primeneniya/viewer (accessed 20.03.2021).

11. Bagreeva E.G., Mantarova A.I. (2020). Criminological analysis and trends in crime in the period and after a pandemic in the Russian Federation and the Republic of Bulgaria, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, no. 3, pp. 93–104. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskiy-analiz-i-tendentsii-prestupnosti-v-period-i-posle-pandemii-v-rossiyskoy-federatsii-i-respublike-bolgarii (accessed 20.03.2021).

12. Vasilkova V.V., Legostaeva N.I. (2020). Social bots in computer propaganda: surfing on the coronavirus information wave, *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 6, pp. 329–356. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-boty-v-kompyuternoy-propagande-serfing-na-informatsionnoy-volne-koronavirusa (accessed 20.03.2021).

13. Sharpf M., Ertelet B.-Y. (2020). Consequences of the Pandemic COVID-19 for the development of the labor market. In: Proceedings of the XV International Scientific Conference "Modern society in conditions of socio-economic uncertainty – Sorokinsky Readings" (online). Sociological faculty of the Lomonosov Moscow State University. URL: https:

//lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6addd833044cc.pdf (accessed 20.03.2021).

14. Golasheva V.A., de Conti B. (2021). Preconditions for management impact on labor markets in case of COVID-19 negative externality: by the example of Russia and Brazil, *Management issues*, no. 1 (68), pp. 75–87. URL: https://journal-management.com/issue/2021/01/06 (accessed 20.03.2021).

15. Komleva V.V. (2021). Accessibility and quality of higher education under the COVID-19 pandemic: governmental efforts with an eye to the future, *Management issues*, no. 1 (68), pp. 144–155. URL: https://journal-management.com/issue/2021/01/11 (accessed 20.03.2021).

16. Vereshchagina A.V. (2020). Demographic challenges of the safety of Russian society in the conditions of a pandemic. In: Proceedings of the XV International Scientific Conference "Modern society in conditions of socio-economic uncertainty – Sorokinsky Readings" (online). Sociological faculty of the Lomonosov Moscow State University. URL: https://lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6addd833044cc.pdf (accessed 20.03.2021).

17. Osadchaya G.I., Vartanova M.L. (2021). Demographic security and trends in migration processes in the Eurasian Economic Union during the COVID-19 pandemic, *Management issues*, no. 1 (68), pp. 62–74. URL: https://journal-management.com/issue/2021/01/05 (accessed 20.03.2021).

18. Malysheva G.A. (2020). Socio-political aspects of a pandemic in digital networking society: Russian experience, *Bulletin of the Moscow State Regional University*, no. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-aspekty-pandemii-v-obschestve-tsifrovoy-setevizatsii-rossiyskiy-opyt/viewer (accessed 20.03.2021).

19. Makusheva M.O., Nestik T.A. (2020). Socio-psychological prerequisites and effects of confidence in social institutions in the conditions of a pandemic, *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 6, pp. 427–447. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-predposylki-i-effekty-doveriya-sotsialnym-institutam-v-usloviyah-pandemii/viewer (accessed 20.03.2021).

20. Sheremet A.N. (2020). Pandemic inequality. Socio-economic aspects and consequences of COVID 19, *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, no. 4, pp. 136–141. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-neravenstva-sotsialno-ekonomicheskie-aspekty-i-posledstviya-covid-19/viewer (accessed 20.03.2021).

21. Mzhelskaya A.S. (2020). Mechanisms of international legal regulation of interpersonal violence and gender inequality in the Pandemic period COVID-19, *Questions of Russian Justice*, no. 9, pp. 946–954. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-mezhdunarodno-pravovogo-regulirovaniya-mezhlichnostnogo-nasiliya-i-gendernogo-neravenstva-v-period-pandemii-covid-19/viewer (accessed 20.03.2021).

22. Novozhenina O.P., Grebnyak O.V., Afanasyev V.A. (2020). Digital inequality in pandemic conditions. In: Proceedings of the Second December socio-political readings "How do you live, Russia?". Russian Social State and Civil Society in 2020: the implementation of national projects in the conditions of postpandemic reality (Moscow, December 10, 2020). Moscow: FNISC RAS, pp. 63–71. URL: http://xn--h1aauh.xn--p1ai/product/%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-2/ (accessed 20.03.2021).

23. Osipova N.G. (2020). Russian society after a pandemic: a look into the future. In: Proceedings of the XV International Scientific Conference "Modern society in conditions of socio-economic uncertainty – Sorokinsky Readings" (online). Sociological faculty of the Lomonosov Moscow State University. URL: https://lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6addd833044cc.pdf (accessed 20.03.2021).

24. Velikaya N.M., Saccà F., Irsetskaya E.A. (2021). Coronavirus pandemic in the modern Russian public discourse: threats, challenges and opportunities, *Management issues*, no. 1 (68), pp. 8–22. URL: https://journal-management.com/issue/2021/01/01 (accessed 20.03.2021).

25. Talakvadze G. (2020). Social, economic and ideological consequences of the Pandemic COVID-19, *Sciences of europe*, no. 60. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-ekonomicheskie-i-mirovozzrencheskie-posledstviya-pandemii-covid-19/viewer (accessed 20.03.2021).

26. Schwab K., Mallere T. (2020). COVID-19: Great reboot. URL: https://www.litlib.net/bk/135579/read (accessed 20.03.2021).

27. Pandemic sociology. Project by CoronaPHOM. Moscow: Institute of Fund Public Opinion. 2021. 319Zp. URL: https://media.fom.ru/fom-static/.pdf (accessed 20.03.2021).

28. Letu M.N. (2021). Thematic stratification of static polycodic texts dedicated to self-insulation, *Questions of cognitive linguistics*, no. 1, pp. 26–38.

AUTHORS' INFORMATION:

Alexander S. Vatoropin – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); alexandr.vatoropin@ui.ranepa.ru.

Maksim N. Latu – Ph.D. of Philological Sciences; Pyatigorsk State University (9, Kalinin Av., Pyatigorsk, Stavropol Region, 357532, Russia); laatuu@yandex.ru.

Elnara I. Garaeva – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); garaeva-ei@ranepa.ru.

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-80-92 ВАК: 08.00.05

УРОВЕНЬ, ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ БЕДНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Е.Я. Пастухова[1a], **А.В. Мухачёва**[2b], **О.П. Кочнева**[3c]

[a]Кемеровский государственный университет
[b]Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
[c]Кузбасский региональный институт развития профессионального образования

АННОТАЦИЯ:
Существенные различия между российскими регионами по масштабам, профилю бедности являются препятствием в достижении национальной цели по сокращению уровня бедности в два раза к 2030 г. В субъектах Сибирского федерального округа на протяжении длительного времени доля бедного населения была и остается выше, чем в среднем по России. Это обуславливает научную и практическую значимость анализа динамики масштабов бедности и их взаимосвязи с демографическими, социально-экономическими факторами, оказывающими значимое влияние на изменения численности абсолютно или относительно бедного населения.

Абсолютный и относительный подходы являются теоретико-методологической основой исследования. На основе данных подходов проанализированы уровень, динамика бедности, выявлены демографические, социально-экономические факторы, определяющие профиль бедности. Информационная база исследования – данные региональной статистики по территориям Сибирского федерального округа. Использованы методы сравнительного анализа, динамического анализа, ранговые корреляции Спирмена.

Выявлена различная динамика абсолютной и относительной бедности в периоды кризиса и восстановительного роста. Выделены регионы с устойчиво высокими масштабами абсолютной бедности (республика Тыва, республика Алтай), территории со средними и достаточно низкими показателями численности малоимущих граждан. В условиях кризиса 2014–2016 годов увеличилась доля абсолютно бедных. В этот же период удельный вес относительно бедных немного снизился по причине сокращения внутрирегионального неравенства по доходам. Абсолютная бедность определяется демографическими факторами («нагрузка детьми»), повышенной долей сельских жителей в регионе, низким уровнем среднедушевых доходов, достаточно высоким уровнем общей безработицы. Рост среднедушевых денежных доходов населения, скорректированных на региональный прожиточный минимум, работает на снижение численности малоимущих.

Использование в качестве критерия относительной бедности денежного дохода менее 60 % медианного дохода меняет демографический и региональный профиль бедности. При использовании данного критерия сокращается бедность в территориях с высокой детской нагрузкой. Но повышается риск относительной бедности пенсионеров. Определены факторы роста уровня относительной бедности: позитивная динамика уровня занятости, рост среднедушевого денежного дохода населения, скорректированного на величину прожиточного минимума. Результаты исследования применимы при разработке социальной политики, направленной на снижение уровня бедности в наиболее уязвимых социальных и демографических группах населения.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Международного научного фонда экономических исследований академика Н. П. Федоренко на тему: «Особенности региональной бедности: масштабы, характеристики, факторы влияния, перспективы снижения (на примере сибирских регионов)».

[1]AuthorID РИНЦ: 405114, ORCID: 0000-0001-5518-1783
[2]AuthorID РИНЦ: 680524, ORCID: 0000-0002-3720-4969
[3]AuthorID РИНЦ: 614574, ORCID: 0000-0002-2796-9669

© Пастухова Е.Я., Мухачёва А.В., Кочнева О.П., 2021

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: абсолютная бедность, относительная бедность, демографические факторы, денежные доходы, прожиточный минимум, уровень общей безработицы, уровень занятости, регионы Сибири.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пастухова Е.Я., Мухачёва А.В., Кочнева О.П. (2021). Уровень, динамика, факторы абсолютной и относительной бедности: региональный аспект // Вопросы управления. № 3. С. 80–92.

Введение и постановка проблемы

Бедность населения российских регионов является одной из наиболее приоритетных проблем социально-экономического развития. Снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г. заявлено в Указе «О национальных целях развития России до 2030 года»[4]. В соответствии с этим, уровень бедности нужно снизить с 12,9 % до 6,5 %. Однако возможность реализации данной цели во всех регионах РФ вызывает сомнения у специалистов [1, с. 64]. Препятствиями на пути достижения поставленной цели являются существенные межрегиональные различия по масштабам (уровню) бедности, уровню экономического развития, величине номинальных и реальных доходов населения, уровню занятости, безработицы, инвестиционному климату, демографическому составу населения и др.

Изучение данной темы на примере субъектов Сибирского федерального округа (СФО) обусловлено следующими причинами. На протяжении длительного периода масштабы бедности в регионах СФО были выше среднего значения по России. В 2008 г. среднероссийский уровень бедности составил 13,1 %; региональные различия по этому показателю в субъектах СФО – 13,9–31,6 %. В 2013 г. в среднем по стране – 10,8 %; в сибирских территориях – 12,1–33,4 %. В 2019 г. уровень бедности в среднем по РФ – 12,3 %; в регионах СФО – 13,9–34,7 %. В 2020 г. влияние коронавирусного кризиса на экономику, социальную политику в регионах было различным. Сильнее всего пострадали крупные города с хорошо развитой сервисной экономикой. Из-за снижения платежеспособного спроса населения многие малые и средние организации, предоставляющие услуги, были вынуждены сократить или перевести в режим неполной занятости часть своих работников. Промышленный спад был более сильным в регионах, занятых добычей угля, нефти и газа (Кемеровская область, Томская область, Красноярский край) из-за снижения внутреннего и глобального спроса на углеводороды. В 2020 г. уровень зарегистрированной безработицы сильнее всего увеличился в индустриальных (Томская, Кемеровская и Омская области) и слаборазвитых сибирских территориях (Республики Тыва и Горный Алтай).

Произошедшие изменения негативно повлияли на реальные доходы населения, структуру потребления, развитие сервисных отраслей экономики, показатели занятости, увеличились масштабы неполной занятости и уровень зарегистрированной безработицы. Следствием данных социально-экономических процессов является снижение уровня жизни населения большинства сибирских субъектов. Данные Росстата за 2020 г. об уровне бедности в разрезе российских регионов будут доступны только в середине 2021 г. Но по территориям СФО можно ожидать более высокие масштабы бедности по сравнению с аналогичным показателем в среднем по России. Это обуславливает научную и практическую значимость анализа динамики масштабов бедности на региональном уровне с целью определения демографических, социально-экономических факторов, работающих на рост и снижение численности абсолютно и относительно бедного населения в различные периоды экономического развития.

Обзор литературы

В социально-экономической литературе, посвященной изучаемой проблеме, выделяют три основных подхода к определению и измерению уровня бедности: абсолютный, относительный и субъективный. Абсолютный критерий бедности – это невозможность удо-

[4]О национальных целях развития России на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21.07.2020. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/63728.

влетворять базовые потребности человека в питании, одежде, жилье и тепле [2, с. 17]. Абсолютный подход основан на сопоставлении доходов людей, домохозяйств с официально установленной чертой бедности. В России в качестве абсолютной черты бедности используется прожиточный минимум.

Начиная с 50-х гг. XX века, в развитых странах традиционное понятие «абсолютная бедность» уступило место «относительной бедности». В соответствии с относительным критерием, бедность – это не просто нехватка средств на обеспечение базовых потребностей, а невозможность следовать распространенному образу жизни» [3, с. 229]. Бедность рассматривалась как социально-экономическое неравенство, как неспособность следовать средним стандартам потребления [4].

Субъективная бедность – это самооценка индивидом уровня низких или недостаточных доходов. Субъективная бедность характеризует материальное положение индивида или семьи по их собственным оценкам. Данный подход предусматривает, что люди в ходе опросов общественного мнения сами указывают уровень дохода, который позволил бы им вести приемлемый уровень жизни [5, с. 136].

Российские ученые стали исследовать проблему бедности, начиная с 90-х годов XX века. Отечественные экономисты, социологи на протяжении длительного времени подробно рассматривали различные виды бедности, причины ее возникновения, особенности воспроизводства. Существенный вклад в изучение проблемы российской бедности внесли В. Н. Бобков [6], Л. А. Гордон [7], Л. Н. Овчарова, [8], И. И. Корчагина и Л. М. Прокофьева [9], Н. Е. Тихонова [10]. Различные подходы, в том числе и многомерные, к исследованию, конструированию, сопоставлению методов измерения бедности, ее основных характеристик представлены в публикациях И. И. Елисеевой и Ю. В. Раскиной [11], Т. С. Карабчук, Т. Р. Пашиновой и Н. Э. Соболевой [12], Н. В. Зубаревич и С. Г. Сафронова [13], П. Н. Павлова [14] Е. Д. Слободенюк и В. А. Аникиной [15].

При оценке масштабов распространения бедности исследователи уделяют внимание следующим факторам: регион проживания [16], наличие в семье несовершеннолетних детей [17], наличие в домохозяйстве пожилых людей [18], повышенная доля в регионе сельских жителей [19], состояние здоровья населения [20], гендерная принадлежность [21]. Оценка взаимосвязи уровня бедности и различных факторов влияния позволяет выделять группы населения, типы домохозяйств, имеющие наиболее высокий риск попадания в число малоимущих.

На фоне значительного числа публикаций, посвященных проблеме бедности по России в целом, региональные исследования относительно немногочисленны. Проблемы бедности для городов с различной численностью населения (на примере Санкт-Петербурга и Вязников) изучались Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН [22]. Л. А. Мигранова с коллегами рассматривали адресную социальную помощь как инструмент снижения уровня бедности в Татарстане [23]. На основе опросов общественного мнения Е. Е. Гришина анализировала материальное положение и уровень социальной поддержки бедных семей с детьми в Ульяновской области [24]. Бедность как тормоз в развитии человеческого капитала населения Сибири исследовалась учеными Института экономики и организации промышленного производства СО РАН [25]. Е. А. Фролова, В. А. Маланина, Ф. Касати, А. А. Шавлохова изучали масштабы и причины бедности пенсионеров в различных российских регионах. На основе проведенного исследования они делают вывод о том, что больше всего малоимущих пенсионеров проживают в Северо-Кавказском, Сибирском и Дальневосточном округах [26, с. 144].

Региональные проблемы российской бедности изучались преимущественно на основе абсолютного или субъективного подхода к оценке нуждаемости. В данном исследовании анализ уровня, динамики, демографических, социально-экономических факторов роста (или сокращения) бедности основан на использовании абсолютного и относительного критерия бедности. Понимание региональных особенностей формирования российской бедности позволяет разрабатывать и реализовывать более адекватные меры по ее снижению на соответствующей территории.

Материалы и методы исследования

Для анализа динамики уровня бедности, оценки взаимосвязи бедности и демографических, социально-экономических факторов были использованы абсолютный и относительный подходы. Официально масштабы бедности в России оцениваются с позиций абсолютного подхода. То есть к числу бедных относят население со среднедушевыми доходами ниже величины регионального прожиточного минимума. В социальной политике развитых стран используется относительный подход, в соответствии с которым бедные – это люди со среднедушевыми денежными доходами ниже 50 % или 60 % медианного дохода (черта бедности, принятая в международных сопоставлениях).

Информационной основой исследования стали данные региональной статистики Росстата за 2008–2019 гг. (динамика абсолютной бедности) и за 2013–2019 гг. (динамика относительной бедности). Соответствующие статистические данные представлены на сайте Федеральной службы государственной статистики в разделах «Неравенство и бедность»[5], «Регионы России. Социально-экономические показатели»[6], «Демография»[7]. Оценка взаимосвязи масштабов бедности и социально-экономических факторов была основана на следующих статистических показателях: среднедушевой денежный доход, скорректированный на величину регионального прожиточного минимума (ПМ); уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет; уровень общей безработицы по методологии Международной организации труда; коэффициент фондов; инвестиции в основной капитал на душу населения в регионе, скорректированные на аналогичный показатель в среднем по России. Оценка влияния демографических факторов на масштабы бедности включала долю населения младше и старше трудоспособного возраста, удельный вес сельских жителей в общей численности населения региона. В работе применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение, сопоставление) и статистические методы (динамический и корреляционный анализ). Для расчета рангового коэффициента корреляции Спирмена был использован пакет прикладных программ *IBM SPSS Statistics Base*.

Результаты исследования и их обсуждение

Динамика масштабов бедности в российских субъектах существенно изменялась под влиянием экономических кризисов, уровня занятости и безработицы, особенностей проводимой политики перераспределения доходов федерального бюджета между регионами с различным уровнем экономического развития. В соответствии с типологией регионов по уровню экономического развития, предложенной Н. В. Зубаревич [27, с. 32–33], к относительно благополучным территориям в составе Сибирского федерального округа относятся Красноярский край, Иркутская и Томская области. Субъекты со средним уровнем развития, так называемая «середина», это Новосибирская, Кемеровская, Омская области, республика Хакасия, Алтайский край (за последние десять лет этот регион балансировал на среднем или достаточно низком уровне экономического развития). Слаборазвитые регионы (аутсайдеры) – это республики Тыва и Алтай с максимальным уровнем абсолютной бедности.

За период 2010–2019 гг. доля Сибирского федерального округа в наиболее значимых общероссийских показателях, характеризующих социально-экономическое развитие, сокращалась. Доля населения СФО снизилась с 13,5 % в 2010 г. до 11,7 % в 2019 г. от общей численности населения России. Совокупный валовый региональный продукт территорий СФО сократился с 9,2 % до 8,0 % по отношению к валовому внутреннему продукту страны в текущих ценах за соответствующий год. Доля СФО в общероссийских инвестициях в основной капитал опустилась с 11,6 % до 9,9 %. В 2019 г. среднедушевые денежные доходы (СДД) сибиряков составили 77,1 % от уровня СДД

[5] Федеральная служба государственной статистики. Неравенство и бедность. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13723?print=1.

[6] Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204.

[7] Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781.

Таблица 1 – Уровень абсолютной бедности в регионах Сибирского федерального округа, %
Table 1 – The level of absolute poverty in the regions of the Siberian Federal District, %

Регионы СФО	Год										
	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Республика Алтай	26,5	17,7	18,6	18,5	21,0	20,9	24,3	25,6	25,4	24,0	24,2
Республика Тыва	31,6	29,6	30,6	27,9	33,0	35,2	38,3	37,8	35,8	34,4	34,7
Республика Хакасия	17,4	18,4	18,6	16,3	17,8	18,2	17,7	19,1	18,8	18,5	18,9
Алтайский край	19,6	23,9	22,6	20,6	17,6	17,1	17,9	17,8	17,5	17,4	17,6
Красноярский край	16,6	17,9	18,1	15,6	15,6	17,0	18,9	18,4	17,6	17,1	17,5
Иркутская область	17,3	18,1	19,1	16,8	17,0	18,8	20,1	20,4	18,0	17,7	17,6
Кемеровская область	9,9	11,0	11,6	10,6	13,9	14,1	15,8	15,9	14,9	13,9	14,0
Новосибирская область	17,2	16,3	16,5	14,1	14,4	15,2	18,3	16,1	15,1	14,1	14,2
Омская область	13,9	14,1	12,7	11,0	12,5	12,4	13,9	14,7	14,2	13,6	13,9
Томская область	14,6	17,4	17,8	16,2	13,0	13,0	17,2	15,0	14,8	14,7	14,8
В среднем по РФ	13,1	12,5	12,7	10,7	10,8	11,3	13,4	13,2	12,9	12,6	12,3

в среднем по РФ, потребительские расходы на душу населения – 74,6 % от среднего значения по стране. Все это свидетельствует об отставании регионов Сибирского федерального округа в социально-экономическом развитии.

За последние двенадцать лет наиболее существенно масштабы абсолютной бедности снижались в большинстве регионах России, в том числе в СФО в 2008–2012 гг. Но в период кризиса 2014–2016 гг. численность малоимущих вновь стала увеличиваться. Достаточно интенсивно росла численность абсолютно бедных в регионах с низким и средним уровнем экономического развития. В период восстановительного роста (2017–2019 гг.) отмечалось небольшое снижение масштабов абсолютной бедности. Соответствующие данные представлены в таблице 1.

Среди регионов СФО максимальный уровень абсолютной бедности зафиксирован в национальных республиках Тыва и Алтай, которые характеризуются низкими показателями доходов населения и низким уровнем среднедушевого валового регионального продукта (ВРП). В относительно благополучных сибирских субъектах (Красноярский край, Томская область) масштабы бедности достаточно низкие по сравнению с другими территориями СФО. Причина невысокого уровня абсолютной бедности в Омской и Кемеровской области – это заниженный региональный прожиточный минимум (ПМ). Местные власти могут искусственно занижать черту абсолютной бедности, тем самым статистически сокращая численность малоимущих граждан. В Кузбассе длительное время величина прожиточного минимума составляла 82 %–90 % от аналогичного показателя в среднем по России. В Омской области величина регионального ПМ равна 85–88 % от аналогичного среднероссийского показателя. В целом в 2013–2016 гг. статистический рост масштабов абсолютной бедности был невысокий, так как прожиточный минимум (официальная черта бедности) демонстрировал более медленный рост по сравнению с индексом потребительских цен.

Оценка масштабов относительной бедности отражает долю населения со среднедушевыми доходами ниже 60 % медианного дохода (табл. 2).

Между уровнем абсолютной и относительно бедности выявлена умеренно значимая отрицательная корреляционная связь. То есть с ростом числа малоимущих снижается доля относительно бедных. На протяжении 2014–2017 гг. парный коэффициент корреляции Спирмена между абсолютной и относительной бедностью менялся незначительно и имел отрицательное значение – 0,551. В 2018–2019 гг. взаимосвязь этих двух показателей была отрицательной и достаточно низкой – 0,349.

Уровни абсолютной и относительной бедности в сибирских субъектах заметно различаются по отношению наибольшего регионального значения за определенный год к наименьшему. В течение исследуемого периода различия в уровне абсолютной бедности по регионам СФО составили 2,52–2,84 раза [28, с. 505]. По уровню относительной бедности соответствующие различия за анализируемые годы – 1,13–1,19 раз.

Таблица 2 – Уровень относительной бедности в регионах Сибирского федерального округа, %
Table 2 – The level of relative poverty in the regions of the Siberian Federal District, %

Регионы СФО	Год						
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Республика Алтай	22,2	22,2	21,2	21,4	21,9	22,6	22,4
Республика Тыва	23,1	22,9	22,7	21,1	21,2	20,8	20,7
Республика Хакасия	22,6	21,6	20,9	21,2	21,5	21,4	20,4
Алтайский край	23,0	23,1	22,8	22,9	23,0	23,1	22,9
Красноярский край	25,6	24,8	24,4	24,3	24,0	24,0	23,8
Иркутская область	24,5	23,1	22,6	22,7	22,6	22,3	22,1
Кемеровская область	23,9	22,9	22,5	21,7	21,4	21,6	21,2
Новосибирская область	25,1	23,6	23,1	23,4	22,9	23,1	23,0
Омская область	25,2	25,3	24,8	24,5	23,8	23,5	23,3
Томская область	24,1	23,4	22,5	21,8	22,0	22,1	22,0
В среднем по РФ	25,5	25,3	25,2	25,2	25,1	25,2	25,1

В большинстве субъектов Сибирского федерального округа (за исключением республик Тыва и Алтай) масштабы относительной бедности выше абсолютных. В Тыве, Горном Алтае величина прожиточного минимума выше, чем доля в 60 % от медианного регионального среднедушевого дохода. Это работает на более высокую численность малоимущих по сравнению с относительной бедностью. В республиках Тыва, Алтай в общей структуре доходов населения социальные выплаты (пенсии, детские пособия) занимали 28–36 % при аналогичных значениях в среднем по России 17–19 %. Соотношение среднедушевого денежного дохода в Тыве и аналогичного среднероссийского показателя составляло в разные годы 47–51 %, в республике Алтай – 57–59 %. Более низкий уровень среднедушевых доходов формирует и более низкие масштабы относительной бедности в этих национальных республиках.

Уровень относительной бедности увеличивается с ростом среднедушевых денежных доходов населения, с ростом показателей, характеризующих внутрирегиональное доходное неравенство. Это актуально для регионов с относительно высоким и средним уровнем экономического развития. В период 2013–2019 гг. в Красноярском крае, Новосибирской и Омской областях были зафиксированы более высокие масштабы относительной бедности по сравнению с другими территориями Сибирского федерального округа. Вышеназванные сибирские субъекты характеризуются достаточно высокими показателями среднедушевых денежных доходов и уровнем доходного неравенства. В 2019 г. соотношение среднедушевого денежного дохода и регионального прожиточного минимума в Омской области составило 2,72 раза, в Новосибирской области – 2,69, в Красноярском крае – 2,54 раза. В 2019 г. аналогичные показатели в республике Тыве (сибирский регион с самым высоким уровнем абсолютной бедности) – 1,57, в Горном Алтае – 2,00.

Демографические и социально-экономические факторы бедности

Региональные различия в уровне абсолютной и относительной бедности обусловлены многими факторами. Оценка взаимосвязи демографических факторов и масштабов абсолютной, относительной бедности в различные периоды экономического развития (кризисный период, восстановительный рост) представлена в таблице 3.

Начиная только с 2013 г., на сайте Федеральной службы государственной статистики, представлены данные о масштабах относительной бедности (доля населения с доходами ниже 60 % медианного уровня). Поэтому в таблицах 3 и 4 по относительному критерию отсутствуют коэффициенты ранговой корреляции Спирмена за 2008–2009 гг.

Самые значимые демографические факторы абсолютной бедности – это повышенный удельный вес детей в общей численности населения региона (нагрузка детьми) и более высокая доля сельских жителей в соответствующем субъекте по сравнению со средним значением в России. Фактор «нагрузка детьми» наиболее актуален для республик Тыва и Алтай.

Таблица 3 – Взаимосвязь уровня бедности и демографических, поселенческих факторов в регионах Сибирского федерального округа

Table 3 – The relationship between the level of poverty and demographic, settlement factors in the regions of the Siberian Federal District

Показатели, характеризующие демографические, поселенческие факторы		Уровень абсолютной бедности			Уровень относительной бедности	
		2008–2009	2014–2015	2018–2019	2014–2015	2018–2019
Доля населения младше трудоспособного возраста	Ранговая корреляция Спирмена	0,588	0,819	0,747	– 0,617	– 0,396
	Уровень значимости	0,006	0,000	0,000	0,004	0,084
Доля населения старше трудоспособного возраста	Ранговая корреляция Спирмена	– 0,482	– 0,537	– 0,710	0,209	0,411
	Уровень значимости	0,032	0,015	0,000	0,377	0,034
Доля сельского населения в численности населения региона	Ранговая корреляция Спирмена	0,783	0,506	0,747	– 0,375	– 0,196
	Уровень значимости	0,000	0,023	0,000	0,103	0,406

Примечание: N = 20. Расчеты сделаны авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

В 2019 г. доля детей в общей численности населения Тывы составляла 34,2 %, в республике Алтай – 27,8 %. Аналогичный показатель в среднем по России – 18,7 %, в среднем по СФО – 20,2 %. Среди сибирских регионов более высокая доля сельских жителей проживает в республиках Алтай, Тыва и Хакасия, в Алтайском крае.

Материнский капитал как способ стимулирования рождаемости оказался наиболее действенным в сельской местности, малых городах, слаборазвитых регионах с низким уровнем среднедушевого денежного дохода. Рождение второго и последующих детей существенно увеличивает риск попадания семьи в число бедных. Люди, проживающие в сельской местности в силу особенностей занятости, имеют более низкий уровень доходов и чаще попадают в число малоимущих. В Сибирском федеральном округе повышенная доля сельских жителей по сравнению со средним значением в РФ фиксируется в республиках Алтай и Тыва (70,7 % и 45,7 %, соответственно), в Алтайском крае (43,1 %), в республике Хакасия (30,2 %). В 2019 г. доля сельских жителей в среднем по России составила 25,3 %.

Отрицательная связь уровня абсолютной бедности и доли пожилого населения объясняется тем, что для неработающих пенсионеров, у которых размер пенсии ниже прожиточного минимума пенсионера, установлена федеральная или региональная социальная доплата до величины регионального ПМ. Формально (без учета состава домохозяйств) все пенсионеры по старости не попадают в число абсолютно бедных.

При переходе к относительной бедности ее демографический профиль меняется. Риск пенсионеров стать относительно бедными увеличился в 2016–2019 гг. по сравнению с 2014–2015 гг. Соответствующий положительный коэффициент корреляции по пенсионерам в 2016–2017 гг. составил 0,416, в 2018–2019 гг. – 0,411.

Между масштабами относительной бедности и фактором «доля детей в численности населения региона» прослеживается отрицательная умеренная или отрицательная слабая связь. В регионах с высокой долей детей в общей численности населения региона черта абсолютной бедности оказалась выше, чем доля в 60 % от медианного дохода.

Следующая группа факторов, которые влияют на масштабы абсолютной и относительной бедности, это социально-экономические. Оценка взаимосвязи данных факторов и уровня бедности представлена в таблице 4.

Самое существенное и устойчивое влияние на абсолютную и относительную бедность отказывают среднедушевые денежные доходы населения, скорректированные на величину регионального прожиточного минимума. С ростом доходов населения по отношению к прожиточному минимуму численность малоимущих снижается, уровень относительной бедности увеличивается. Умеренное отрица-

Таблица 4 – Взаимосвязь уровня бедности и социально-экономических факторов в регионах Сибирского федерального округа

Table 4 – The relationship between the poverty level and socio-economic factors in the regions of the Siberian Federal District

Показатели, характеризующие демографические, поселенческие факторы		**Уровень абсолютной бедности**			**Уровень относительной бедности**	
		2008–2009	2014–2015	2018–2019	2014–2015	2018–2019
Уровень общей безработицы	Ранговая корреляция Спирмена	0,707	0,566	0,393	– 0,384	– 0,244
	Уровень значимости	0,000	0,009	0,087	0,094	0,299
Уровень занятости населения	Ранговая корреляция Спирмена	– 0,663	– 0,489	– 0,671	0,616	0,645
	Уровень значимости	0,001	0,029	0,001	0,004	0,002
Среднедушевой денежный доход, скорректированный на величину ПМ	Ранговая корреляция Спирмена	– 0,893	– 0,936	– 0,902	0,737	0,601
	Уровень значимости	0,000	0,000	0,000	0,000	0,005
Коэффициент фондов	Ранговая корреляция Спирмена	– 0,541	– 0,492	– 0,498	0,937	0,950
	Уровень значимости	0,014	0,027	0,023	0,000	0,000
Инвестиции в основной капитал на душу населения в регионе, скорректированные к среднему значению по РФ	Ранговая корреляция Спирмена	– 0,552	– 0,178	– 0,322	0,136	0,250
	Уровень значимости	0,012	0,495	0,166	0,566	0,288

Примечание: N = 20. Расчеты сделаны авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

тельное воздействие на абсолютную бедность оказывает внутрирегиональное неравенство, измеряемое коэффициентом фондов.

В 2019 г. коэффициент фондов по территориям СФО составил 9,3–13,0, в среднем по РФ – 15,4. Среди сибирских территорий относительно высокий коэффициент фондов в Красноярском крае (13,2), Новосибирской (12,1) и Омской областях (12,4), где выше среднедушевые денежные доходы, скорректированные на величину ПМ. В 2019 г. самый низкий уровень внутрирегионального доходного неравенства среди субъектов СФО был в республиках Тыва (9,7) и Хакасия (10,3), в Кемеровской области (10,4) Между уровнем абсолютной бедности и коэффициентом фондов выявлена отрицательная корреляционная связь. В периоды экономических кризисов численность малоимущих граждан повышается, доходное неравенство сокращается, масштабы относительной бедности снижаются.

В 2008–2015 гг. устойчиво на рост масштабов абсолютной бедности работал фактор «уровень общей безработицы», рассчитываемый по методологии Международной организации труда. В эти годы в республиках Тыва и Алтай, Алтайском крае, Иркутской, Томской областях уровень безработицы был выше аналогичного показателя в среднем по СФО. Начиная с 2017 г., общая безработица стала снижаться в целом по России, в регионах Сибирского федерального округа. В 2018–2019 гг. влияние безработицы на абсолютную бедность оказалось достаточно слабым.

Факторы, работающие на снижение численности абсолютно бедных, это рост среднедушевых доходов населения, положительная динамика уровня занятости и среднедушевого объема инвестиций в основной капитал. Рост этих показателей усиливает внутрирегиональное неравенство, так как инвестиции, уровень занятости, доходы населения имеют более значимую позитивную динамику в относительно развитых сибирских территориях (Красноярский край, Иркутская и Томская области).

Расчеты парной корреляции по регионам Сибирского федерального округа показывают, что в 2014–2019 гг. главным социально-экономическим фактором относительной бедности был среднедушевой денежный доход, скорректированный на величину прожиточного минимума. С ростом доходов населения усиливалось внутрирегиональное нера-

венство, измеряемое коэффициентом фондов. Значимым фактором роста относительной бедности также является уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет. Фактор инвестиции в основной капитал на душу населения, скорректированные на аналогичный среднероссийский показатель, оказался малозначимым по причине низкого уровня инвестиций. Только в двух регионах СФО (Красноярский край, Иркутская область) объем инвестиций на душу населения был несколько выше среднего значения по РФ. Уровень инвестиций в большинстве других сибирских территориях составлял 27–58 % от среднедушевого объема инвестиций в среднем по РФ.

Таким образом, уровень абсолютной бедности в регионах Сибирского федерального округа определяется следующими факторами: повышенная доля детей в общей численности населения региона, повышенная доля сельских жителей по сравнению со среднероссийскими значениями, достаточно высокий уровень общей безработицы по методологии МОТ. Рост среднедушевых денежных доходов населения, скорректированных на величину регионального ПМ, работает на снижение численности малоимущих. Влияние данных факторов достаточно устойчиво, за исключением уровня общей безработицы в 2018–2019 гг.

Использование критерия относительной бедности меняет ее демографический и региональный профиль. Фактор «нагрузка детьми» негативно коррелирует с относительной бедностью. Поэтому в регионах с высокой долей детского населения (республики Тыва и Алтай) масштабы относительной бедности более низкие, чем доля малоимущих граждан. Однако риски относительной бедности увеличиваются для пожилого населения Алтайского края (26,8 % – доля пожилых), Кемеровской (25,2 %), Омской областей (24,8 %) и Хакасии (23,9 %), в которых достаточно высокая доля лиц старше трудоспособного возраста. Уровень относительной бедности увеличивается в достаточно благополучные периоды экономического развития, когда повышается уровень занятости, растет среднедушевой денежный доход населения, скорректированный на величину ПМ. В этих условиях усиливается внутрирегиональное неравенство и, как следствие, растет доля людей с доходами менее 60 % медианного дохода. Среди регионов СФО более высокий уровень относительной бедности в Красноярском крае, Новосибирской и Омской областях.

Заключение

Региональные особенности бедности, измеряемой на основе абсолютного и относительного подходов, достаточны существенны. Между уровнем абсолютной и относительной бедности выявлена умеренно значимая отрицательная корреляционная связь. То есть с ростом абсолютной бедности снижается доля относительно бедных со среднедушевыми денежными доходами ниже 60 % медианного регионального дохода.

Динамика абсолютной и относительной бедности во многом различна. До 2013 г. абсолютная бедность в регионах Сибирского федерального округа достаточно активно снижалась. В период кризиса 2014–2016 гг. численность малоимущих граждан стала возрастать. В 2017–2019 гг. наметилась тенденция к снижению доли людей с доходами ниже величины регионального прожиточного минимума. Значимая причина снижения численности малоимущих в период восстановительного роста – это более медленный рост величины прожиточного минимума по сравнению с индексом потребительских цен. В течение последних пятнадцати лет устойчиво самые высокие масштабы абсолютной бедности фиксировались в двух сибирских субъектах, в национальных республиках Тыва и Горный Алтай.

В Сибирском федеральном округе за период 2013–2019 гг. более высокий уровень относительной бедности был в 2013 г. В последующие годы относительная бедность несколько сократилась по причине снижения реальных доходов населения, ослабления внутрирегионального доходного неравенства, измеряемого коэффициентом фондов. При использовании относительного критерия снижается бедность в регионах с высокой долей детей в общей численности населения («нагрузка детьми»), но повышаются риски бедности для пенсионеров. Значимый социально-экономический фактор роста относительной бедности и снижение абсолютной – это увеличение уровня занятости населения. Пози-

тивная динамика уровня занятости определяется ростом среднедушевого объема инвестиций в основной капитал. Более устойчивая связь уровня занятости и показателя инвестиций в достаточно благополучных в экономическом плане регионах СФО: Красноярский край и Иркутская область.

Дальнейшие перспективы изучения данной темы будут связаны с выявлением общих и специфических черт в региональном профиле абсолютной и относительной бедности в территориях с различным уровнем экономического развития. В группу аутсайдеров попадают республики Тыва, Алтай и Алтайский край, «середина» по уровню экономического развития – это республика Хакасия, Кемеровская, Омская и Новосибирская области. Относительно развитые в экономическом плане сибирские субъекты – Красноярский край, Иркутская и Томская области. Для определения нелинейной связи уровня экономического развития и регионального профиля бедности будет использован кластерный, факторный и корреляционно-регрессионный анализ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зубаревич Н.В. (2019). Бедность в российских регионах 2000-2017: факторы и динамики // Население и экономика. № 3 (1). С. 63–74.

2. Овчарова Л.Н. (2012) Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. № 16. С. 15–38.

3. Ярошенко С. (2010). Новая бедность в России после социализма // Laboratorium. Журнал социальных исследований. № 2. С. 221–251.

4. Zelinsky T. (2010). Analysis of Poverty in Slovakia based on the Concept of Relative Deprivation, *Politicka ekonomie*, no. 4 (58), pp. 542–565.

5. Кошарная Г.Б., Каримова Л.Ф. (2013). Основные подходы к измерению уровню бедности в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 4 (28). С. 132–139.

6. Бобков В.Н. (2019). Бедность, уровень и качество жизни: методология анализа, механизмы реализации // Уровень жизни населения регионов России. № 1. С. 7.

7. Гордон Л.А. (2001). Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–21.

8. Ovcharova L., Biryukova S. (2018). Poverty and the Poor in Post-Soviet Russia 2018. Poverty, Politics and the Poverty of Politics. BR Publishing Co. Ch. 6, pp. 151–175.

9. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. (2019). Материальные депривации в оценках бедности // Народонаселение. № 2. С. 51–63.

10. Тихонова Н.Е. (2014). Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. № 1 (357). С. 7–19.

11. Елисеева И.И., Раскина Ю.В. (2017). Измерение бедности в России: возможности и ограничения // Вопросы статистики. № 8. С. 70–89.

12. Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. (2013). Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ? // Мир России. Социология. Этнология. Т. 22. № 1. С. 155–175.

13. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2019). Люди и деньги: доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов в 2000-2017 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 3–17.

14. Павлов П.Н. (2020). Влияние регуляторной жесткости нормативно-правовой базы на динамику бедности в регионах России // Вопросы экономики. № 12. С. 62–79.

15. Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. (2018). Где пролегает «черта бедности» в России? // Вопросы экономики. № 1. С. 104–127.

16. Зубаревич Н.В. (2019). Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. № 4. С. 57–70.

17. Елизаров В.В., Синица А.Л. (2019). Факторы бедности семей детьми и перспективы её снижения // Уровень жизни населения регионов России. № 2 (212). С. 63–75.

18. Фролова Е.А., Кашапова Э.Р., Клемашева Е.И., Маланина В.А. (2019). Сравнительный анализ социально-демографических характеристик пожилых людей в России // Векторы благополучия: экономика и социум. № 2 (33). С. 36–45.

19. Pastukhova E.Ya., Morozova E.A. (2019). Poverty and problems of nutrition in the Russian regions, *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences* (EpSBS), vol. LIX, pp. 827–835.

20. Кислицына О.А. (2015). Влияние социально-экономических факторов на состоя-

ние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 2. С. 289–302.

21. Денисова И.А., Карцева М.А. (2020). Гендерные аспекты бедности в России: абсолютный и многокритериальный подход // Женщина в российском обществе. № 2. С. 138–154.

22. Лаптева Е.А. (2004). Географический анализ проблем бедности в крупнейших и малых городах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 3. С. 39–44.

23. Мигранова Л.А., Мелина Е.В. (2007). Адресная социальная помощь и решение проблемы бедности населения в Республике Татарстан // Народонаселение. № 2 (36). С. 38–53.

24. Гришина Е.Е. (2020). Материальное положение и социальная поддержка семей с детьми в Ульяновской области // Народонаселение. Т. 23. № 1. С. 39–52.

25. Калугина З.И. (2018). Сибирь в ракурсе человеческого развития // Регион: экономика и социология. № 2 (98). С. 110–132.

26. Фролова Е.А., Маланина В.А., Касати Ф., Шавлохова А.А. (2020). Региональный аспект бедности пожилых людей в России // Векторы благополучия: экономика и социум. № 4 (39). С. 138–147.

27. Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М. : Независимый институт социальной политики. 160 с.

28. Пастухова Е.Я., Морозова Е.А., Егорова Н.М. (2021) Факторы межрегиональной дифференциации уровня бедности: абсолютный и депривационный подходы. Региональная экономика: теория и практика. Т. 19. Вып. 3. С. 500–520.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Пастухова Елена Яковлевна – кандидат экономических наук, доцент; Кемеровский государственный университет (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); peau.13@yandex.ru.

Мухачёва Анна Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41); oblakkko@mail.ru.

Кочнева Оксана Петровна – Кузбасский региональный институт развития профессионального образования (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); smiop@yandex.ru.

RATES, DYNAMICS, AND FACTORS OF ABSOLUTE AND RELATIVE POVERTY: REGIONAL ASPECT

E.Ya. Pastukhova[8*a*], **A.V. Mukhachyova**[9*b*], **O.P. Kochneva**[10*c*]

[*a*]Kemerovo State University
[*b*]Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
[*c*]Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development

ABSTRACT:

Significant differences in the scale and profile of poverty in Russian regions are an obstacle to achieving the national goal of reducing the poverty level by half by 2030. In the Siberian Federal District, the poverty level has been above the average in Russia for a long time and it still remains so. This determines the scientific and practical significance of analyzing the dynamics of poverty, its correlation with demographic, social and economic factors that significantly affect absolute or relative poverty.

The absolute and relative approaches are the theoretical and methodological basis of the research that help to analyze the level and dynamics of poverty. Demographic, social and economic factors determining poverty profile have been identified. The information base of the study is regional statistics for the Siberian territories. The methods of comparative and dynamic analysis and Spearman's rank correlations were used.

[8]RSCI AuthorID: 405114, ORCID: 0000-0001-5518-1783
[9]RSCI AuthorID: 680524, ORCID: 0000-0002-3720-4969
[10]RSCI AuthorID: 614574, ORCID: 0000-0002-2796-9669

Different dynamics of absolute and relative poverty during the crisis and recovery growth have been identified. Regions with persistently high levels of absolute poverty (Tyva Republic, Altai Republic), territories with average rate and rather low rate of poor citizens have been revealed. Absolute poverty increased during the 2014–2016 crisis. Relative poverty declined due to the reduction in intraregional income inequality in 2014–2016. Absolute poverty is determined by demographic factors ("child load"), the level of urbanization, low per capita incomes, and a fairly high level of general unemployment. An increase in average per capita money income adjusted to the cost of living in the regions, decreases absolute poverty.

Use of an income of less than 60 % of the median income as a criterion for relative poverty changes the demographic and regional profile of poverty. Poverty is reduced in areas with a high child rate if this criterion is applied. However, the relative poverty level of pensioners rises. The factors of growth of the level of relative poverty are determined: positive dynamics of employment, growth of average per capita money income adjusted to the cost of living in the regions. The research results are applicable in the development of social policy to reduce poverty in the most vulnerable social and demographic groups of the population.

FUNDING: The research is accomplished under the financial support of a grant from the Academician Nikolai Fedorenko International Scientific Foundation of Economic Research on the topic: "Specificity of regional poverty: scale, characteristics, influencing factors, prospects for reduction (a case study of Siberia regions)".

KEYWORDS: absolute poverty, relative poverty, demographic factors, monetary income, minimum cost of living, general unemployment rate, employment level, Siberian regions.

FOR CITATION: Pastukhova E.Ya., Mukhachyova A.V., Kochneva O.P. (2021). Rates, dynamics, and factors of absolute and relative poverty: regional aspect, *Management Issues*, no. 3, pp. 80–92.

REFERENCES

1. Zubarevich N.V. (2019). Poverty in Russian regions 2000–2017: Factors and dynamics, *Population and economy*, no. 3 (1), pp. 63–74.

2. Ovcharova L.N. (2012). Theoretical and methodological issues of determining and measuring poverty, *SPERO. Social policy: examination. Recommendations. Reviews*, no. 16, pp. 15–38.

3. Yaroshenko S. (2010). New poverty in Russia after socialism, *LABORATORIUM. Journal of Social Research*, no. 2, pp. 221–251.

4. Zelinsky T. (2010). Analysis of Poverty in Slovakia based on the Concept of Relative Deprivation, *Politicka ekonomie*, no. 4 (58), pp. 542–565.

5. Koshnarnaya G.B., Karimova L.F. (2013). The main approaches to the measurement of the level of poverty in modern Russia, *News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences*, no. 4 (28), pp. 132–139.

6. Bobkov V.N. (2019). Poverty, level and quality of life: analysis methodology, implementation mechanisms, *Living standards of the population of Russia regions*, no. 1, p. 7.

7. Gordon L.A. (2001). Poverty, well-being, inconsistency: material differentiation in the 1990s, *Public sciences and modernity*, no. 3, pp. 5–21.

8. Ovcharova L., Biryukova S. (2018). Poverty and the Poor in Post-Soviet Russia 2018. Poverty, Politics and the Poverty of Politics. BR Publishing Co. Ch. 6, pp. 151–175.

9. Korchagina I.I., Prokofieva L.M., Ter-Akopov S.A. (2019). Material deprivations in poverty estimates, *Population*, no. 2, pp. 51–63.

10. Tikhonova N.E. (2014). Poverty phenomenon in modern Russia, *Sociological studies*, no. 1 (357), pp. 7–19.

11. Eliseeva I.I., Raskina Yu.V. (2017). Measuring poverty in Russia: opportunities and restrictions, *Questions of statistics*, no. 8, pp. 70–89.

12. Karabchuk T.S., Pashinova T.R., Soboleva A.D. (2013). Poverty of households in Russia: what does the data of the RME HSE say? *World of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 22, no. 1, pp. 155–175.

13. Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2019). People and money: income, consumption and financial behavior of the population of Russian regions in 2000–2017, *News of the Russian Academy of Sciences. The geographic series*, no. 5, pp. 3–17.

14. Pavlov P.N. (2020). The effect of regulatory stiffness of the regulatory framework on the dynamics of poverty in the regions of Russia, *Questions of the economy*, no. 12, pp. 62–79.

15. Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. (2018). Where

breaks the "poverty line" in Russia? *Questions of the economy*, no. 1, pp. 104–127.

16. Zubarevich N.V. (2019). Inequality of regions and major cities of Russia: what has changed in the 2010th? *Public sciences and modernity*, no. 4, pp. 57–70.

17. Elizarov V.V., Sinitsa A.L. (2019). Poverty factors of families with children and prospects for its decline, *Standard of living of the population of Russia regions*, no. 2 (212), pp. 63–75.

18. Frolova E.A., Kashapova E.R., Klemasheva E.I., Malanina V.A. (2019). Comparative analysis of the socio-demographic characteristics of the elderly in Russia, *Vectors of well-being: Economics and society*, no. 2 (33), pp. 36–45.

19. Pastukhova E.Ya., Morozova E.A. (2019). Poverty and problems of nutrition in the Russian regions, *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences* (EPSBS), Vol. LIX, pp. 827–835.

20. Kislitsyna O.A. (2015). The impact of socio-economic factors for health: the role of absolute or relative deprivation, *Journal of Social Policy Research*, vol. 13, no. 2, pp. 289–302.

21. Denisova I.A., Kartseva M.A. (2020). Gender aspects of poverty in Russia: absolute and multicriteria approach, *Woman in Russian society*, no. 2, pp. 138–154.

22. Lapteva E.A. (2004). Geographical analysis of poverty issues in the largest and small cities of Russia, *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography*, no. 3, pp. 39–44.

23. Migranova L.A., Melina E.V. (2007). Addressive social assistance and solving the problem of the poverty of the population in the Republic of Tatarstan, *Population*, no. 2 (36), pp. 38–53.

24. Grishina E.E. (2020). Income and social support for families with children in the Ulyanovsk region, *Population*, vol. 23, no. 1, pp. 39–52.

25. Kalugina Z.I. (2018). Siberia in the perseverse of human development, *Region: Economics and Sociology*, no. 2 (98), pp. 110–132.

26. Frolova E.A., Malanina V.A., Casati F., Shavlokhova A.A. (2020). Regional aspect of the poverty of the elderly in Russia, *Vectors of well-being: economics and society*, no. 4 (39), pp. 138–147.

27. Zubarevich N.V. (2010). Regions of Russia: inequality, crisis, modernization. Moscow: Independent Institute of Social Policy. 160 p.

28. Pastukhova E.Ya., Morozova E.A., Egorova N.M. (2021) Factors of interregional differentiation of poverty level: absolute and deprivational approaches, *Regional economics: Theory and practice*, vol. 19, vol. 3. pp. 500–520.

AUTHORS' INFORMATION:

Elena Ya. Pastukhova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); peau.13@yandex.ru.

Anna V. Mukhachyova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41, Bolshaya St. Petersburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russia); oblakkko@mail.ru.

Oksana P. Kochneva – Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); smiop@yandex.ru.

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-93-105 ВАК: 08.00.05, 22.00.04

ВИДЕНИЕ СТУДЕНТАМИ УНИВЕРСИТЕТА ПРИЧИН И СПОСОБОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ

В.И. Шарин[1 a], **А.В. Вахмянина**[a]

[a]Уральский государственный экономический университет

АННОТАЦИЯ:

Статья направлена на изучение отношения студентов университета к коррупции. Исследователями даются неоднозначные оценки характера коррупции в высшей школе, поэтому цель данного исследования – на основе анализа мнения студентов установить характер отношения студентов к коррупции, а также факторы, способные снизить ее уровень в университете.

Методы. Исследование проведено на основе комплекса общенаучных методов, таких как системный анализ, обобщение и систематизация теоретических и практических данных, содержащихся в научных трудах различных авторов, а также сравнения, системно-функционального и комплексного подходов. Использованы методы опроса и анкетирования.

Результаты. Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что в нем дана исследовательская оценка понимания студентами сути коррупции, их отношения к данному явлению, а также распространенности коррупции в университете. В результате исследования установлено, что большинство студентов университета имеют неточное представление о сути коррупции, рассматривают ее как явление, допустимое для решения проблем частного характера. Лишь каждый четвертый респондент относится к коррупции отрицательно. Почти треть респондентов готовы осуществить коммерческий подкуп, дать взятку в определенных жизненных условиях, совершали этот поступок в университете 3 % респондентов. Результаты анализа факторов, воспроизводящих коррупцию в университете, а также оказывающих влияние на ограничение коррупции, позволили установить наиболее сильные и слабые факторы по силе влияния на данный процесс.

Подтверждена гипотеза, что студенты университета имеют поверхностное понимание сути коррупции, относятся к ней, в основном, лояльно и предпочитают административные меры по профилактике и борьбе с коррупцией.

Научная новизна. На основе авторского анализа состояния коррупции в университете дана оценка понимания студентами сути коррупции, установлен характер их отношения к данному явлению, а также распространенности коррупции в университете.

Установлена распространенность коррупционных действий по их видам. Выявлено мнение студентов в отношении факторов, воспроизводящих коррупцию, а также факторов, способных снизить уровень коррупции в университете. Проведенное ранжирование по силе их воздействия показало, что наибольшее влияние в профилактике коррупции будут иметь факторы ужесточения ответственности за коррупционные правонарушения, усиления административного контроля в университете, а также увеличения оплаты труда преподавателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коррупция в сфере образования, студенты университета, коррупция в университете, факторы снижения коррупции.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шарин В.И., Вахмянина А.В. (2021). Видение студентами университета причин и способов преодоления коррупции // Вопросы управления. № 3. С. 93–105.

[1]AuthorID РИНЦ: 912139

© Шарин В.И., Вахмянина А.В., 2021

Введение

В российском обществе сложилось в целом негативное отношение к проявлениям коррупции. Практика показывает, что коррупция представляет системную угрозу, подрывающую устойчивость общества, его нравственные устои, а также социально-экономические основы государства. В экономическом аспекте «коррупция существенно завышает цену на общественные блага, снижает их объем и качество, «ослабляет» инвестиции в человеческий капитал, приводит к сокращению доходов государства» [1]. Сфера высшего образования традиционно рассматривается как одна из наиболее подверженных коррупции в современном российском обществе. Коррупция в высшей школе выступает препятствием эффективного развития российских вузов, приносит существенный ущерб их имиджу. Коррупционные практики, получившие распространение в университетах, оказывают негативное воздействие на репутацию высшей школы, ее авторитет среди российских и зарубежных студентов, деформируют правовое сознание студентов, порождают терпимость к коррупции.

Рассматривая феномен коррупции, исследователи отмечают, что она нередко получает неоднозначные социальные оценки и трактовки, что связано со сложившимися общественными нормами, традициями и социокультурными особенностями. В этом случае правовые подходы к коррупции могут не соответствовать традициям и нормам общественной морали. Порой граница между коррупционным и традиционным поведением становится трудноуловима. Так, например, подарки преподавателям, учителям в некоторых культурах считаются нормой, и общество не связывает эти действия с коррупцией. Однако в других странах эти действия этически неприемлемы и будут оценены как противозаконные. Для формирования единых подходов к правовой и этической оценке взаимоотношений преподавателей, представителей администрации университетов и студентов необходима четкая регламентация их отношений.

Актуальность темы предопределила главную исследовательскую задачу работы – на основе изучения мнения студентов установить характер отношения студентов к коррупции, а также факторы, способные на их взгляд снизить ее уровень в университете. Для реализации главной задачи необходимо решение задач второго уровня: исследование понимания студентами сути коррупции, отношения студентов к данному феномену, а также распространенности коррупции в университете.

Гипотезой исследования является предположение, что студенты университета имеют поверхностное понимание сути коррупции, относятся к ней, в основном, лояльно и предпочитают административные меры по профилактике и борьбе с коррупцией.

Коррупция в университетской среде: теоретический аспект

Определение понятия «коррупция» содержится в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ) и трактуется как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [2]. Данное определение, по мнению российских исследователей, рассматривает коррупцию несколько заужено по сравнению с международной практикой, так как не относит к ней деяния, связанные с получением выгоды нематериального характера [3, 4]. Зарубежные авторы подчеркивают, что трактовка совершаемых действий во многом зависит от общественных норм и социокультурных характеристик страны, в конкретно исторический период ее развития [5, 6]. Исследователи приходят к выводу, что в обществе присутствует неоднозначное понимание правового содержания коррупции на обыденном уровне, что нередко влечет ее оправдание [7; 8, с. 39], а также формирует противоречивое отношение граждан к данному явлению [9]. Сформировавшаяся в новых экономических условиях

ориентация молодежи в большей мере на материальные, а не духовные ценности, включает молодых людей, в том числе студенчество, в группу риска, что делает их особым объектом антикоррупционной политики [10]. Но и за рубежом коррупция в системе высшего образования, например, Китая, по мнению С. Ли, «в новых экономических условиях также получает дальнейшее распространение, а суммы взяток неуклонно растут, что делает эту проблему все более актуальной и требует усиление мер борьбы с коррупцией» [11].

По мнению И. И. Фроловой, «наиболее распространенной и общественно опасной формой коррупции в образовании является использование преподавателями должностного положения при аттестации обучающегося (приеме экзамена, зачета, курсовой и выпускной квалификационной работы), выдача дипломов специалистам без профессионального соответствия, продажа и использование курсовых проектов и выпускных квалификационных работ, вымогательство материальных средств за положительную оценку, навязывание платных консультаций; продажа авторских книг преподавателей. А также оказание за вознаграждение содействия студенту в переводе с платной формы обучения на бюджетную» [12]. Коррупционные отношения административно-хозяйственных работников могут выражаться «в получении ими выгод за предоставление третьим лицам имущества образовательной организации в пользование без надлежащего оформления документов, даче взятки проверяющему органу при аккредитации университета; нецелевом использовании федеральных средств» [13, 14].

Н. А. Боброва отмечает феномен университетских «подснежников». Речь идет о практике «оформления на работу в качестве преподавателей-совместителей граждан, фактически не работающих на данных должностях, либо работающих в значительно меньшем объёме, чем предполагает его полная ставка, полставки или четверть ставки» [15, с. 89]. К. Д. Титаев приходит к выводу «о начале институционализации коррупции в системе высшего образования, рассматривая практику подарков не лично преподавателю, а кафедре (институту, деканату). В данном случае благополучателем в коррупционных отношениях является не конкретное лицо, а институт. Прикрываясь интересами кафедры, преподаватели или администраторы нередко обеспечивают личные выгоды» [16, с. 28].

Вызывают исследовательский интерес и причины коррупции в высшей школе. Среди причин – равнодушное отношение родителей и самих студентов к качеству получаемого образования. В обществе сформирован потребительский подход к высшему образованию: основной целью и конечным результатом обучения является не получение необходимых для дальнейшей работы знаний и компетенций, а наличие диплома. В данном случае для достижения цели могут использоваться любые средства [17, с. 112]. Также к причинам коррупции авторы относят недостаточное бюджетное финансирование университетов, что отражается на невысокой оплате труда преподавателей при постоянно растущей нагрузке [18], а также социокультурные традиции, например, дарение подарков [19]. По мнению К. А. Прозоровской «к причинам вузовской коррупции относятся: слабость государства, неспособного бороться с коррупцией; заинтересованность высшего руководства вуза в получении высоких результатов с нарушением преподавателями своих полномочий; привлекательность коррупционных подходов решения вопросов обучения для студентов» [20]. Некоторые авторы связывают причины коррупции в университете с недостаточностью администрирования: пробелами в правовом регулировании сферы образования, низким уровнем правоприменительной практики, неразвитостью системы административного контроля коррупции, с нейтральным отношением к коррупции большинства участников образовательного процесса, нежеланием лично участвовать в борьбе с коррупцией [21]. Молодые люди лояльно или безразлично относятся к проявлениям коррупции, слабо осознают индивидуальную ответственность за ее искоренение [22]. Многие авторы по результатам проведенных опросов отмечают, что, как правило, «инициаторами коррумпированного поведения в отношении преподавателей выступают сами студенты, и причинами коррупции здесь являются: лень уча-

щихся, отсутствие (по самым разным причинам) возможности качественной подготовки к промежуточной аттестации, нежелание изучать дисциплины, предусмотренные учебным планом» [23, с. 71]. Д. П. Кондраль, В. М. Флоря, С. В. Шилова, рассматривая меры по профилактике коррупции в системе высшего образования, останавливаются на наиболее эффективных – не давать взятки, не практиковать «подношения», проводить разъяснительную работу, обращаться в правоохранительные органы [24]. Другие авторы, ссылаясь на положительный опыт преодоления коррупции в системе высшего образования за рубежом, предлагают внедрение этических кодексов, которые бы устанавливали правила взаимоотношений администрации университета, преподавателей и студентов, например, стоимость подарков (цветы, конфеты, сувениры), которые можно дарить преподавателям [25], четкие границы неприемлемого поведения, формируя тем самым правильную культуру взаимного поведения.

Проведенный анализ источников позволяет сделать следующие выводы. Определение понятия «коррупция» в российском законодательстве относит к ней определенный круг противозаконных деяний, связанных с получением выгоды материального характера. Между тем, многие исследователи, опираясь на международный опыт, считают подобный подход узким и предлагают рассматривать действия как коррупционные при получении выгоды в любой форме. К тому же социальный капитал легко трансформируется в материальную выгоду. В этом основное отличие авторских подходов к пониманию сущности коррупции.

При всем разнообразии подходов и точек зрения к определению содержания понятия «коррупция в высшей школе», авторы, как правило, определяют его суть как неправомерное использование работниками системы образования своего должностного положения во всем его многообразии (коммерческий подкуп, превышение полномочий, нарушение локальных нормативных актов и др.), с получением при этом личной выгоды в любой форме, а не только в материальной. Нами разделяется данный подход к понятию «коррупция в высшей школе» и на этой методологической основе рассматриваются субъектно-объектные отношения коррупции в данной работе.

Авторами научных публикаций приводятся различные факторы воспроизводства отношений коррупции в высшей школе, а также предлагаются разнообразные меры, способные минимизировать это явление в университете. Данное разнообразие предопределило необходимость проведения собственного эмпирического исследования с целью изучения отношения студентов к коррупции в университете, причин ее бытования и мер минимизации.

Методы и результаты исследования

В 2021 году нами проведены исследования коррупции в высшей школе на базе Уральского государственного экономического университета (город Екатеринбург). В ходе исследования решались задачи оценки понимания студентами сути коррупции, отношения студентов к данному феномену, а также распространенности коррупции в университете.

В опросе приняли участие 200 студентов 1–4 курсов очной и заочной форм обучения, из них: в возрасте до 30 лет – 90 %, женского пола – 70 %, проживающих на территории Свердловской области – 69 %. Опрос проводился сплошным способом, посредством анкетирования. Авторский опросник структурно состоит из трех частей. Первая часть содержит вопросы, характеризующие понимание студентами сути коррупции, вторая – отношение студентов к данному феномену, третья – оценку распространенности коррупции в университете. Обработка данных опроса проведена при помощи статистического пакета SPSS.

По результатам ответов респондентов на вопросы анкеты установлено, что у большинства студентов понимание коррупции не в полной мере соответствует сути определения, данного в Федеральном законе № 273-ФЗ. Результаты ответов студентов на вопрос: «Какие из перечисленных действий относятся к коррупции?», отражены в таблице 1.

Так, например, дачу и получение взятки, коммерческий подкуп считают коррупцией только около половины респондентов, а такие действия как использование личных отношений для получения доступа к общественным

Таблица 1 – Оценка респондентами понимания сути действий, относящихся к коррупции[2]

Table 1 – Respondents' assessment of the understanding of actions related to corruption

Действия, относящиеся к коррупции	%
Злоупотребление служебным положением в целях получения выгоды	35
Дача взятки, получение взятки	49
Злоупотребление полномочиями в целях получения выгоды	31
Коммерческий подкуп	43
Незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды	30
Подношение подарков должностным лицам	11
Денежное или иное вознаграждение за оказание незаконной услуги	34
Использование личных отношений для получения доступа к общественным ресурсам	12

ресурсам и подношение подарков должностным лицам относят к коррупции лишь каждый десятый студент. Лишь треть респондентов отнесли такие коррупционные действия как незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды, злоупотребление полномочиями в целях получения выгоды и денежное или иное вознаграждение за оказание незаконной услуги к коррупции.

Опрос показал, что отношение респондентов к коррупции, в основном, лояльное. Так рассматривают ее как приемлемый прием в безвыходном положении 48 %, положительно, если это приносит пользу – 6 %, безразлично («меня это не касается») – 21 % и лишь 25 % – отрицательно, так как это противоправное действие.

Готовы сделать коммерческий подкуп (дать взятку) 2 % респондентов, также готовы дать взятку, но в определенных жизненных условиях – 32 %, отрицательно ответили 49 % респондентов и 17 % затруднилось ответить.

Почти треть респондентов дарили подарки, цветы преподавателям и администраторам в знак благодарности.

Подавляющее большинство студентов не совершали коммерческий подкуп и не давали взяток в университете – 96 %. Ответили, что совершали эти действия – 3 %, затруднились ответить – 1 %. Только 2 % студентов использовали служебное положение других людей (преподавательский состав) для решения личных проблем, 3 % студентов дали отрицательный ответ, однако 95 % ответили, что затрудняются с ответом. Данная формулировка была предусмотрена авторами как вариант ответа для студентов, опасающихся за последствия определенного ответа.

Таким образом, большинство студентов университета имеют поверхностное представление о сути коррупции, рассматривают ее как явление, допустимое для решения насущных проблем, в том числе, в университете. Лишь каждый четвертый респондент относится к коррупции однозначно отрицательно. Почти треть респондентов готовы осуществить коммерческий подкуп, дать взятку в определенных жизненных условиях. Совершали этот поступок в университете 3 % респондентов.

Результаты ответов студентов на вопрос: «Приходилось ли сталкиваться с коррупцией в университете лично Вам, вашим коллегам-студентам?» в разрезе видов коррупционных действий, отражены в таблице 2.

Таким образом, большинство студентов никогда не сталкивались с перечисленными видами коррупционной деятельности в университете. Наибольшее распространение получило в университете дарение цветов, сувениров преподавателям и администраторам. В данном случае грань между взяткой и простым, невинным подарком, благодарностью уловить очень сложно. Между тем, почти каждый десятый студент сам или его коллеги совершал коммерческий подкуп, а 7 % респондентов – сталкивались со злоупотреблением преподавателями полномочиями в целях получения выгоды при оценивании знаний студентов (за зачеты, экзамены, курсовые и выпускные работы, завышение оценок для получения стипендий, «красных» дипломов). Такие виды коррупции как принуждение студентов к приобретению монографий, учебников и иных материалов, изданных преподавателем, платное выполнение преподавателями контрольных, курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций, а также злоупотребление

[2]Источник: составлено авторами.

Таблица 2 – Оценка распространенности коррупционных действий по их видам[3]

Table 2 – Assessment of the prevalence of corruption actions by their types

Коррупционные действия	%
Злоупотребление преподавателями полномочиями в целях получения выгоды при оценивании знаний студентов (за зачеты, экзамены, курсовые и выпускные работы, завышение оценок для получения стипендий, «красных» дипломов).	7
Дарение преподавателям подарков (свыше 3000 руб.)	3
Коммерческий подкуп (разновидность взятки)	8
Злоупотребление преподавателями и администраторами полномочиями в целях получения выгоды: при поступлении обучающихся (например, в магистратуру на бюджетной основе, ускоренный курс обучения на бакалавриате), при переводе с платной формы обучения на бюджетную и т.п.	6
Дарение цветов, сувениров преподавателям в качестве благодарности	12
Платное выполнение преподавателями контрольных, курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций	6
Принуждение студентов к приобретению монографий, учебников и иных материалов, изданных преподавателем.	6
Иное	4
Сталкиваться не приходилось	61

преподавателями и администраторами полномочиями в целях получения выгоды: при поступлении обучающихся (например, в магистратуру на бюджетной основе, ускоренный курс обучения на бакалавриате), при переводе с платной формы обучения на бюджетную и т.п., находятся в пределах 6 %. Среди наименее распространенных – дарение преподавателям подарков свыше 3000 рублей.

С чем связано лояльное отношение студентов к коррупции? Почему дарение цветов, подарков, сувениров имеет значительное распространение? Существенным фактором, способствующим распространению коррупции в высшей школе, является равнодушное, потребительское отношение студентов к качеству получаемого образования. У значительной части общества сформирован подход к высшему образованию, целью которого является не получение знаний и компетенций, а сам документ – диплом. Поэтому велик соблазн получить заветный экзамен или зачет по предмету, который «никогда не пригодится» с минимальными трудозатратами.

Способствуют развитию коррупционных навыков у студентов сложившиеся в нашем обществе социокультурные факторы – традиции дарения. Возможно, преподаватели уделяют студенту больше внимания при подготовке курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций, чем того требует регламент. Студенты понимают это и считают хорошим тоном отблагодарить преподавателя за его труд. Например, это может быть коробка конфет, букет цветов или бутылка коньяка в знак уважения или как благодарность за помощь. Однако подобная практика при определенных обстоятельствах может перерасти в мелкое вымогательство со стороны преподавателей или простейший способ достижения цели со стороны студентов, и традиция дарения окажется банальным бытовым взяточничеством.

Нами исследованы факторы, которые, по мнению студентов, влияют на воспроизводство отношений коррупции в университете. Респондентам было предложено шесть групп факторов:

– низкий уровень оплаты труда преподавателей;

– низкий нравственный уровень преподавателей и персонала;

– традиции благодарности;

– отсутствие должного административного контроля;

– пассивная позиция студентов и преподавателей к проявлениям коррупции;

– инициирование коррупционных действий самими студентами.

По условиям опроса респонденты провели ранжирование данных факторов по силе их влияния на отношения коррупции в университете. Результаты исследования отражены на рисунке 1.

По результатам ранжирования респондентами факторов коррупции можно сделать вывод, что, по мнению студентов, наибольшее влияние на воспроизводство отношений кор-

[3]Источник: составлено авторами.

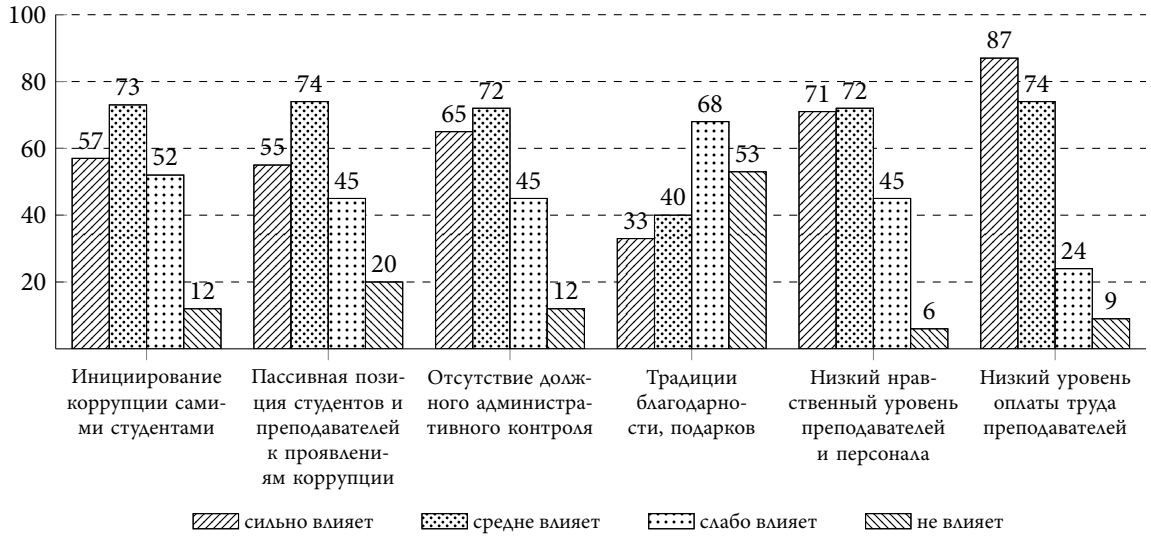

Рисунок 1 – Ранжирование факторов коррупции в университете по силе их влияния
Figure 1 – Ranking of factors of corruption in the university by the strength of their influence

рупции в университете имеют факторы низкого уровня оплаты труда преподавателей, низкого нравственного уровня преподавателей и персонала, а также отсутствие должного административного контроля. Среднее влияние, по мнению студентов, могут оказать такие факторы, как инициирование коррупции самими студентами, пассивная позиция студентов и преподавателей к проявлениям коррупции, а также низкий уровень оплаты труда преподавателей. Наиболее слабое влияние окажут такие факторы как традиции благодарностей, дарения, инициирование коррупции самими студентами. Не повлияют на воспроизводство отношений коррупции в университете, по мнению большинства респондентов, такие факторы как традиции благодарностей, дарения, а также пассивная позиция студентов и преподавателей к проявлениям коррупции.

Таким образом, причины университетской коррупции имеют комплексный, многофакторный характер. Они, по мнению студентов, лежат в плоскости низкого уровня оплаты труда преподавателей, их невысокого нравственного уровня при отсутствии должного административного контроля. Также важными, по мнению студентов, являются факторы инициирование коррупции самими студентами, пассивная позиция студентов и преподавателей к проявлениям коррупции.

Низкий уровень оплаты труда преподавателей снижает планку нравственности и чувства самосохранения, а пассивная позиция коллег по университету и студентов к проявлениям коррупции при активной инициативе студентов решить учебные проблемы незаконным способом, а также отсутствие административного контроля позволяет воспроизводиться отношениям коррупции.

Нами также исследованы факторы, которые, по мнению студентов, могут снизить уровень коррупции в университете. Обобщение ответов респондентов на один из вопросов анкеты («Какие из перечисленных факторов, снижающих коррупцию в университете являются для вас наиболее значимыми?») позволило выделить шесть групп факторов:

– усиление административного контроля в университете;

– введение перечня действий, попадающих под коррупцию и доведение его до студентов и преподавателей;

– создание телефона доверия, осведомительство;

– увеличение оплаты труда преподавателей;

– ужесточение ответственности за коррупционные правонарушения;

– обеспечение публичности процедур приема экзаменов и зачетов.

По условиям опроса респонденты провели ранжирование данных факторов по силе их влияния на снижение коррупции в университете. Результаты исследования отражены в таблице 3.

Таблица 3 – Ранжирование факторов, снижающих коррупцию в университете по силе влияния (% от числа опрошенных)[4]

Table 3 – Ranking of factors that reduce corruption in the university by the power of influence (% of the number of respondents)

№	Факторы	Сильное влияние	Среднее влияние	Слабое влияние	Не влияет
1	Усиление административного контроля в университете	45	33	19	3
2	Введение перечня действий, попадающих под коррупцию и доведение его до студентов и преподавателей	38	34	23	5
3	Создание телефона доверия, осведомительство	14	28	36	22
4	Увеличение оплаты труда преподавателей	48	35	11	6
5	Ужесточение ответственности за коррупционные правонарушения	58	26	11	5
6	Обеспечение публичности процедур приема экзаменов и зачетов	29	30	27	14

По результатам опроса респондентов можно сделать вывод, что, по мнению студентов, наибольшее влияние в профилактике и борьбе с коррупцией могут иметь факторы ужесточения ответственности за коррупционные правонарушения, усиления административного контроля в университете, а также увеличения оплаты труда преподавателей.

Среднее влияние, по мнению студентов, могут оказать такие меры, как увеличение оплаты труда преподавателей, введение перечня действий, попадающих под коррупцию и доведение его до студентов и преподавателей, а также усиление административного контроля в университете. Наиболее слабое влияние окажут создание телефона доверия, осведомительство и обеспечение публичности процедур приема экзаменов и зачетов.

Не повлияют на снижение коррупции, по мнению большинства респондентов, создание телефона доверия, практика осведомительства, что отражает критическое отношение молодежи к разного рода «стукачеству», хотя и в благих целях, а также обеспечение публичности процедур приема экзаменов и зачетов.

Можно сделать вывод, что студенты считают приоритетными направлениями по минимизации коррупции в университете силовые способы решения проблемы: ужесточение ответственности, усиление административного контроля. Это укладывается в логику борьбы с противозаконными действиями. Однако студенты признали сильной меру по борьбе с коррупцией и увеличения оплаты труда преподавателей. Это говорит, что они знают жизненные реалии и имеют прагматичный подход к решению проблем. Действительно, уровень оплаты большинства российских преподавателей весьма далек от рекомендованного «майскими указами», а у преподавателей, не имеющих ученой степени – просто низкий. Невысокий экономический статус большинства преподавателей дает основание студентам рассматривать их как приемлемый объект коррупционного взаимодействия, удовлетворяющий обе стороны. В то же время дает основание считать, что повышение уровня жизни преподавателей снизит уровень коррупции в университете.

Между тем, на фоне довольно неполного понимания сути коррупции, которое демонстрируют студенты (табл. 1), по нашему мнению, заслуживает внимание такой фактор, как «Введение перечня действий, попадающих под коррупцию и доведение его до студентов и преподавателей», который считают сильным около 40 % респондентов. Регулирование отношений преподаватель – студент в специальном положении и утверждение его в локальном нормативном акте способствовало бы снижению распространения действий, которые оцениваются как коррупционные.

Заключение

В результате исследования нами сделаны следующие выводы. Коррупция – сложное социальное явление. В сфере высшей школы она имеет специфические особенности, трудности

[4]Источник: составлено авторами.

идентификации, и поэтому каждый случай, в какой то мере понимаемый как коррупция, нуждается в тщательном изучении. Полученные результаты исследования также позволяют сделать вывод о несовершенстве антикоррупционного законодательства и пробелах в правовом регулировании коррупции в сфере образования.

Большинство студентов университета имеют неточное представление о сути проявления коррупции, рассматривают ее как явление, допустимое для решения проблем частного характера. Лишь каждый четвертый респондент относится к коррупции однозначно отрицательно. Почти треть респондентов готовы осуществить коммерческий подкуп, дать взятку в определенных жизненных условиях, однако совершали этот поступок в университете 3 % респондентов.

Оценка распространенности коррупционных действий по их видам (по личному опыту студентов и информации от их коллег) показала, что наиболее распространено дарение цветов, сувениров преподавателям в качестве благодарности; злоупотребление преподавателями полномочиями в целях получения выгоды при оценивании знаний студентов (за зачеты, экзамены, курсовые и выпускные работы, завышение оценок для получения стипендий, «красных» дипломов); коммерческий подкуп. Среди наименее распространенных – дарение преподавателям подарков свыше 3000 рублей.

Такие виды коррупции как принуждение студентов к приобретению монографий, учебников и иных материалов, изданных преподавателем, платное выполнение преподавателями контрольных, курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций, а также злоупотребление преподавателями и администраторами полномочиями в целях получения выгоды: при поступлении обучающихся (например, в магистратуру на бюджетной основе, ускоренный курс обучения на бакалавриате), при переводе с платной формы обучения на бюджетную и т.п., находятся в пределах 6 %.

Лояльное или безразличное отношение студентов к коррупции, по нашему мнению, связано с равнодушным, потребительским отношением студентов к качеству получаемого образования. У значительной части общества сформирован подход к высшему образованию, целью которого является не получение знаний, а получение диплома.

Способствуют развитию коррупционных навыков у студентов сложившиеся в нашем обществе социокультурные факторы – традиции дарения. Студенты считают хорошим тоном отблагодарить преподавателя за его труд. Однако подобная практика при определенных обстоятельствах может перерасти в мелкое вымогательство со стороны преподавателей или простейший способ достижения цели со стороны студентов.

Проведенное ранжирование факторов коррупции в университете по силе их влияния показало, что, по мнению студентов, наибольшее влияние имеют факторы низкого уровня оплаты труда преподавателей, низкого нравственного уровня преподавателей и персонала, а также отсутствие должного административного контроля.

Низкий уровень оплаты труда преподавателей снижает планку нравственности и боязни ответственности за неправомерные действия, а пассивная позиция коллег по университету и студентов к проявлениям коррупции при активной инициативе студентов решить учебные проблемы монетарным способом, а также отсутствие административного контроля позволяет воспроизводиться отношениям коррупции.

Проведенное ранжирование факторов, снижающих коррупцию в университете по силе влияния, показало, что, по мнению студентов, наибольшее влияние в профилактике коррупции будут иметь факторы ужесточения ответственности за коррупционные правонарушения, усиления административного контроля в университете, а также увеличения оплаты труда преподавателей. Слабое влияние на снижение коррупции будут иметь такие меры как создание телефона доверия, практика осведомительства.

Поэтому гипотеза о том, что студенты университета имеют поверхностное понимание сути коррупции, относятся к ней, в основном, лояльно и предпочитают административные

меры по профилактике и борьбе с коррупцией, нашла свое подтверждение.

Полученные результаты дают возможность полагать, что цель исследования – установить характер отношения студентов к коррупции в университете, а также факторы, способные снизить, по их мнению, коррупцию в университете, достигнута.

Управленческое воздействие по борьбе с коррупцией в высшей школе, помимо усиления административного контроля, должно быть направлено на увеличения оплаты труда преподавателей, а также на антикоррупционный «ликбез» студентов и преподавателей, нормативное закрепление взаимоотношений всех участников образовательного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дахов И.Г. (2013). Борьба с коррупцией как инструмент развития экономики муниципальных образований // Вестник АКСОР. № 4 (28). С. 152–157.

2. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

3. Щедрин Н.В. (2009). Определение коррупции в федеральном законе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. № 3. С. 31–36.

4. Незнамова З.А. (2000). Признаки коррупции как социального явления // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД. С. 32–38.

5. Dimant E. (2013). The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective, *Economics Discussion Papers*, no. 59. Kiel Institute for the World Economy. URL: http://www.economicsejournal.org/economics/discussionpapers/2013-59 (accessed 01.02.2021).

6. De Graaf G., Wagenaar P., Hoenderboom M. (2010). Constructing corruption. In: de Graaf G., von Maravic P., Wagener P. (eds.). The Good Cause. Theoretical Perspectives on Corruption. Opladen & Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers. pp. 98–114.

7. Карепова С.Г., Пинчук А.Н., Некрасов С.В., Тихомиров Д.А. (2019). Московские студенты о коррупции и антикоррупционной деятельности в современном обществе: по материалам фокус-группового исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 22. № 1. С. 113–137.

8. Барсукова С.Ю. (2008). Коррупция: научные дебаты и российская реальность // Общественные науки и современность. № 5. С. 36–47.

9. Журавлев А.Л., Юревич А.В. (2012). Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. № 1. С. 8–21.

10. Соснин В.А., Китова Д.А. (2018). Макропсихологические аспекты исследования коррупции // Наука. Культура. Общество. № 1. С. 129–141.

11. Ли С. (2019). Совершенствование механизма борьбы с коррупцией в высших учебных заведениях Китая в новых условиях // Власть. Т. 27. № 3. С. 223–230.

12. Фролова И.И. (2010). Коррупция в учреждениях высшего профессионального образования: результаты конкретного социологического исследования // Актуальные проблемы экономики и права. № 4. С. 147–149.

13. Дамм И.А. (2016). Коррупция в сфере образования: понятие, характерные черты, формы и виды // Актуальные проблемы экономики и права. Т. 10. № 4. С. 5–17. DOI: 10.21202/1993-047X.10.2016.4.5-17.

14. Воронцова С.В. (2018). Формы коррупции в системе высшего образования // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. № 1. С. 14–20.

15. Боброва Н.А. (2018). Борьба с коррупцией в вузах // Вестник Международного института рынка. № 1. С. 89–93.

16. Титаев К.Д. (2011). Почем экзамен для народа? Этюд о коррупции в высшем образовании // Экономика и образование. № 1. С. 124–134.

17. Сычева А.В. (2015). Коррупция в сфере высшего образования: коррозия правосознания // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. Т. 1 (67). № 4. С. 109–116.

18. Каменский Е.Г. (2014). Модернизация, коррупция, социальные институты: результаты опросов сотрудников вузов // Известия Юго-Западного государственного университета. Се-

рия: Экономика. Социология. Менеджмент. № 4. С. 122–128.

19. Логунова О.А., Логунова Е.Г. (2016). Проблема коррупции в сфере образования: опыт социологического анализа // Дискуссия. № 5. С. 63–74.

20. Прозоровская К.А. (2013). Коррупция и другие деструктивные явления в сфере образования в России (по результатам анкетирования студентов) // Система ценностей современного общества. № 29. С. 143–148.

21. Калюжный Н.В. (2016). Коррупция в системе высшего образования. Опыт зарубежных стран // Правопорядок в современном мире: актуальные проблемы обеспечения и охраны : Сборник научных трудов. Хабаровск. С. 73–80.

22. Карепова С.Г., Пинчук А.Н., Некрасов С.В., Тихомиров Д.А. (2019). Московские студенты о коррупции и антикоррупционной деятельности в современном обществе: по материалам фокус-группового исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 22. № 1. С. 113–137.

23. Логунова О.А., Логунова Е.Г. (2016). Проблема коррупции в сфере образования: опыт социологического анализа // Журнал научных публикаций. № 5 (68). С. 68–75.

24. Кондраль Д.П., Флоря В.М., Шилова С.В. (2018). Борьба с коррупцией в системе высшего образования России // Вопросы управления. № 6. С. 211–215.

25. Макарова М.Н., Вахрушев Р.В. (2014). Коррупция в высшем образовании и академическая этика // Высшее образование в России. № 12. С. 55–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Шарин Валерий Иванович – доктор экономических наук; Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); Sharin_vi@usue.ru.

Вахмянина Анна Владимировна – Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); cafetr@usue.ru.

STUDENTS' VIEW ON THE CAUSES OF CORRUPTION AND WAYS TO ELIMINATE IT

V.I. Sharin[5][a], **A.V. Vakhmyanina**[a]

[a]Ural State University of Economicis

ABSTRACT:

The article studies the attitude of university students to corruption. Researchers give ambiguous assessments of the nature of corruption in higher education, so the purpose of this study is to determine the students' attitudes to corruption and to reveal the factors that can reduce it at the university.

Methods. The research is based on a complex of general scientific methods, such as system analysis, generalization and systematization of theoretical and practical data contained in the scientific works of various authors, as well as comparison, system-functional and complex approaches. The survey and questionnaire methods were used.

Results. The theoretical and practical significance of the study is that it provides an assessment of students' understanding of the essence of corruption, reveals their attitude to this phenomenon, and identifies the level of corruption in the university. As a result of the study, it has been found that the majority of university students have a vague idea of the essence of corruption and consider it acceptable for solving some personal problems. Only one of four respondents has a negative attitude to corruption. Almost a third of respondents are ready for commercial bribery and to give a bribe in certain living conditions. Moreover,

[5]RSCI AuthorID: 912139

3 % of respondents committed this act at the university. The results of the analysis of the factors influencing the restriction of corruption allowed us to identify the strongest and weakest influences on this process.

The hypothesis is verified that the university students have a superficial understanding of the essence of corruption, the majority are loyal to it and prefer administrative measures to prevent and combat corruption.

Scientific novelty. Based on the author's analysis of the state of corruption at the university, the students' understanding of the essence of corruption is assessed, the nature of their attitude to this phenomenon is established, as well as the level of corruption at the university. Corruption types are singled out and their levels are identified. The article provides the students' opinion regarding the factors that influence the spread of corruption and the factors that can reduce its level in the university. Among the most effective anti-corruption measures are: upgrading of penalties for corruption offenses, strengthening of administrative control at the university, and increase of teachers' salaries.

KEYWORDS: corruption in education, university students, corruption in university, factors of corruption reduction.

FOR CITATION: Sharin V.I., Vakhmyanina A.V. (2021). Students' view on the causes of corruption and ways to eliminate it, *Management Issues*, no. 3, pp. 93–105.

REFERENCES

1. Dahov I.G. (2013). Fighting corruption as a tool for the development of the economy of municipalities, *Bulletin of AKSOR*, no. 4 (28), pp. 152–157.

2. About countering corruption. Federal Law no. 273-FZ dated December 25, 2008 (ed. 28.12.2017). Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2008, no. 52 (part 1). Art. 6228.

3. Shchedrin N.V. (2009). Determination of corruption in federal law, *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, no. 3, pp. 31–36.

4. Neznamova Z.A. (2000). Signs of corruption as a social phenomenon, *Actual problems of the theory of the fight against crime and law enforcement practice*. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, pp. 32–38.

5. Dimant E. (2013). The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective, *Economics Discussion Papers*, no. 59. Kiel Institute for the World Economy. URL: http://www.economicsejournal.org/economics/discussionpapers/2013-59 (accessed 01.02.2021).

6. De Graaf G., Wagenaar P., Hoenderboom M. (2010). Constructing corruption. In: de Graaf G., von Maravic P., Wagener P. (eds.). The Good Cause. Theoretical Perspectives on Corruption. Opladen & Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers. pp. 98–114.

7. Carepova S.G., Pinchuk A.N., Nekrasov S.V., Tikhomirov D.A. (2019). Moscow students about corruption and anti-corruption activities in modern society: based on the materials of the focus group study, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 22, no. 1, pp. 113–137.

8. Barsukova S.Yu. (2008). Corruption: Scientific debates and Russian reality, *Social Sciences and Modernity*, no. 5, pp. 36–47.

9. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (2012). Psychological factors of corruption, *Applied juridical psychology*, no. 1, pp. 8–21.

10. Sosnin V.A., Kitova D.A. (2018). Macro-psycho-sociological aspects of the study of corruption, *Science. Culture. Society*, no. 1, pp. 129–141.

11. Lee S. (2019). Improving the mechanism of combating corruption in China's higher educational institutions in the new conditions, *Power*, vol. 27, no. 3, pp. 223–230.

12. Frolova I.I. (2010). Corruption in institutions of higher professional education: the results of a specific sociological study, *Actual problems of the economy and law*, no. 4, pp. 147–149.

13. Damm I.A. (2016). Corruption in education: concept, characteristics, shapes and types, *Actual problems of the economy and law*, vol. 10, no. 4, pp. 5–17. DOI: 10.21202/1993-047x.10.2016.4.5-17.

14. Vorontsova S.V. (2018). Corruption forms in higher education system, *Bulletin of the Moscow Institute for Humanity and Economics*, no. 1, pp. 14–20.

15. Bobrova N.A. (2018). Fight against corruption in universities, *Bulletin of the International Market Institute*, no. 1, pp. 89–93.

16. Titaev K.D. (2011). How much does cost the exam for the people? Etude on Corruption in

Higher Education, *Economics and Education*, no. 1, pp. 124–134.

17. Sycheva A.V. (2015). Corruption in higher education: corrosion of legal consciousness, *Scientific notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*, vol. 1 (67), no. 4, pp. 109–116.

18. Kamensky E.G. (2014). Modernization, corruption, social institutions: the results of surveys of universities staff, *Izvestia South-West State University. Series: Economy. Sociology. Management*, no. 4, pp. 122–128.

19. Logunova O.A., Logunova E.G. (2016). The problem of corruption in the field of education: the experience of sociological analysis, *Discussion*, no. 5, pp. 63–74.

20. Prozorovskaya K.A. (2013). Corruption and other destructive phenomena in the field of education in Russia (according to the results of students' surveillance), *System of values of modern society*, no. 29, pp. 143–148.

21. Kalyuzhny N.V. (2016). Corruption in higher education system. Experience of foreign countries. In: Law and order in the modern world: topical problems of security and protection. Khabarovsk. Pp. 73–80.

22. Caretova S.G., Pinchuk A.N., Nekrasov S.V., Tikhomirov D.A. (2019). Moscow students about corruption and anti-corruption activities in modern society: based on the materials of the focus group study, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 22, no. 1, pp. 113–137.

23. Logunova O.A., Logunova E.G. (2016). The problem of corruption in the field of education: experience of sociological analysis, *Journal of scientific publications*, no. 5 (68), pp. 68–75.

24. Kondral D.P., Florea V.M., Shilova S.V. Fight against corruption in the system of higher education in Russia, *Management issues*, no. 6, pp. 211–215.

25. Makarova M.N., Vakhrushev R.V. (2014). Corruption in higher education and academic ethics, Higher education in Russia, no. 12, pp. 55–62.

AUTHORS' INFORMATION:

Valeriy I. Sharin – Advanced Doctor in Economic Sciences; Ural State University of Economicis (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia); Sharin_vi@usue.ru.

Anna V. Vakhmyanina – Ural State University of Economicis (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia); cafetr@usue.ru.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

CORPORATE MANAGEMENT

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-107-120 ВАК: 08.00.05

СТРУКТУРНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ НАУЧНОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Д.Г. Сандлер[1*a*], **Д.А. Гладырев**[2*a*]

[*a*]Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Государственные программы, нацеленные на ускорение развития университетов и особенно на поддержку исследовательской деятельности, существуют во многих странах мира. В России в 2021 году на смену «Проекту 5–100» приходит программа «ПРИОРИТЕТ 2030» (Программа стратегического академического лидерства). Новая программа актуализировала вопрос изучения факторов, влияющих на различные научные показатели российских университетов.

Данное исследование рассматривает показатели количества (число публикаций) и качества (число цитирований) исследовательской активности российских университетов по трём основным базам данных (*Web of Science*, *Scopus*, РИНЦ) и влияние на них факторов разных типов: образовательных, экономических, структурных, а также связанных с интернационализацией. Для этого использовались данные мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования по 49 крупнейшим российским университетам за четыре года. Основным методом исследования является эконометрический анализ с использованием моделей панельных данных.

Результаты исследования показали, что на показатели университетов в международных базах данных наибольшее влияние оказывают показатели интернационализации (число иностранных сотрудников и число иностранных аспирантов) и число выигранных грантов. На число цитирований влияет число защит диссертаций организации за отчётный год и высока вероятность влияния доли внебюджетных доходов университета. На число публикаций влияют качество приёма студентов, отношение зарплаты сотрудников к среднерегиональной и доля штатных сотрудников.

В случае с показателями университета в базе данных РИНЦ (преимущественно состоящей из отечественных изданий) факторы меняются: в модели для числа публикаций перестаёт быть значимым качество приёма студентов и число иностранных аспирантов, при этом значимость приобрели показатели доли внебюджетных доходов и доли сотрудников с учёной степенью. Доля штатных сотрудников вновь является значимой, но если с числом международных публикаций связь была обратной, то теперь она стала прямой.

Данное исследование может помочь руководству университетов при формировании стратегии улучшения различных научных показателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегическое развитие университетов, конкурентоспособность университетов, менеджмент науки, наукометрия, интернационализация университетов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сандлер Д.Г., Гладырев Д.А. (2021). Структурные, экономические и образовательные факторы научной результативности российских университетов // Вопросы управления. № 3. С. 107–120.

Рост научной результативности университетов является важной целью государственной политики во всём мире. Такие мероприятия, как *Research Assessment Exercise* (RAE), позднее заменённая на *Research Excellence Framework* (REF) в Великобритании, *Excellence in Research* (ERA) в Австралии и *Performance Based Research Funding* (PBRF) в Новой Зеландии были учреждены для достижения этой цели, а также достижения показателей научной результативности и открытости университетов [1]. На международном уровне роль кри-

[1]AuthorID РИНЦ: 429313, ScopusID: 56581474400

[2]AuthorID РИНЦ: 948938, ScopusID: 57208191401

© Сандлер Д.Г., Гладырев Д.А., 2021

териев достижения целей выполняют рейтинги университетов, чаще всего концентрирующиеся именно на их научной результативности [2]. Вместе, с тем влияние на конкурентоспособность вузов и на их положение в рейтингах, показателей относящихся к другим сферам деятельности университета убедительно раскрывается во многих работах (например, [3]) Однако, взаимосвязь показателей из различных сфер деятельности современных университетов раскрыта на наш взгляд недостаточно.

В России важную управленческую функцию выполняет Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования[3]. Также 15 (позднее 21) российских университетов с 2013 по 2020 год были участниками Проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (Проект 5-100)[4], нацеленного на повышение международной конкурентоспособности и продвижение в мировых рейтингах. Проект оказал заметное позитивное влияние на научную результативность его участников [4; 5]. В 2021 году начинается программа «ПРИОРИТЕТ 2030» (Программа стратегического академического лидерства), которая определит новые вызовы и возможности для крупнейших российских университетов[5].

Показатели количества и качества публикационной активности играют важную роль как в вышеупомянутых национальных мероприятиях, так и в международных рейтингах [6]. В связи с этим, приобретает актуальность вопрос изучения факторов, которые влияют на данные показатели.

Прежде всего, существующие исследования показывают, что показатели количества и качества научной результативности университетов не противоречат друг другу, а наоборот – связаны прямой зависимостью [7–9]. Отдельные исследователи концентрировались на факторах научных результативности на индивидуальном уровне, отмечая влияние различных персональных характеристик [10] и пола [11].

На уровне университетов выделены следующие факторы: размер университета, размер города, средний возраст исследователей, расположение страны [12], международная активность [13], объём финансирования [14], наличие прямых стимулирующих выплат за публикации [15], институциональные характеристики страны университета [16].

В исследовании на российских данных [17] была отмечена высокая корреляционная связь между числом цитирований и такими факторами как: численность иностранных студентов (+), средний балл приёма (+), доля штатных сотрудников (–), доля публикаций по физике (+). С числом публикаций были связаны все те же переменные, а также добавились: доля публикаций с международной коллаборацией (+) и зарплата сотрудников (+).

В другом российском исследовании, проведённом, впрочем, ещё в 2009 году до старта «Проекта 5-100», был сделан вывод, что администрация университета крайне ограничена в своём влиянии на научную результативность сотрудников, и она практически полностью зависит от самих сотрудников [18]. В ещё одном исследовании был рассмотрен кейс регионального университета, где был введён эффективный контракт. Было обнаружено, что его введение всё же повлияло на количество публикаций, но не улучшило их качество [19]. Причиной может быть общая специфика российской академической среды: низкая трудовая мобильность и отсутствие единых стандартов исследовательской деятельности [18]. Также это может объясняться тем, что зарплата не является основным стимулом сотрудников университетов: об этом говорят данные опросов [20]. Основная часть сотрудников российских университетов по-прежнему в большей мере фокусируются на преподавании, а не на научной работе, хотя интерес к науке в последние годы вырос. При этом,

[3]Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring.

[4]Проект 5-100. URL: https://5top100.ru/.

[5]Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 3697-р. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101050007?index=0.

несмотря на рост числа публикаций сотрудников российских университетов, более половины из них являются платными и низкокачественными [21]. Возможной причиной таких предпочтений российских преподавателей называется особенность организации научной деятельности в СССР, где наука была отделена от вузов [22].

Стоит отметить и наличие российских обзорных работ, рассматривающих как саму проблематику оценки научной результативности, так и её факторы на индивидуальном и организационном уровне [23–25].

Данное исследование нацелено не на простой поиск корреляционных зависимостей (который бы просто отразил факт, что у ведущих университетов большинство показателей высокие, а у остальных – ниже), а на многофакторный анализ основных показателей научной результативности университетов России: числа публикаций и числа их цитирований. Результаты исследования могут использоваться руководством университетов с целью улучшить понимание способов улучшения различных научных показателей.

Данные и методы

Для проведения исследования использовались экономические, структурные и наукометрические данные по 49 крупнейшим университетам России за 4 года (2015–2018 гг.). В число вошедших в выборку университетов вошли все участники проекта 5-100, все федеральные университеты (кроме Крымского), все НИУ (кроме СПб АУ РАН), а также оставшиеся университеты России, входящие в международные рейтинги QS или THE (табл. 1).

Основной массив данных был выгружен из мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования[6]: всего 63 переменные.

Основным методом исследования является регрессионный анализ с использованием моделей панельных данных. Лаговые переменные (с отставанием в один или более год) не использовались для анализа, так как уменьшают репрезентативность выборки (табл. 2).

Данный выбор обусловлен тем, что именно *Web of Science* и *Scopus* являются двумя основными международными базами данных публикаций, лежащими в основе большинства федеральных программ. Из-за того, что эти базы в значительной мере пересекаются (практически все авторитетные журналы входят в обе базы данных), ожидается, что результаты моделирования для них будут крайне похожи. Третья база данных – РИНЦ содержит, в основном, публикации в российских изданиях. Хотя её показатели всё реже используются в качестве целевых, интерес вызывает то, влияют ли на них те же факторы, что на публикации в *Web of Science* и *Scopus*. Отметим, что в российских реалиях удельные показатели количества публикаций в международных базах данных уже могут интерпретироваться как своеобразные показатели качества научной деятельности.

Число цитирований в базах данных *Web of Science*, *Scopus* и РИНЦ выступает в роли показателя качества статей университета. Действительно: именно число цитирований является основным мерилом востребованности статей в мировой научной среде; также очевидно, что статьи в более качественных и цитируемых журналах цитируются чаще. Другим решением является использование переменных числа публикаций в журналах с импакт-фактором выше определённого значения или числа публикаций в журналах определённых квартилей, однако данное решение сопряжено с рядом методологических трудностей (в частности, в *Web of Science* сам факт наличия у журнала импакт-фактора или квартиля сильно зависит от предметной области); также, в отличие от числа цитирований, данные переменные отсутствуют в мониторинге эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования.

В таблице 3 перечислены переменные, включённые в модель в качестве объясняющих. Их выбор обусловлен как проведённым ранее анализом литературы, так и стремлением представить все основные сферы университетских показателей: качество приёма, интернационализация, экономические показатели, научная деятельность и кадровые показатели.

[6]Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo.

Таблица 1 – Список университетов, входящих в выборку

Table 1 – List of universities included in the sample

№	Университет	5-100	Фед.	НИУ
1	Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта	+	+	
2	Белгородский государственный национальный исследовательский университет			+
3	Воронежский государственный университет			
4	Высшая школа экономики	+		+
5	Дальневосточный федеральный университет	+	+	
6	Иркутский национальный исследовательский технический университет			+
7	Казанский (Приволжский) федеральный университет	+	+	
8	Казанский национальный исследовательский технический университет			+
9	Казанский национальный исследовательский технологический университет			+
10	Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва			+
11	Московский авиационный институт			+
12	Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)			
13	Московский государственный строительный университет			+
14	Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана			+
15	Московский государственный университет			
16	Московский физико-технический институт	+		+
17	Московский энергетический институт			+
18	Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»	+		+
19	Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»			+
20	Национальный исследовательский университет ИТМО	+		+
21	Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»	+		+
22	Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского	+		+
23	Новосибирский государственный технический университет			
24	Новосибирский государственный университет	+		+
25	Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова	+		
26	Пермский государственный университет			+
27	Пермский национальный исследовательский политехнический университет			+
28	Россиийский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина			+
29	Российская академия народного хозяйства и государственной службы			
30	Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова			+
31	Российский университет дружбы народов	+		
32	Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова			
33	Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва	+		+
34	Санкт-Петербургский горный университет			+
35	Санкт-Петербургский государственный университет			
36	Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»	+		
37	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	+		+
38	Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского			+
39	Северный (Арктический) федеральный университет		+	
40	Северо-Восточный федеральный университет		+	
41	Северо-Кавказский федеральный университет		+	
42	Сибирский федеральный университет	+	+	
43	Томский государственный университет	+		+
44	Томский политехнический университет	+		+
45	Тюменский государственный университет	+		
46	Уральский федеральный университет	+	+	
47	Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации			
48	Южно-Уральский государственный университет	+		+
49	Южный федеральный университет		+	

Таблица 2 – Переменные, выбранные для изучения

Table 2 – Variables selected for study

Переменная	Описание
Показатели качества	
Цитирования *Web of Science*	Количество цитирований публикаций, изданных за последние 5 лет, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science в расчете на 100 НПР
Цитирования *Scopus*	Количество цитирований публикаций, изданных за последние 5 лет, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Scopus в расчете на 100 НПР
Цитирования РИНЦ	Количество цитирований публикаций, изданных за последние 5 лет, индексируемых в Российском индексе научного цитирования (далее – РИНЦ) в расчете на 100 НПР
Показатели количества	
Публикации *Web of Science*	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Web of Science, в расчете на 100 НПР
Публикации *Scopus*	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования Scopus, в расчете на 100 НПР
Публикации РИНЦ	Число публикаций организации, индексируемых в информационно-аналитической системе научного цитирования РИНЦ, в расчете на 100 НПР

Таблица 3 – Переменные, выбранные для включения в модель

Table 3 – Variables selected for the model

Переменная	Описание
Балл ЕГЭ	Усредненный по реализуемым направлениям (специальностям) минимальный балл ЕГЭ студентов, принятых по результатам ЕГЭ на обучение по очной форме на программы бакалавриата и специалитета
Молодые НПР	Удельный вес численности НПР без ученой степени – до 30 лет, кандидатов наук – до 35 лет, докторов наук – до 40 лет, в общей численности НПР
Защиты	Удельный вес научно-педагогических работников, защитивших кандидатские и докторские диссертации за отчетный период в общей численности НПР
Гранты	Количество полученных грантов за отчетный год в расчете на 100 НПР
Иностранные НПР	Удельный вес численности иностранных граждан из числа НПР в общей численности НПР
Иностранные аспиранты	Удельный вес численности иностранных граждан (кроме стран СНГ) из числа аспирантов (адъюнктов), ординаторов, ассистентов-стажеров образовательной организации в общей численности аспирантов (адъюнктов), ординаторов, ассистентов-стажеров
Доля внебюджетных доходов	Доля доходов из средств от приносящей доход деятельности в доходах по всем видам финансового обеспечения (деятельности) образовательной организации
Зарплата	Отношение средней заработной платы НПР в образовательной организации (из всех источников) к средней заработной плате по экономике региона
Степень	Удельный вес НПР, имеющих ученую степень кандидата и доктора наук, в общей численности НПР образовательной организации (без совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера)
Доля штатных	Доля штатных работников ППС в общей численности ППС

Результаты

Таблица 4 содержит корреляционную матрицу со всеми рассматриваемыми переменными. Она подтверждает сделанное ранее предположение о похожести показателей Scopus и Web of Science: показатели числа цитирований между базами имеют коэффициент корреляции 0,99, а показатели числа публикаций имеют коэффициент корреляции 0,97. Эти результаты говорят, что хотя численно показатели научной результативности по Scopus и Web of Science могут различаться, их динамика и вариация между университетами практически идентичны. С РИНЦ ситуация иная: если по цитируемости он ещё заметно коррелирует со Scopus и Web of Science (0,74 для обеих международных баз), то по числу публикаций корреляция с ними практически отсутствует (0,07 и 0,06). Данное различие можно объяснить тем, что если цель улучшения качества исследований приводит к росту качества публикаций и их цитируемости во всех базах данных, то цель увеличения количества публикаций в международных базах практически никак не отражается на количестве публикаций в РИНЦ (а в отдельных университетах, вероятно, даже приводит к его уменьшению).

Таблица 4 – Корреляционная матрица со всеми рассматриваемыми переменными

Table 4 – Correlation matrix with all considered variables

	ЦW	ЦS	ЦР	ПW	ПS	ПР	ЕГЭ	МОЛ	ЗАЩ	ГР	ИНН	ИНА	ВНЕ	ЗП	СТЕ	ШТ
ЦW	1,00															
ЦS	**0,99**	1,00														
ЦР	**0,74**	**0,74**	1,00													
ПW	**0,80**	**0,80**	**0,55**	1,00												
ПS	**0,81**	**0,81**	**0,56**	**0,97**	1,00											
ПР	0,07	0,07	0,31	0,07	0,06	1,00										
ЕГЭ	0,48	0,47	0,40	**0,51**	**0,51**	0,03	1,00									
МОЛ	0,04	0,04	– 0,03	0,14	0,16	– 0,09	0,08	1,00								
ЗАЩ	0,07	0,07	0,00	0,16	0,18	– 0,11	0,18	0,26	1,00							
ГР	0,30	0,31	0,10	0,43	0,44	– 0,05	0,31	0,34	0,26	1,00						
ИНН	0,49	0,50	0,44	**0,57**	**0,63**	0,17	0,45	0,13	0,17	0,30	1,00					
ИНА	0,06	0,08	0,03	0,13	0,14	0,00	– 0,01	– 0,19	0,25	– 0,04	0,03	1,00				
ВНЕ	– 0,14	– 0,14	– 0,02	– 0,19	– 0,20	0,22	– 0,01	– 0,02	0,04	– 0,18	– 0,05	0,35	1,00			
ЗП	0,22	0,22	0,13	**0,51**	**0,53**	0,11	0,17	0,28	0,08	0,34	0,36	0,03	0,03	1,00		
СТЕ	– 0,11	– 0,08	0,02	– 0,10	– 0,08	0,21	– 0,09	– 0,05	0,20	0,12	– 0,04	0,03	0,00	– 0,17	1,00	
ШТ	– 0,58	– 0,55	– 0,30	**– 0,57**	**– 0,54**	0,03	– 0,35	– 0,04	– 0,13	– 0,02	– 0,17	– 0,10	0,14	– 0,16	0,31	1,00

Обозначения: ЦW – Цитирования WoS; ЦS – Цитирования Scopus; ЦР – Цитирования РИНЦ; ПW – Публикации WoS; ПS – Публикации Scopus; ПР – Публикации РИНЦ; ЕГЭ – Балл ЕГЭ; МОЛ – Молодые НПР; ЗАЩ – Защиты; ГР – Гранты; ИНН – Иностранные НПР; ИНА – Иностранные аспиранты; ВНЕ – Доля внебюджетных доходов; ЗП – Зарплата; СТЕ – Степень; ШТ – Доля штатных.

Также корреляционная матрица подтверждает высокую положительную связь между количеством и качеством (числом цитирований) публикаций для *Web of Science* (0,8) и *Scopus* (0,81), но не для РИНЦ (0,31). Это может быть объяснено тем, что уже сам факт публикации в Web of Science и Scopus является некоторым относительным индикатором её качества, в то время как в РИНЦ барьеры для индексации издания многократно ниже.

Составленная корреляционная матрица также подтверждает отсутствие высоких коэффициентов корреляции для всех объясняющих переменных, что свидетельствует о возможности использования выбранного набора переменных для регрессионного анализа.

Первые три модели исследуют факторы качества публикаций университета, измеряемого числом цитирований на 100 НПР в разных базах данных. В результате сопоставления различных типов моделей панельных данных, в качестве итоговой модели для всех трёх баз данных была выбрана панельная модель с фиксированными эффектами. Полученные модели отображены в таблице 5.

Для университетского администратора имеет смысл обратить внимание, какие именно факторы оказались значимыми в различных моделях (чем больше звёздочек, тем достовернее значимость), а также на знаки коэффициентов перед такими факторами. Положительный знак коэффициента свидетельствует о прямом влиянии фактора (чем он выше – тем выше исследуемая переменная, и наоборот); отрицательный знак – об обратном (чем он выше – тем ниже исследуемая переменная, и наоборот).

Для баз *Scopus* и *Web of Science* результаты оказались крайне похожими: три переменные показали максимальную значимость: количество грантов, число иностранных НПР и число иностранных аспирантов. В случае числа цитирований в *Web of Science*, значимым оказался также показатель числа защит диссертаций за год. Коэффициенты при всех этих факторах являются положительными, что говорит о прямом влиянии на число цитирований. Сами значения коэффициентов позволяют оценить влияние фактора внутри отдельных университетов: как изменится число цитирований на 100 НПР при увеличении фактора на единицу. С учётом того, что некоторые факторы выражают долю, в их случае значение коэффициента можно поделить на 100. Таким образом, получаем следующую интерпретацию значимых коэффициентов для отдельных университетов при условии неизменности остальных факторов:

Таблица 5 – Коэффициенты моделей для числа цитирований публикаций университета

Table 5 – Coefficients of models for the number of citations

Объясняющая переменная (фактор)	**Модель для числа цитирований**		
	в Web of Science	в Scopus	в РИНЦ
Балл ЕГЭ	-16,85 (10,64)	-20,1 (12,42)	-1,75 (12,12)
Молодые НПР	2,14 (9,04)	2,93 (10,55)	0,29 (10,29)
Защиты	102,03** (51,16)	85 (59,69)	72,84 (58,23)
Гранты	39,53*** (12,37)	43,82*** (14,44)	35,34** (14,08)
Иностранные НПР	120,63*** (35,69)	133,93*** (41,64)	199,03*** (40,62)
Иностранные аспиранты	92,96*** (23,97)	108,14*** (27,97)	92,52*** (27,29)
Доля внебюджетных доходов	9,26 (6,56)	10,52 (7,66)	12,62* (7,47)
Зарплата	-0,79 (1,78)	-0,83 (2,08)	0,44 (2,03)
Степень	1,9 (13,7)	5,5 (15,99)	17,46 (15,6)
Доля штатных	-17,77 (12,16)	-20,75 (14,19)	-0,45 (13,85)
Константа	1054,68 (1477,68)	1057,82 (1724,29)	-2066,6 (1682,12)
N (число наблюдений)	196	196	196
Число групп (университетов)	49	49	49
R-sq (показатели качества подгонки модели)	within = 0.3279 between = 0.1385 overall = 0.1652	within = 0.3187 between = 0.1390 overall = 0.1650	within = 0.4127 between = 0.0145 overall = 0.0753

Метод: панельная регрессия с фиксированными эффектами.
Стандартные ошибки приведены в скобках.
*Обозначения: *** Значима на 1 % у. з.; ** Значима на 5 % у. з.; * Значима на 10 % у. з.*

– при увеличении доли защитившихся за отчетный год сотрудников на 1 процентный пункт, число цитирований на 100 НПР оценочно возрастает на 0,4 в *Web of Science*.

– при увеличении количества грантов на 100 НПР на единицу, число цитирований на 100 НПР оценочно возрастает на 39,53 в *Web of Science* и 43,82 в *Scopus*.

– при увеличении доли иностранных НПР на 1 процентный пункт, число цитирований на 100 НПР оценочно возрастает на 1,21 в *Web of Science* и 1,34 в *Scopus*.

– при увеличении доли иностранных аспирантов на 1 процентный пункт, число цитирований на 100 НПР оценочно возрастает на 0,93 в *Web of Science* и 1,08 в *Scopus*.

Необходимо отметить, что данная интерпретация показывает лишь независимое влияние фактора, когда значения остальных переменных неизменны, но на практике обычно происходит увеличение сразу нескольких показателей одновременно.

Полученные результаты можно легко объяснить. Грантовая активность тесно связана с публикационной активностью, так как хорошие публикации являются как одним из условий получения гранта, так и требованием работы в его рамках. Убедительная значимость обеих переменных, связанных с интернационализацией (иностранные НПР и аспиранты), подтверждает её важность. Влияние тут может быть двойственное: за счёт публикаций и цитирований самих иностранных исследователей, так и за счёт атмосферы, которую создаёт международный научный коллектив: в таком окружении легче научиться соответствовать международным требованиям к публикациям и легче продвигать свои исследования в других странах. Влияние показателя защит в текущем году также объяснимо: подготовка к защите диссертации свидетельствует об активной научной работе в университете.

Коэффициенты при доле внебюджетных доходов в моделях для числа цитирований в международных базах данных являются положительными. Хотя высокая величина стандартной ошибки не позволяет признать эти коэффициенты значимыми хотя бы на 10 % уровне значимости, полученные результаты говорят о возможном прямом влиянии данной переменной. Это было бы вполне ожидаемо: университеты с высокой предпринимательской активностью имеют больше компетенций для проведения качественных научных исследований и их продвижения в мировой научной среде.

Таблица 6 – Коэффициенты моделей для числа цитирований публикаций университета

Table 6 – Coefficients of models for the number of publications

Объясняющая переменная (фактор)	**Модель для числа публикаций**		
	в Web of Science	в Scopus	в РИНЦ
Балл ЕГЭ	1,57*** (0,53)	1,32*** (0,49)	1,29 (2,46)
Молодые НПР	-0,36 (0,45)	0,06 (0,42)	1,39 (2,09)
Защиты	1 (2,53)	1,42 (2,38)	0,37 (11,8)
Гранты	1,36** (0,61)	1,17** (0,57)	4,25 (2,85)
Иностранные НПР	8,09*** (1,77)	11,26*** (1,66)	25,32*** (8,23)
Иностранные аспиранты	4,84*** (1,19)	4,72*** (1,11)	7,38 (5,53)
Доля внебюджетных доходов	0,25 (0,33)	0,1 (0,31)	3,39** (1,51)
Зарплата	0,14 (0,09)	0,19** (0,08)	1,08* (0,41)
Степень	0,94 (0,68)	1,03 (0,64)	7,2** (3,16)
Доля штатных	-1,53** (0,6)	-1,61*** (0,57)	7,27** (2,81)
Константа	-65,46 (73,22)	-58,6 (68,67)	-1369,47 (340,92)
N (число наблюдений)	196	196	196
Число групп (университетов)	49	49	49
R-sq (показатели качества подгонки модели)	within = 0.5564 between = 0.5415 overall = 0.5398	within = 0.6367 between = 0.6213 overall = 0.6228	within = 0.3926 between = 0.0141 overall = 0.0502

Метод: панельная регрессия с фиксированными эффектами.
Стандартные ошибки приведены в скобках.
*Обозначения: *** Значима на 1 % у. з.; ** Значима на 5 % у. з.; * Значима на 10 % у. з.*

В случае с цитированиями в РИНЦ результаты по количеству грантов, числу иностранных НПР и иностранных аспирантов довольно похожие. Это согласуется с ранее упомянутым фактом, что по показателю цитирования РИНЦ (в отличие от показателя количества) довольно высоко коррелирует с показателями международных баз. В случае с количеством цитирований РИНЦ также достаточно достоверно значим показатель доли внебюджетных доходов (положительное влияние), который для цитирований в Scopus и Web of Science, впрочем, тоже был близок к статистической значимости. Это может являться свидетельством того, что университеты с более высокой экономической самостоятельностью имеют более высокую научную результативность. В целом, для цитирований в РИНЦ получаем следующую интерпретацию значимых коэффициентов при условии неизменности остальных факторов:

– при увеличении количества грантов на 100 НПР на единицу, число цитирований на 100 НПР оценочно возрастает на 35,34 в РИНЦ;

– при увеличении доли иностранных НПР на 1 процентный пункт, число цитирований на 100 НПР оценочно возрастает на 1,99 в РИНЦ;

– при увеличении доли иностранных аспирантов на 1 процентный пункт, число цитирований на 100 НПР оценочно возрастает на 0,93 в РИНЦ.

Следующие три модели исследуют факторы количества публикаций университета, в разных базах данных. Вновь после тестирования для всех трёх моделей была выбрана панельная модель с фиксированными эффектами. Полученные модели отображены в таблице 6.

Для университетского администратора имеет смысл обратить внимание, какие именно факторы оказались значимыми в различных моделях (чем больше звёздочек, тем достовернее значимость), а также на знаки коэффициентов перед такими факторами. Положительный знак коэффициента свидетельствует о прямом влиянии фактора (чем он выше – тем выше исследуемая переменная, и наоборот); отрицательный знак – об обратном (чем он выше – тем ниже исследуемая переменная, и наоборот).

По числу публикаций в Web of Science и Scopus вновь максимальную значимость на имеют показатели интернационализации: число иностранных НПР и число иностранных аспирантов. Число полученных грантов для обеих баз также оказалось значимым. Ко-

эффициенты при всех упомянутых переменных оказались положительными, что свидетельствует о прямом влиянии на изучаемые переменные (чем выше значение объясняющей переменной, тем выше значение объясняемой).

В то же время есть и заметные различия в сравнении с предыдущими моделями для числа цитирований. Во-первых, значимым оказался показатель качества приёма (усреднённый минимальный балл ЕГЭ). Ещё одной переменной, которая стала значима лишь в моделях для количества публикаций, является доля штатных сотрудников. Коэффициент при переменной в этих моделях отрицательный, что может говорить о том, что значительную долю публикаций в международных изданиях обеспечивают внештатные сотрудники университетов. Для числа публикаций в Scopus на 5 % уровне значимости оказалась значима переменная отношения зарплаты сотрудников к среднерегиональной.

В результате моделирования получаем следующую интерпретацию значимых коэффициентов для отдельных университетов при условии неизменности остальных факторов:

– при увеличении усредненного минимального балла ЕГЭ студентов на единицу, число публикаций на 100 НПР оценочно возрастает на 1,57 в *Web of Science* и 1,32 в *Scopus*.

– при увеличении количества грантов на 100 НПР на единицу, число публикаций на 100 НПР оценочно возрастает на 1,36 в *Web of Science* и 1,17 в *Scopus*.

– при увеличении доли иностранных НПР на 1 процентный пункт, число публикаций на 100 НПР оценочно возрастает на 0,081 в *Web of Science* и 0,11 в *Scopus*.

– при увеличении доли иностранных аспирантов на 1 процентный пункт, число публикаций на 100 НПР оценочно возрастает на 0,048 в *Web of Science* и 0,047 в *Scopus*.

– при увеличении отношения зарплаты сотрудников к среднерегиональной на единицу, число публикаций на 100 НПР оценочно увеличивается 0,19 в *Scopus*.

– при увеличении доли штатных сотрудников на 1 процентный пункт, число публикаций на 100 НПР оценочно уменьшается на 0,015 в *Web of Science* и 0,016 в *Scopus*.

Необходимо отметить, что данная интерпретация показывает лишь независимое влияние фактора, когда значения остальных переменных неизменны, но на практике обычно происходит увеличение сразу нескольких показателей одновременно.

Объяснение части результатов может дублироваться из описания предыдущей модели, поэтому сконцентрируемся на новых результатах. Университеты с наиболее высоким качеством приёма отличаются более высоким числом публикаций. Данный результат может объясняться тем, что университеты с наиболее высокой привлекательностью для талантливых абитуриентов (при прочих равных факторах) в большей мере нацелены на публикацию большого числа работ, индексируемых в Scopus и Web of Science. При этом, несмотря на всю тесноту связи между показателями количества и качества публикаций, про качество публикаций (число цитирований) то же самое сказать нельзя: в моделях для числа цитирований коэффициент при данной переменной значим не был, более того – был отрицательным. Возможно, многие преподаватели, ранее занимавшиеся лишь образовательной деятельностью и не публиковавшиеся в международных изданиях, научились решать задачу публикации в них, но пока имеют низкий уровень цитируемости.

Это может объясняться мотивационным фактором: чем выше оплата труда, тем более квалифицированных сотрудников может привлечь университет.

Стоит также отметить более высокую объясняющую способность модели (для международных баз данных). Это может быть обусловлено тем, что существовавшие до 2021 года федеральные программы (как и программы университетов) были в большей мере нацелены на увеличение количественных показателей публикаций.

В случае с количеством публикаций в РИНЦ результаты иные: совпадает лишь значимость числа иностранных НПР. Стали значимыми доля внебюджетных доходов, число сотрудников с ученой степенью и зарплата сотрудников (влияние всех переменных положительное).

Интерпретация коэффициентов для публикаций в РИНЦ вышла следующей:

– при увеличении доли иностранных НПР на 1 процентный пункт, число публикаций на 100 НПР оценочно возрастает на 0,25 в РИНЦ;

– при увеличении доли внебюджетных доходов на 1 процентный пункт, число публикаций на 100 НПР оценочно возрастает на 0,034 в РИНЦ;

– при увеличении отношения зарплаты сотрудников к среднерегиональной на единицу, число публикаций на 100 НПР оценочно увеличивается на 1,08 в РИНЦ;

– при увеличении доли сотрудников с учёной степенью на единицу, число публикаций на 100 НПР оценочно увеличивается на 0,072 в РИНЦ;

– при увеличении доли штатных сотрудников на 1 процентный пункт, число публикаций на 100 НПР оценочно увеличивается на 0,073 в РИНЦ.

В модели для РИНЦ наиболее интересным результатом является значимость переменой доли штатных сотрудников, как было и в модели для Web of Science и Scopus, но с противоположным знаком – на этот раз влияние переменной положительное (чем выше число штатных сотрудников, тем больше число публикаций в РИНЦ).

Таким образом, университеты с высокой долей внештатных сотрудников не только в большей мере склонны публиковаться в журналах, индексируемых в международных базах данных, но и в меньшей мере склонны публиковаться в журналах, индексируемых в РИНЦ.

Заключение

Показатели количества и качества публикационной активности лежат в основе большинства федеральных и внутриуниверситетских стратегических программ в России, при этом наблюдается постепенный рост значимости показателей качества и ужесточение методики расчёта удельных показателей количества публикаций (одним из наиболее ярких проявлений этого является предстоящая программа «ПРИОРИТЕТ 2030»).

Проведённое исследование продемонстрировало, что факторы, влияющие на показатели университетов в базах данных *Web of Science* и *Scopus*, вышли очень похожими вследствие пересекающегося контента баз. Наиболее достоверное и прямое влияние на число публикаций и цитирований университета оказывают показатели интернационализации – число иностранных НПР и число иностранных аспирантов. Несмотря на то, что эти показатели кажутся похожими, исследование продемонстрировало низкий уровень корреляции между ними, а также их независимое влияние на показатели научной результативности. Если доказанность значимости иностранных НПР является ожидаемым результатом, то значимость иностранных аспирантов менее очевидна[7]. Она свидетельствует о важности учёта разных аспектов интернационализации. Если в новой программе «ПРИОРИТЕТ 2030» они и потеряли важную роль в качестве независимых критериев успешности выполнения программы, то они остаются важным инструментом для достижения высоких показателей публикационной активности.

Доказанная связь числа публикаций университета и качества приёма нуждается в дальнейшем изучении причинно-следственных отношений. Действительно: высокая научная активность привлекает талантливых абитуриентов или же талантливые студенты вносят вклад в развитие научной деятельности университета? Этот вопрос является дискуссионным, возможно и то, что связь является двунаправленной.

Обратная связь между долей штатных сотрудников и числом публикаций в международных базах данных свидетельствует о важности гибкой кадровой политики. Но слепой найм высокого числа внештатных сотрудников едва ли может быть двигателем развития научной деятельности; об этом свидетельствует и то, что важность этого показателя для числа цитирований уже перестала быть статистически достоверной.

Отдельный интерес представляли экономические факторы. Были обнаружены свидетель-

[7] Опыт УрФУ показывает, что иностранные аспиранты действительно играют важную роль в научной работе университета: они демонстрируют большую вовлеченность в науку, чаще защищают диссертации в срок и имеют публикации более высокого уровня, чем российские аспиранты.

ства возможного прямого влияния доли внебюджетных доходов на показатели цитируемости в международных базах данных. Это может быть дополнительным аргументом в пользу важности предпринимательской активности университета. Другим отмеченным в исследовании фактором научной результативности является отношение зарплаты сотрудников к среднерегиональной – это говорит о важности финансовой мотивации. Все эти результаты доказывают связь экономической устойчивости университета и его конкурентоспособности в развитии научной деятельности.

Факторы, влияющие на показатели университета в РИНЦ, довольно заметно отличаются от факторов показателей в международных базах данных. В первую очередь, это касается числа публикаций: вероятно, число публикаций в РИНЦ не может выступать в качестве индикатора научной активности университета ввиду низких барьеров для индексации изданий. В то же время, если перейти к показателям качества публикаций (числу цитирований), РИНЦ становится более похожим на международные базы данных. Стоит отметить и то, что показатели в РИНЦ становятся все менее значимыми для университетских управленцев по причине их отсутствия в федеральных программах.

Данное исследование позволяет лучше понять факторы, стоящие за научной результативностью университетов для формирования политики по улучшению различных научных показателей. Также оно помогает лучше понять природу ключевых показателей отдельных баз данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Åkerlind G.S. (2008). An academic perspective on research and being a researcher: An integration of the literature, *Studies in higher education*, no. 33 (1), pp. 17–31.

2. Vernon M.M., Balas E.A., Momani S. (2018). Are university rankings useful to improve research? A systematic review, *PloS one*, no. 13 (3), e0193762.

3. Стукалова И.Б., Стукалова А.А. (2016). Финансовые показатели в национальных и глобальных университетских рейтингах // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. № 5. С. 15–25.

4. Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M. (2021). The effect of Russian University Excellence Initiative on publications and collaboration patterns, *Journal of Informetrics*, no. 15 (1), pp. 101–110.

5. Ключарев Г.А., Неверов А.В. (2018). Проект «5-100»: некоторые промежуточные итоги // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 18 (1). С. 100–116.

6. Сандлер Д.Г., Евсюкова И.А., Боганцева С.С., Мельник Д.А., Стерхов А.В., Бондарчук Д.В. (2019). Применение комплексных систем показателей при реализации программ повышения конкурентоспособности в контексте развития сотрудничества с индустрией и повышения экономической устойчивости университетов // Экономика в промышленности. № 12 (3). С. 341–355.

7. Michalska-Smith M.J., Allesina S. (2017). And, not or: quality, quantity in scientific publishing, *PloS one*, no. 12 (6).

8. Hayati Z., Ebrahimy S. (2009). Correlation between quality and quantity in scientific production: A case study of Iranian organizations from 1997 to 2006, *Scientometrics*, no. 80 (3), pp. 625–636.

9. Lawani S.M. (1986). Some bibliometric correlates of quality in scientific research. Scientometrics, no. 9 (1-2), pp. 13–25.

10. Wood F. (1990). Factors influencing research performance of university academic staff, *Higher Education*, no. 19 (1), pp. 81–100.

11. Beaudry C., Larivière V. (2016). Which gender gap? Factors affecting researchers' scientific impact in science and medicine, *Research Policy*, no. 45 (9), pp.–1790–1817.

12. Frenken K., Heimeriks G. J., Hoekman J. (2017). What drives university research performance? An analysis using the CWTS Leiden Ranking data, *Journal of informetrics*, no. 11 (3), pp. 859–872.

13. Holmberg K., Bowman T., Didegah F., Lehtimäki J. (2019). The Relationship Between Institutional Factors, Citation and Altmetric Counts of Publications from Finnish Universities, *Journal of Altmetrics*, no. 2 (1).

14. Amara N., Landry R., Halilem N. (2015). What can university administrators do to increase the publication and citation scores of their faculty members? *Scientometrics*, no. 103 (2), pp. 489–530.

15. Andersen L. B., Pallesen T. (2008). "Not just for the money?" How financial incentives affect the number of publications at Danish research institutions, *International Public Management Journal*, no. 11 (1), pp. 28–47.

16. Jabnoun N. (2009). Economic and cultural factors affecting university excellence, *Quality Assurance in Education*, no. 17 (4), pp. 416–429.

17. Сандлер Д.Г., Гладырев Д.А. (2020). Построение экономически эффективной системы целевых показателей развития исследовательской деятельности университета с учетом корреляционных зависимостей // Статистика и экономика. № 17 (4). С. 71–84.

18. Рощина Я.М., Юдкевич М.М. (2009). Факторы исследовательской деятельности преподавателей вузов: политика администрации, контрактная неполнота или влияние среды? // Вопросы образования. № 3. С. 203–228.

19. Антосик Л.В., Шевченко Е.С. (2018). Оценка влияния эффективного контракта на публикационную активность преподавателей: кейс регионального университета // Вопросы образования. № 3. С. 247–267.

20. Рощина Я.М., Филиппова Т.Н. (2006). Преподаватели на рынке образовательных услуг. Информационный бюллетень Мониторинга экономики образования. Москва : ГУ ВШЭ. 32 с.

21. Рудаков В.Н., Рощина Я.М., Битокова Л.А. (2019). Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов. Информационный бюллетень. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 84 с.

22. Козьмина Я.Я. (2014). Предпочтения преподавателей вузов относительно научной деятельности и преподавания // Вопросы образования. № 3. С. 135–151.

23. Литвинова Л.И. (2018). Факторы научной продуктивности и проблемы её оценки // Университетское управление: практика и анализ. № 22 (1). С. 61–75.

24. Дежина И.Г. (2020). Научная политика в ведущих российских университетах: эффекты «нового менеджериализма» // Университетское управление: практика и анализ. № 24 (3). С. 13–26.

25. Ислакаева Г.Р. (2019). Институты стимулирования повышения качества научно-исследовательской деятельности в России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. № 3 (29). С. 106–113.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Сандлер Даниил Геннадьевич – кандидат экономических наук; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); d.g.sandler@urfu.ru.

Гладырев Дмитрий Анатольевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); d.a.gladyrev@urfu.ru.

STRUCTURAL, ECONOMIC AND EDUCATIONAL FACTORS OF SCIENTIFIC EFFICIENCY OF RUSSIAN UNIVERSITIES

D.G. Sandler[8a], **D.A. Gladyrev**[9a]

[a]Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

The government programs aimed at the development of universities, especially those that support research activities exist in many countries. In 2021 the Russian "Project 5-100" has been replaced by the "PRIORITY 2030" program (Strategic Academic Leadership Program). It emphasizes the importance of analyzing the factors that influence various scientific indicators of the Russian universities.

[8]RSCI AuthorID: 429313, ScopusID: 56581474400

[9]RSCI AuthorID: 948938, ScopusID: 57208191401

This study examines the indicators of the quantity (number of publications) and quality (number of citations) of research activity of Russian universities in three main databases (WoS, Scopus, RSCI) and the influence of different factors on them: educational, economic, structural, and those related to internationalization. The research is based on the data of performance monitoring of higher educational establishments that provides results of 49 largest Russian universities over the last four years. The main research method is econometric analysis using panel data models.

The results of the study showed that the indicators of internationalization (the number of foreign employees and the number of foreign graduate students) and the number of grants have the greatest influence on the indicators of universities in international databases. The number of citations is also influenced by the number of defended PhD dissertations for the reporting year and there is some evidence that the share of extra-budgetary income of the university is also important. The number of publications is influenced by the quality of student enrollment, the ratio of staff salaries to the regional average, and the share of full-time employees.

In the case of the university indicators in the RSCI database (mainly consisting of Russian publications), the factors differ from the abovementioned: in the model for the number of publications, the quality of enrollment of students and the number of foreign graduate students ceases to be significant, while the indicators of the share of extra-budgetary income and the share of employees with a scientific degree become significant. The share of full-time employees is also significant, where it shows direct correlation.

This study can help university management work out strategies to improve various scientific indicators.

KEYWORDS: strategic development of universities, competitiveness of universities, management of science, scientometrics, internationalization of universities.

FOR CITATION: Sandler D.G., Gladyrev D.A. (2021). Structural, economic and educational factors of scientific efficiency of Russian universities, *Management Issues*, no. 3, pp. 107–120.

REFERENCES

1. Åkerlind G.S. (2008). An academic perspective on research and being a researcher: An integration of the literature, *Studies in higher education*, no. 33 (1), pp. 17–31.

2. Vernon M.M., Balas E.A., Momani S. (2018). Are university rankings useful to improve research? A systematic review, *PloS one*, no. 13 (3), e0193762.

3. Stukalova I.B., Stukalova A.A. (2016). Financial figures in national and global university ratings, *Bulletin of the Plekhanov Russian Economic University*, no. 5, pp. 15–25.

4. Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M. (2021). The effect of Russian University Excellence Initiative on publications and collaboration patterns, *Journal of Informetrics*, no. 15 (1), pp. 101–110.

5. Klyucharev G.A., Neverov A.V. (2018). Project "5-100": some intermediate results, *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Sociology*, no. 18 (1), pp. 100–116.

6. Sandler D.G., Evsyukova I.A., Bogantseva S.S., Melnik D.A., Sterkhov A.V., Bondarchuk D.V. (2019). The use of integrated systems of indicators when implementing competitiveness programs in the context of the development of cooperation with industry and increasing the economic sustainability of universities, *Economics in industry*, no. 12 (3), pp. 341–355.

7. Michalska-Smith M.J., Allesina S. (2017). And, not or: quality, quantity in scientific publishing, *PloS one*, no. 12 (6).

8. Hayati Z., Ebrahimy S. (2009). Correlation between quality and quantity in scientific production: A case study of Iranian organizations from 1997 to 2006, *Scientometrics*, no. 80 (3), pp. 625–636.

9. Lawani S.M. (1986). Some bibliometric correlates of quality in scientific research. Scientometrics, no. 9 (1-2), pp. 13–25.

10. Wood F. (1990). Factors influencing research performance of university academic staff, *Higher Education*, no. 19 (1), pp. 81–100.

11. Beaudry C., Larivière V. (2016). Which gender gap? Factors affecting researchers' scientific impact in science and medicine, *Research Policy*, no. 45 (9), pp.–1790–1817.

12. Frenken K., Heimeriks G. J., Hoekman J. (2017). What drives university research performance? An analysis using the CWTS Leiden Ranking data, *Journal of informetrics*, no. 11 (3), pp. 859–872.

13. Holmberg K., Bowman T., Didegah F., Leh-

timäki J. (2019). The Relationship Between Institutional Factors, Citation and Altmetric Counts of Publications from Finnish Universities, *Journal of Altmetrics*, no. 2 (1).

14. Amara N., Landry R., Halilem N. (2015). What can university administrators do to increase the publication and citation scores of their faculty members? *Scientometrics*, no. 103 (2), pp. 489–530.

15. Andersen L. B., Pallesen T. (2008). "Not just for the money?" How financial incentives affect the number of publications at Danish research institutions, *International Public Management Journal*, no. 11 (1), pp. 28–47.

16. Jabnoun N. (2009). Economic and cultural factors affecting university excellence, *Quality Assurance in Education*, no. 17 (4), pp. 416–429.

17. Sandler D.G., Gladyrev D.A. (2020). Building an economically effective system of targets for the development of university research activities, taking into account correlation dependencies, *Statistics and economics*, no. 17 (4), pp. 71–84.

18. Roschina Ya.M., Yudkevich M.M. (2009). Factors of research activities of university teachers: administration policy, contractual incompleteness or environmental influence? *Education issues*, no. 3, pp. 203–228.

19. Antosik L.V., Shevchenko E.S. (2018). Assessment of the impact of an effective contract for the publication activity of teachers: the case of a regional university, *Education issues*, no. 3, pp. 247–267.

20. Roschina Ya.M., Filippova T.N. (2006). Teachers in the educational services market, *Information bulletin of the Education Economy Monitoring*. Moscow: GU HSE. 32 p.

21. Rudakov V.N., Roshchina Ya.M., Bitokova L.A. (2019). Changes in strategies, motivation and economic behavior of students and teachers of Russian universities. Newsletter. Moscow, Higher School of Economics. 84 p.

22. Kozmina Ya.Ya. (2014). Preferences of university teachers regarding scientific activities and teaching, *Education issues*, no. 3, pp. 135–151.

23. Litvinova L.I. (2018). Factors of scientific productivity and problems of its assessment, *University management: Practice and analysis*, no. 22 (1), pp. 61–75.

24. Dezhina I.G. (2020). Scientific policy in leading Russian universities: the effects of "new managerialism", *University Governance: Practice and Analysis*, no. 24 (3), pp. 13–26.

25. Islakaeva G.R. (2019). Institutes of stimulating improvement of the quality of research activities in Russia, *Bulletin UGNTU. Science, education, economy. Series: Economy*, no. 3 (29), pp. 106–113.

AUTHORS' INFORMATION:

Daniil G. Sandler – Ph.D. of Economic Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); d.g.sandler@urfu.ru.

Dmitry A. Gladyrev – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); d.a.gladyrev@urfu.ru.

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-121-134 ВАК: 22.00.08, 22.00.06

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПРАКТИКАМИ РАБОТНИКОВ СЕРЕБРЯНОГО ВОЗРАСТА В ОРГАНИЗАЦИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

Е.А. Шуклина[1*a*], **Е.А. Широкова**[2*a*]

[*a*]Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

В статье поднимается актуальная проблема разработки стратегии управления образовательной деятельностью работников третьего возраста в организации. Рассматриваются исследовательские подходы к организационным возможностям и перспективам включения «серебряной общности» работников в образовательные практики, реализуемые через систему стратегического управления персоналом предприятий или организаций.

Методологией исследования выступает комплекс теоретических подходов к пониманию специфики поведения серебряной общности в трудовой и образовательной сферах и управленческих стратегий, необходимых для эффективной реализации образовательной деятельности ее представителей. В статье дается статистическая характеристика работников третьего возраста с позиций их вовлеченности в образовательную деятельность. Используются методы экспертного опроса представителей управленческого звена высшего уровня (заместителей руководителей и топ-менеджеров ведущих предприятий) (124 эксперта), анализируются экспертные оценки специалистов в области управления персоналом в России и за рубежом; аналитиков в области социально-психологических и социально-педагогических исследований образования работников позднего зрелого возраста; руководителей структур дополнительного образования и переподготовки кадров (5 экспертов).

Делаются выводы о ключевой роли и потенциале работодателей как социального субъекта в управлении образовательной деятельностью серебряной общности, использующего институциональные средства для интеграции собственных и государственных ресурсов, разработки комплексной стратегии актуализации ее человеческого капитала в целях развития собственного предприятия или организации в условиях конкурентной среды. Показывается, что перспективы развития серебряной общности находятся на пути поиска взаимодействия в сфере государственно-частного и общественно-частного партнерства.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья поддержана Российским фондом фундаментальных исследований, проект № 19-011-00096 «Образование как ресурс сохранения и развития социальной общности третьего возраста».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление персоналом, стратегическое управление, обучение персонала, социальная общность работников третьего возраста, образовательная деятельность, непрерывное образование.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шуклина Е.А., Широкова Е.А. (2021). Управление образовательными практиками работников серебряного возраста в организации: исследовательские подходы и актуальные стратегии // Вопросы управления. № 3. С. 121–134.

[1]AuthorID РИНЦ: 137656

[2]AuthorID РИНЦ: 943248

© Шуклина Е.А., Широкова Е.А., 2021

Актуальность проблемы, особенности методологии и методов исследования

Изменение границ пенсионного возраста актуализирует необходимость поиска новой политики в отношении людей третьего возраста, которая предполагала бы решение комплекса задач по стратегическому управлению человеческими ресурсами. Социоцентрический аспект этой политики связан с институциональными трансформациями, направленными на решение социально-экономических проблем рынка труда, создание организационных условий для трудовой деятельности, социальной защиты, социальной реабилитации, социальной адаптации людей третьего возраста. Ее антропоцентрический аспект ориентирован на изменение их трудовых, образовательных практик, поддержание образовательной и трудовой активности, состояния здоровья, которые позволили бы представителям серебряной общности не только продуктивно осуществлять трудовую деятельность, но и реализовывать личностный потенциал.

Анализ проблем образования работников третьего возраста предполагает, как минимум, три уровня: индивидуально-личностный, уровень организации и институциональный. В данной статье мы остановимся на организационном уровне. Актуальность рассмотрения этого аспекта проблемы заключается в том, что количественный рост предпенсионной и пенсионной групп работников, включенных в профессиональную деятельность – это реалии сегодняшнего, а разработка принципов и механизмов стратегического управления, имеющего целью повышение эффективности работы с ними – необходимая перспектива развития всех социальных субъектов, включенных в профессиональную сферу – представителей социальной общности третьего возраста, организаций/учреждений, реализующих работу с ними в рамках существующих институциональных условий.

Цель данной статьи – рассмотреть исследовательские подходы к организационным возможностям и перспективам включения «серебряной общности» работников в образовательные практики, реализуемым через систему стратегического управления персоналом предприятий/организаций.

Методология исследования базируется на комплексе концепций, обосновывающих стратегии поведения общностей серебряного возраста в профессиональной и образовательной сферах. Методами получения информации стал анализ статистических данных по проблеме; вторичный анализ результатов зарубежных и российских исследований образования/обучения как фактора адаптации работников третьего возраста к трудовой деятельности, актуализации их потенциала в профессиональной сфере, а также роли обучения в стратегии управления персоналом; вторичный анализ данных экспертного опроса работодателей, сбор и изучение экспертной информации с целью тестирования выявленных организационных возможностей и перспектив включения «серебряной общности» работников в образовательные практики.

В статье осуществлен вторичный анализ результатов экспертного опроса, реализованного авторами, объектом которого выступали представители управленческого звена высшего уровня, заместители руководителей и топ-менеджеры ведущих предприятий Свердловской области, функционирующих в пяти управленческих округах ($N = 124$). Экспертный опрос охватил 90 % предприятий, обеспечивающих рынок труда региона и являющихся основными работодателями Среднего Урала.

Кроме того, собраны и проанализированы экспертные оценки специалистов в области управления персоналом в России и за рубежом; аналитиков в области социально-психологических и социально-педагогических исследований образования работников позднего зрелого возраста; руководителей структур дополнительного образования и переподготовки кадров (5 экспертов).

Образовательные практики работников позднего зрелого возраста: статистические характеристики

Понятие серебряной общности (позднего зрелого возраста) включает работников предпенсионного и пенсионного возрастов. Уровень участия первой группы в рабочей силе особенно высок (83,9 % на 2018 г.) [1, с. 10], поэтому здесь мы уделим ей больше внимания, представив ее характеристику с точки зрения структуры занятости, профессиональных на-

выков и компетенций, образовательных практик, а также включенности в систему обучения и переподготовки. Группа структурно неоднородна, фактор образования ее представителей во многом определяет их шансы на занятость [2]. Статистический анализ позволит увидеть общую картину и особенности их включенности в образовательную деятельность.

Положение работников предпенсионного возраста проблемно, они находятся в зоне риска в сферах занятости, социальной защищенности, профессионального роста, сохранения здоровья. Однако при этом являются объектом специальной кадровой политики. Для них предусмотрены меры дополнительной защиты, включая социальные гарантии, гарантии занятости, возможности по переобучению, различные виды льгот и пр.

Общая численность[3] предпенсионеров – 9 156 461 чел. на 2020 г. Большая часть работников предпенсионного возраста занята в бюджетном секторе (11,0 % от общего числа занятых — в образовании; 7,8 % в здравоохранении; 5,7 % в органах госуправления, военной безопасности, социального обеспечения). Среди женщин распространена занятость в сфере розничной торговли [1, с. 17].

Для серебряной общности характерна трудовая и профессиональная стабильность (снижение склонности менять место работы, профессию, либо то и другое одновременно). Так, 90,0 % работников предпенсионного и 92,5 % пенсионного возраста сохраняют профессию и место работы. Профессиональная и трудовая мобильность мужчин выше, чем у женщин.

Сфера занятости этой социально-профессиональной группы характеризуется дискриминационными практиками регулирования. Так, спектр мест занятости предпенсионеров весьма ограничен. Представители этой возрастной группы недопредставлены в таких секторах как разработка компьютерного программного обеспечения, информационные технологии; реклама; туризм; финансы; консультационные услуги; сфера права; услуги в сфере бухгалтерского учета; оптовая торговля; торговля автотранспортными средствами и пр. Структура занятости предпенсионеров смещена в сторону более простых квалификационных групп. Наиболее популярные профессии среди для мужчин – водители, охранники, полицейские, операторы тяжёлой техники. Для женщин – это продавцы, школьные учителя, бухгалтеры.

С точки зрения размера заработных плат, группа предпенсионеров находится в худшем положении по сравнению с работниками других возрастных групп (за исключением группы 20–24 лет, т. е. возраста начала трудовой карьеры, характеризующегося минимальным опытом работы). В этом особенность российского рынка труда, где падение заработков начинается после сорока лет (в отличие от других рынков труда, где с возрастом заработки растут либо стабилизируются на одном уровне) [3, с. 37].

Характеризуя образовательные параметры группы, отметим, что половина работников (50,7 %) имеет среднее профессиональное образование, четверть – высшее (25,6 %). Максимальный уровень занятости характерен для обладателей высшего образования (89,8 %), минимальный – для имеющих основное общее образование (33,7 %)» [1, с. 16]. В целом работники предпенсионного возраста демонстрируют развитые профессиональные компетенции, однако ряда когнитивных навыков высокого порядка, по мнению работодателей, им не хватает. К таковым относятся, например, способность принимать нестандартные решения и умение оперативно решать ситуативно возникающие в ходе работы проблемы (соответственно 15,5 % и 13,2 %) [1, с. 21]. Каждый пятый работодатель предпочёл бы, чтобы работники предпенсионного возраста были более ориентированы на использование инновационных подходов и технологий, открыты новым идеям. Четверть (24 %) работодателей считают, что предпенсионерам не хватает профессиональных навыков, и прежде всего общих и продвинутых навыков работы с компьютерами.

В целом уровень вовлеченности в непрерывное образование возрастной группы

[3] Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики. Численность и состав населения. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 02.04.2021).

55–64 года (возраста поздней зрелости) в России – 19 % (2017 г.), а среднем с 2006 по 2017 год – 15,0 %. Это в два раза меньше, чем у возрастных групп 25–34 года (35,6 %) и 35–44 года (29,1 %), а также меньше, чем у группы 45–54-летних (21,7 %) [4, с. 10].

Вовлеченность в формальное и неформальное образование 55–64-летних в России – 7 %, что почти в пять раз меньше, чем у представителей этого же возраста в странах ЕС (33 %) и в 2,5 раза меньше, чем у 25–34-х летних соотечественников. [4, с. 13]. Основная мотивация от участия в формальном и неформальном образовании для 55–64-летних заключается в получении/улучшении необходимых профессиональных и общих знаний, необходимости удержаться на рабочем месте, улучшении своего статуса на работе, повышении зарплаты. Эта же мотивация характерна и для их занятий самообразованием.

Острая необходимость в получении новых навыков и знаний в профессиональной деятельности характерна лишь для 1 % 55–64-летних, существенная, но не острая – для 6 %. Для сравнения аналогичные потребности у всех незанятых –1 и 8 %, а у всех занятых – 3 и 17 % соответственно. Только 4 % 55–64-летних имеют планы пройти какое-либо обучение/получить образование в течение ближайших 12 месяцев. Эта тенденция в большей степени характерна для занятых, чем для незанятых. Чем выше уровень образования, тем выше потребность в получении образования/обучения, наличие практик обучения в прошлом также позитивно влияют на потребность в обучении [4, с. 22–23].

Большая доля бизнеса не обучает своих сотрудников и не взаимодействует с образовательными организациями, что объясняется необходимостью существенных финансовых вложений и организационных усилий для обучения работников, привлечения образовательных организаций, создания образовательных центров на собственной базе. Кроме того, возрастают инвестиционные риски компании от вложений в человеческий капитал, связанные с мобильностью обученного персонала.

Обучению персонала уделяют внимание, как правило, крупные компании с развитой бизнес-культурой, большим объемом ресурсов, относящиеся к высокотехнологичным секторам экономики, ориентированные на инновационные проекты и качество кадров их реализующих. При этом, в настоящее время только 39 % компаний прогнозируют в будущем повышение уровня требований к профессиональным компетенциям специалистов. Среди них 70 % предприятий категории «лучшие компании по уровню инноваций в отрасли»; 50 % – имеющие намерение проводить техническую/технологическую модернизацию; 48 % – занимающиеся разработкой и внедрением инноваций. Именно они инвестируют в развитие персонала с целью получения конкурентных преимуществ [5, с. 156].

Ситуация в регионах характеризуется скорее негативными тенденциями. Проведенный в рамках нашего исследования анализ экспертных мнений выявил ряд особенностей взаимодействия предприятий Свердловской области с образовательными организациями. Он показал, что отсутствие выраженного позитивного (кратко- и долгосрочного) прогноза на развитие инновационного сектора экономики, изменение ситуации на рынке труда и экономических условий функционирования предприятий приводит менеджмент предприятий к необходимости ограничений сотрудничества с образовательными организациями, снижению бюджетов на обучение работников [6, с. 95–97].

Основные стратегии управления образовательными практиками сотрудников ориентированы на вложения в тех, чья отдача от обучения максимальна, поэтому фактором включения работников предпенсионного возраста в программы дополнительного обучения являются законодательные требования. Оно осуществляется прежде всего в сферах образования; здравоохранения; социальных услуг; государственного управления; военной безопасности; социального обеспечения; финансовой и страховой деятельности; информации и связи, научной и технической областях. Работники бюджетной сферы проходят обучение чаще в силу наличия законодательно установленных требований к его периодичности и переподготовки. Наиболее востребованы программы дополнительного профессионального обучения для предпенсионеров с высшим образованием.

Среди предприятий, имеющих персонал предпенсионного возраста, только третья часть занимается обучением этой категории работников. Оно, прежде всего, ориентировано на развитие профессиональных навыков: 50 % предприятий, вкладывающихся в обучение сотрудников, инвестируют в развитие профессиональных навыков. Далее по популярности следуют программы обучения общим (20,8 %) и продвинутым (17,2 %) навыкам работы с компьютером, соответствующие потребностям предпенсионеров. В целом уровень вовлечённости в программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации у этой категории работников самых низкий по сравнению с другими возрастными группами. Профессиональную переподготовку и повышение квалификации в 2018 г. прошли 6,2 % работников предпенсионного возраста, что почти в два раза ниже, чем у работников других возрастных групп (11 %) [1, с. 22–23].

Государственные вложения в обучение и переподготовку предпенсионеров осуществляются в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография». Согласно данным за январь – сентябрь 2019 г. на обучение было отправлено 64,3 тыс. предпенсионеров, что составляет 12,4 % от общего числа прошедших повышение квалификации в 2018 г. Из общего числа 21,7 тыс. человек были направлены на профессиональное обучение, 22,0 тыс. – на профессиональную переподготовку, 20,6 тыс. – на повышение квалификации. Среди участников данной программы 72,5 % были занятыми, 27,5 % – зарегистрированными безработными. Распределение направленных на обучение по регионам в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» осуществлялось крайне неравномерно [1, с. 27].

С учётом прогнозируемого сокращения трудовых ресурсов, вызванного тенденцией старения населения и увеличением нагрузки на работников старшего возраста, поддержание их производительности труда является особенно актуальной задачей. При этом представители третьего возраста по сравнению с более молодыми работниками сталкиваются с большим разрывом между знаниями и навыками, полученными в рамках образовательного процесса, и современными требованиями рынка труда. Именно поэтому разработка стратегии управления персоналом должна учитывать комплекс мероприятий, связанных с организацией образовательной деятельности работников третьего возраста.

Роль образования в стратегиях поведения серебряной общности: концептуальные модели

Проблемы образования работников обусловлены их возрастом и теми физиологическими, психологическими и социальными изменениями, которые происходят с людьми на разных этапах жизненного цикла. При этом исследования показывают, что эффект старения не связан только с календарным возрастом. В классификации видов возраста выделяются и исследуются хронологический (календарный), функциональный (связанный с изменениями физических, когнитивных и пр. способностей) [7], психосоциальный (основанный на самовосприятии возраста и самоидентификации с возрастной группой, с открытой или ограниченной перспективой будущего) [8], организационный (обусловленный динамикой изменения рабочих ролей и профессиональной карьеры) [9] и ряд других, по разному сочетающих эти характеристики.

Понимание многообразия подходов к феномену возраста важно как для концептуализации образовательных проблем социальной общности людей третьего возраста, так и реализации их исследований на эмпирическом уровне, включая формулировку системы рекомендаций, для определения стратегии управления образовательной деятельностью. Тот факт, что в литературе встречаются исследования образовательных и трудовых практик работников серебряного возраста, представляющие результаты прямо противоречащие друг другу, во многом объясняется унификацией представлений о возрасте, исключительно как календарном (хронологическим).

Анализ зарубежной литературы показал, что образовательные практики представителей старшего возраста целесообразно рассматривать в контексте двух моделей, активно включенных в исследовательское поле и не

сводящих понятие возраста к его календарным параметрам: 1) модели оптимизации выбора и компенсаций [10; 11] и 2) теории социально-эмоциональной избирательности [12]. Первая предполагает, что на протяжении жизни человеком осуществляется выбор жизненных целей и ресурсов для их достижения, а также способов компенсации потерь, возникающих в ходе их реализации. В зависимости от жизненных целей и использования ресурсов возможен выбор нескольких стратегий поведения:

– стратегия роста и перехода на более высокие уровни развития;

– стратегия поддержания существующего уровня;

– стратегия регулирования потерь, предполагающая функционирование на низких уровнях развития.

Возрастные изменения приводят к трансформации целей человека, а снижение его ресурсов к переходу от стратегии роста к стратегиям поддержания либо снижения прежних образцов функционирования.

Данная модель, связывающая стратегии поведения с характером и уровнем ресурсов личности и системой ценностных ориентиров будущего, дает возможность увидеть место образования в системе стратегических ценностей серебряной общности.

Модель социально-эмоциональной избирательности предполагает, что стратегии поведения зависят от когнитивной (связанной с познавательной активностью, расширением знаний, получением информации) и эмоциональной (ответственной за психологическое благополучие) составляющих. Доминанта каждой из них определяется как возрастными, так и ценностными параметрами [13]. В силу этого стратегии поведения представителей старших возрастных групп с открытой перспективой будущего имеют когнитивную доминанту. Представители групп с ограниченными перспективами будущего придерживаются стратегии эмоционального комфорта, ориентированы на социальную поддержку, чувства эмоциональной близости и социальной привязанности. Если первая стратегия рациональна, инструментальна, направлена на долгосрочные цели, то вторая часто связана с достижением краткосрочных целей, избеганием негативных событий. При этом, ее представители обладают хорошими адаптивными навыками и опытом психологического контроля эмоциональных состояний. Ни одна из стратегий не реализуется в чистом виде, являясь научной абстракцией.

Модель социально-эмоциональной избирательности, объясняющая выбор стратегии поведения соотношением ее когнитивной и эмоциональной составляющими, является еще одной объяснительной схемой для интерпретации места и роли образования в трудовой деятельности и ее месте в структуре образа жизни представителей серебряной общности.

Образовательные практики в управлении персоналом серебряного возраста: анализ исследований

Методы управления работниками серебряного возраста

Работники серебряного возраста отличаются комплексом специфических характеристик, которые на уровне организации могут быть использованы как стратегический ресурс [14], имеющий конкурентное преимущество при условии, что они обучены, адаптированы изменяющимся условиям и грамотно управляются в соответствии с потребностями пожилого возраста и в контексте идеологии сохранения кадров организации [15].

При разработке политики организации в отношении пожилых работников вопрос о выборе специфических методов управления является не праздным. К наиболее приемлемым методам управления относят неполный рабочий день; гибкий график работы; систему льгот и вознаграждений; сокращение должностных обязанной, в связи с добровольным понижением в должности; дополнительные, в том числе творческие отпуска; расширение участия в принятии управленческих решений; управление карьерой при овладении новыми профессиональными ролями; создание комфортных условий для общения в профессиональной среде и др. Одним из значимых методов управления является профессиональное обучение и переобучение, основанное на специальных программах обучения для пожилых сотрудников [16–18].

Все перечисленные выше методы эффективно воздействуют на трудовую мотивацию

работников третьего возраста, снижают желание досрочного выхода на пенсию, нивелируя страхи и опасения относительно возможности приобретения и освоения работником новых профессиональных знаний и опыта, адаптации к новым требованиям. Другими словами, их грамотное применение – это реализация политики сбережения человеческих ресурсов организации через сохранение и развитие серебряного сообщества сотрудников, в т. ч. средствами образовательной деятельности.

Две философии (модели) управления и обучение работников серебряного возраста

Рассмотрим связь разрабатываемой стратегии кадровой политики организации в отношении лиц серебряного возраста и роли образовательных практик, которые включаются в нее в качестве механизмов реализации.

Выделяется две философии управления человеческими ресурсами применительно к серебряной общности – модель амортизации (когда фиксируется потеря ценности работника с возрастом) и модель сохранения (при которой работники рассматриваются как возобновляемый актив при условии правильного управления и применения адекватных потребностям работников методов управления, включая использование образовательных ресурсов и практик) [15].

Образовательные практики в модели амортизации

В комплексном исследовании D.T.A.M. Kooij и соавторов [19] осуществлена классификация методов управления и выделены четыре набора кадровых практик для работников серебряного возраста на основе модели оптимизации выбора и компенсаций. Классификация проведена по критерию целей жизни, меняющихся с возрастом:

1) ориентация в управленческой деятельности на использование практик обучения и развития на рабочем месте помогает им достичь целей роста;

2) обеспечение работникам гарантий занятости и гибкой организации труда направлена на достижение целей функционирования, поддерживающих текущий уровень перед лицом новых проблем;

3) вовлечение работников в участие в принятие управленческих решений, разумное расширение их трудовых функций помогают работникам адаптироваться к профессиональной деятельности после потери рабочего места, функции и требования которого стали недостижимыми (цели восстановления);

4) снижение нагрузки (неполный рабочий день и пр.) позволят работнику функционировать на более низком уровне и реализовать цели регулирования потерь.

Эти методы относятся к модели амортизации и являются наиболее широко применяемыми. В рамках этой модели распределение ресурсов смещается от роста к обслуживанию, восстановлению либо регулированию потерь, поэтому построение стратегии управления предполагает изменение подходов и методов в зависимости от возраста персонала, прежде всего через снижение значимости образовательной деятельности, практик обучения и развития на рабочем месте.

Образовательные практики в модели сохранения

При ее анализе в литературе адаптация кадровой политики организации к нуждам лиц третьего возраста рассматривается как процесс создания конкурентных преимуществ за счет использования уникальных человеческих ресурсов тех профессионалов, которые нарастили свой социальный капитал обретая знания и опыт профессиональной деятельности в сфере востребованной организацией. Преимущество этих человеческих ресурсов заключается в сочетании талантов, опыта и профессиональных знаний [20].

В исследованиях подчеркивается связь между реализацией взвешенной кадровой политики и приверженностью работников организации. Так, исследователи O. Herrbach, K. Mignonac, C. Vandenberghe, A. Negrini [21] считают, что существует три базовых направления в управлении персоналом серебряного возраста, которые конструктивно удовлетворяют работников, формируя у них эмоциональную приверженность организации: 1) создание условий для обучения, ориентированного на пожилых работников; 2) организация для них новых рабочих мест (эксперта, наставника, консультанта и пр.); 3) гибкие условия труда. Здесь образовательная политика организации выступает значимым элементом

стратегии сохранения работника через увеличение его приверженности организации.

В ряде исследований (P.M. Bal, D.T.A.M. Kooij, D.M. Rousseau и др.) подчеркивается значимость организационной поддержки работника, проявляющейся прежде всего в практике кадрового обучения и развития, которые влияют на намерения работника продолжать профессиональную деятельность [22]. Обращение к управленческим приемам, ориентированным на образовательные потребности работника серебряного возраста, является не только полезным, но и необходимым условием разработки стратегии корпоративного управления.

Проблема реализации образовательной политики организации с целью сохранения персонала серебряного возраста представлена, как правило, в исследованиях, базирующихся на концепции человеческого капитала (например, J. Allen, J. E. Hunter, F. L. Schmidt, R. Van der Velden), где подчеркивается, что эффективное управление персоналом способствует развитию у сотрудников компетенций и способностей , а более высокие уровни знаний, навыков и способностей сотрудников способствуют повышению производительности труда, увеличению приверженности организации, росту удовлетворенности профессиональной деятельностью [23; 24]. Было выявлено, что комплекс управленческих методов, адаптированных к особенностям работников серебряного возраста, и в первую очередь таких как адаптированное обучение, позитивно влияют на отношение работников к организации, на трудовую мотивацию и ориентацию и закрепление на рабочем месте.

При использовании образовательных практик в контексте модели сохранения необходимо учитывать существующие противоречия между высоким уровнем развития человеческого капитала серебряной общности (кристаллизованного интеллекта, опыта, знаний) и профессиональным выгоранием при длительном пребывании на определенной должности. Ряд исследователей считают, что для нивелирования этой проблемы образовательная политика в системе управления персоналом должна быть индивидуализирована для представителей третьего возраста [25–27]. Поскольку эта группа работников испытывает как прирост, так и потерю ресурсов, то для управления их образовательными практиками должны быть подобраны методы, адаптированные к индивидуальным особенностям работника в рамках существующей кадровой политики организации. При этом необходим баланс между развитием новых навыков, делающих работника соответствующим современным требованиям профессиональной среды и его состоянием здоровья, уровнем эмоционального комфорта/истощения в процессе трудовой и образовательной деятельности.

Более широкой контекст реализации этой модели представлен, например, в российской исследовательской практике (Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк, Т. Д. Буковей) обосновывающей эффективность самореализации профессионально-личностного потенциала работника через его адаптацию к перспективам будущего и использование образовательных программ, ориентированных на продолжение профессионального самоопределения в период поздней зрелости с применением форсайт-технологий проектирования индивидуальных сценариев профессионального будущего в условиях постиндустриального общества [28].

Некоторые выводы для обозначения проблемного поля научной и практической дискуссии

Статистический анализ тенденций в сфере управления образовательными практиками серебряной общности свидетельствует о разнонаправленности и противоречивости данных процессов. С одной стороны, существующие дискриминационные модели управления трудовой сферой предпенсионеров негативно сказываются на образовательной политике организаций/предприятий в отношении этой социально-профессиональной группы. С другой – тренд на социальную помощь и поддержку со стороны государства частично нивелирует эти процессы. Однако, осуществляясь без привязки к индивидуальной потребностям дифференцированных групп людей третьего возраста, учета условий рынка труда и реальных требований работодателей, остается малоэффективным по своим экономическим и социальным последствиям.

Представляется, что ключевой фигурой и реальным субъектом, способным эффективно управлять образовательной деятельностью серебряной общности должен стать работодатель, полноценно использующий институциональные средства для интеграции собственных и государственных ресурсов, разрабатывающий комплексную стратегию актуализации ее человеческого капитала в целях развития собственного предприятия/организации в условиях конкурентной среды и самой серебряной общности работников, имеющей потенциал для саморазвития знаний, профессиональных компетенций, накопленного социального капитала. По оценкам наших экспертов бизнес пока не является таким управленческим субъектом, не ориентирован на построение целостной стратегии развития серебряной общности, целенаправленно не взаимодействует ни с федеральными структурами, ни с общественными организациями с целью реализации этих задач, не прогнозирует экономических и социальных последствий управленческих решений в сфере образовательной деятельности сотрудников позднего зрелого возраста [29]. Вместе с тем, перспективы развития серебряной общности находятся на пути поиска взаимодействия в сфере государственно-частного и общественно-частного партнерства.

Анализ экспертных оценок и исследований управления образовательными практиками серебряной общности показал, что эффективная образовательная политика организации для социальной общности третьего возраста – это политика, имеющая выверенные стратегические цели, адекватно подобранные управленческие средства, учитывающая возрастную специфику работников и при этом гибкая, ориентированная на индивидуализированный характер потребления образовательных услуг и реализации образовательных практик работниками. Она призвана решать комплексные задачи, ориентируясь на цели организации, учитывая место работников третьего возраста в структуре персонала и стратегические перспективы профессионального и личностного развития этой группы работников в ближайшем и отдаленном будущем.

Проблема включения людей «третьего возраста» в образовательную деятельность не может быть рассмотрена автономно, она интегрирована в систему поиска стратегии и адекватных методов управления человеческими ресурсами работников третьего возраста. Ее решение является одним из принципиально важных подходов к процессу организации их трудовой деятельности. Организацию обучения необходимо рассматривать как составную часть результатов управления персоналом, таких как эффективность труда, его мотивация, приверженность организации, соответствие личных и организационных целей, результативность деятельности каждого отдельного работника, его способность адаптироваться к новым условиям и требованиям и пр. [30].

Анализ литературы и экспертных мнений показал, что технология работы с представителями третьего возраста по системе целей, средств и методов отличается от работы с другими возрастными группами и эти различия должны учитываться в управленческой деятельности.

Во-первых, здесь требуется учет особенностей не только календарного возраста работников, но и функционального, психосоциального, организационного и др. Для этого необходимы исследования и типологизация работников в зависимости от мотивации трудовой деятельности, физических, когнитивных, социально-психологических особенностей, состояния здоровья, профессиональных и карьерных характеристик, самооценок собственных возможностей и перспектив профессионального и карьерного роста, характера использования образовательных ресурсов разного типа и пр.

Во-вторых, построение стратегии управления должно осуществляться комплексно, представляя собой выбор философии/модели управления, управленческих средств и методов, адекватных трудовой деятельности серебряной общности, социально-экономической ситуации организации/предприятия, перспектив его развития в условиях конкурентной среды, имеющегося потенциала для реализации социальных проектов, обеспечивающих развитие человеческого капитала работников третьего возраста.

В-третьих, при формировании образовательной политики необходимо учитывать, что образовательная деятельность сотрудников имеет социально-экономические, социально-психологические, социокультурные аспекты и может выступать системообразующим фактором в системе управления персоналом третьего возраста, определяя его производительность труда, влияя на качество продукции и услуг, обусловливая социально-психологический контекст трудовой деятельности, удовлетворенность условиями труда, отношение к организации и пр.

В-четвертых, при разработке модели управления образовательной деятельностью целесообразно увязывать ее с личной профессиональной стратегией сотрудника третьего возраста (его ориентацией на «развитие» либо «достижение безопасности»; доминанту когнитивной либо эмоциональной составляющей и их соотношение; открытую перспективу будущего или стратегию на обретение эмоционального комфорта, эмоциональной близости, социальной поддержки и социальной привязанности и пр.).

В-пятых, предварительная типологизация работников третьего возраста способна обеспечить адекватный подбор и сочетание методов регулирования их профессиональных стратегий. Так, например, серебряная общность при реализации трудовой деятельности имеет разнонаправленные ориентиры. С одной стороны, это стремление к получению большей автономии, свободы действий, использования стратегий саморегулирования, меньшего внешнего контроля [31], с другой, работники заинтересованы в поддержании своей самооценки и интереса к работе через практики соучастия в управлении, принятии решений, реализации своей экспертности, функций наставничества, консультирования [32]. Грамотно выстроенная образовательная политика, сочетающаяся с комплексом других методов управления трудовой деятельностью, стимулирующих практики саморегуляции и соучастия, позволяет решать системные задачи интеграции работников серебряной общности в профессиональную среду с учетом их потребностей на каждом из этапов жизненного цикла.

В целом стратегии управления образовательной деятельностью работников третьего возраста в организации определяются комплексом факторов: институциональными условиями, обеспечивающими нормативное регулирование системы непрерывного образования, включающей формальные и неформальные подсистемы; организационными условиями, сложившимися на предприятии/учреждении; управленческими ресурсами предприятия; его материально-технологическими и экономическими условиями; социально-психологическим климатом и характером взаимодействия образовательных общностей с представителями менеджмента; индивидуальными особенностями потребителя образовательных услуг (типом и сферой трудовой деятельности, уровнем квалификации, социально-психологическим профилем, уровнем образования, типичными практиками образовательной деятельности, мотивацией трудовой и образовательной деятельности, предпочитаемыми сценариями будущего в профессиональной сфере, особенностями внутри и межгруппового взаимодействия, накопленным социальный капитал и пр.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Работники предпенсионного возраста на рынке труда в Российской Федерации : информационный бюллетень / Л. И. Смирных, Н. Емелина, П. В. Травкин, Л. А. Леонова, С. Ю. Рощин, С. А. Солнцев ; под науч. ред. С. Ю. Рощина, С. А. Солнцева ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 32 с.

2. Агранович М. (2019) Оценка шансов на занятость работников предпенсионного и пенсионного возрастов // Экономическая политика. Т. 14. № 2. С. 90–109.

3. Гимпельсон В.Е., Зинченко Д.И. (2019). Цена возраста: заработная плата работников в старших возрастах // Вопросы экономики. № 11. С. 35–62.

4. Непрерывное образование взрослого населения в России: вовлеченность, источники финансирования и основные эффекты от участия. Информационный бюллетень. Москва : Нацио-

нальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018. 32 с.

5. Шуклина Е.А., Певная М.В. (2017). Высшее профессиональное образование и институт работодателей: проблемы эффективности межинституциональных взаимодействий // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. № 1 (159). С. 155–163.

6. Шуклина Е.А., Певная М.В. (2018). Предприятия и вузы региона: формы сетевых взаимодействий в оценках экспертов // Университетское управление: практика и анализ. Т. 22, № 3 (111). С. 86–97.

7. Kanfer R., Ackerman P.L. (2004). Aging, adult development, and work motivation, *Academy of Management Review*, no. 29, pp. 440–458.

8. Carstensen L.L. (1995). Evidence for a life span theory of socioemotional selectivity, *Current Directions in Psychological Science*, no. 4, pp. 151–156.

9. Quinones M.A., Ford J.K., Teachout M.S. (1995). The relationship between work experience and job performance: A conceptual and meta-analytic review, *Personnel Psychology*, no. 48 , pp. 887–910.

10. Baltes P.B., Baltes M.M. (1990). Psychological perspectives on successful aging: The model of selective optimization with compensation. In: P.B. Baltes, M.M. Baltes (Eds.). Successful aging: Perspectives from the behavioral sciences (pp. 1–34). New York: Cambridge University Press.

11. Baltes P.B., Staudinger U.M., Lindenberger U. (1999). Lifespan psychology: Theory and application to intellectual functioning, *Annual Review of Psychology*, no. 50, pp. 471–507.

12. Carstensen L.L. (1995). Evidence for a life span theory of socioemotional selectivity, *Current Directions in Psychological Science*, no. 4, pp. 151–156.

13. Lang F.R., Carstensen L.L. (2002). Time counts: Future time perspective, goals and social relationships, *Psychology and Aging*, no. 17, pp. 25–139.

14. Boxall P., Purcell J. (2011). Strategy and human resource management (2nd ed.). New York/Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. 234 p.

15. Yeatts D.E., Folts W.E., Knapp J. (2000). Older workers' adaptation to a changing workplace: Employment issues for the 21st century, *Educational Gerontology*, no. 26, pp. 565–582.

16. Armstrong-Stassen M. (2008). Organisational practices and the post-retirement employment experience of older workers, *Human Resource Management Journal*, no. 18, pp. 36–53.

17. Rau B.L., Adams G.A. (2005). Attracting retirees to apply: Desired organizational characteristics of bridge employment, *Journal of Organizational Behavior*, no. 26, pp. 649–660.

18. Remery C., Henkens K., Schippers J., Ekamper P. (2003). Managing an aging workforce and a tight labor market: Views held by Dutch employers, *Population Research and Policy Review*, no. 22, pp. 21–40.

19. Kooij D. T. A. M., Jansen P. G. W., Dikkers J. S. E., De Lange A. H. (2014). Managing aging workers: A mixed methods study on bundles of HR practices for aging workers, *The International Journal of Human Resource Management*, no. 25 (15), pp. 2192–2212.

20. Boxall P. (1996). The strategic HRM debate and the resource-based view of the firm, *Human Resource Management Journal*, no. 6, pp. 59–75.

21. Herrbach O., Mignonac K., Vandenberghe C., Negrini A. (2019). Perceived HRM practices, organizational commitment, and voluntary early retirement among late-career managers, *Human Resource Management*, no. 48, pp. 895–915.

22. Bal P. M., Kooij D. T. A. M., Rousseau D. M. (2015). Aging workers and the employee-employer relationship. Springer Cham Heidelberg. New York, London. 268 p.

23. Schmidt F.L., Hunter J.E. (1998). The validity and utility of selection methods in personnel psychology: Practical and theoretical implications of 85 years of research, *Psychological Bulletin*, no. 124 , pp. 262–274.

24. Allen J., Van der Velden R. (2001). Educational mismatches versus skill mismatches: Effects on wages, job satisfaction, and on-the-job search, *Oxford Economic Papers*, no. 3 , pp. 434–452.

25. Armstrong-Stassen M., Ursel N. D. (2019). Perceived organizational support, career satisfaction, and the retention of older workers, *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, no. 82, pp. 201–220.

26. Farr J.L., Ringseis E.L. (2002). The older worker in organizational context: Beyond the individual. In: C. Cooper, I. Robertson (Eds.). International review of industrial and organizational psychology (vol. 17, pp. 31–76). Chichester, UK: Wiley.

27. Maurer T.J. (2001). Career-relevant learning and development, worker age, and beliefs about self-efficacy for development, *Journal of Management*, no. 27, pp. 123–140.

28. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э., Буковей Т.Д.

(2020). Стратегии и технологии преодоления конфликтующих реальностей в жизнедеятельности людей в возрасте поздней зрелости // Педагогическое образование в России. № 4. С. 152–161.

29. Елютина М.Э., Смирнова Т.В. (2006). Геронтологическая составляющая кадровой работы современного руководителя // Социологические исследования. № 3. С. 40–48.

30. Jiang K., Lepak D.P., Hu J., Baer J.C. (2012). How does Human Resource Management infl uence organizational outcomes? A meta-analytic investigation of mediating mechanisms, *Academy of Management Journal*, no. 55, pp. 1264–1294.

31. Kooij D. T. A. M., De Lange A. H., Jansen P. G. W., Kanfer R., Dikkers J. S. E. (2011). Age and work-related motives: Results of a meta-analysis, *Journal of Organizational Behavior*, no. 32, pp. 197–225.

32. Conway E. (2004). Relating career stage to attitudes towards HR practices and commitment: Evidence of interaction effects? *European Journal of Work and Organizational Psychology*, no. 13, pp. 417–446.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Шуклина Елена Анатольевна – доктор социологических наук, профессор; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); e.a.shuklina@urfu.ru.

Широкова Елизавета Александровна – кандидат социологических наук; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); lizashirokov@gmail.com.

MANAGEMENT OF EDUCATIONAL PRACTICES OF THE "THIRD AGE" EMPLOYEES IN ORGANIZATION: RESEARCH APPROACHES AND STRATEGIES

E.A. Shuklina[4a], **E.A. Shirokova**[5a]

[a]Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

The article discusses a topical problem of management strategy for the educational activities of the third age employees in an organization. It analyzes different research approaches to organizational capabilities and involvement prospects of the third age employees in corporate educational practices, implemented through the system of strategic personnel management of enterprises or organizations. The research methodology is a set of theoretical approaches that help to understand the specifics of the third age employees' behavior in the labor and educational spheres. The authors give theoretical explanation of the management strategies, which are necessary for the effective involvement in the educational activities of the third age employees. The article provides a statistical characteristic of the third age personnel from the standpoint of their involvement in educational activities. Methods of expert survey of top managers, such as deputy managers and executive directors of big enterprises (124 experts), are used; expert assessments of specialists in the field of personnel management in Russia and abroad are analyzed. Besides, analysts in the field of socio-psychological and socio-pedagogical studies of the education of employees in their late adulthood, and heads of additional education and retraining establishments became the experts in this study (5 experts). Conclusions are made about the key role and potential of employers in the management of the educational activities of the third age employees, using institutional means to integrate their own and state resources, developing a comprehensive strategy for updating the human capital in order to develop the enterprise or organization in a competitive environment. It is shown, that the development prospects of the third age community are on the border between the state-private and civil-private partnerships.

[4]RSCI AuthorID: 137656

[5]RSCI AuthorID: 943248

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project №19-011-00096 "Education as a resource for the preservation and development of the social community of people of the third age".

KEYWORDS: personnel management, strategic management, personnel training, social community of third age employees, educational activity, continuing education.

FOR CITATION: Shuklina E.A., Shirokova E.A. (2021). Management of educational practices of the "third age" employees in organization: research approaches and strategies, *Management Issues*, no. 3, pp. 121–134.

REFERENCES

1. Smirnyh L.I., Emelina N., Travkin P.V., Leonova L.A., Roschin S.Yu. (sc. ed.), Solntsev S.A. (sc. ed.). (2020). Employees of pre-work age in the labor market in the Russian Federation: Newsletter. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. 32 p.

2. Agranovich M. (2019). Evaluation of the chance of employment of fellow workers of pre-retirement and retirement ages, *Economic policy*, vol. 14, no. 2, pp. 90–109.

3. Gimpelson V.E., Zinchenko D.I. (2019). Price of age: employee wages in older ages, *Economy issues*, no. 11, pp. 35–62.

4. Continuous education of the adult population in Russia: involvement, sources of financing and basic effects from participation. Newsletter. Moscow: Higher School of Economics, 2018. 32 p.

5. Shuklina E.A., Pevnaya M.V. (2017). Higher professional education and Institute of employers: Problems of effectiveness of inter-institutional relations, *Izvestiya of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*, no. 1 (159), pp. 155–163.

6. Shuklina E.A., Pevnaya M.V. (2018). Enterprises and universities in the region: forms of network interactions in expert estimates, *University management: practice and analysis*, vol. 22, no. 3 (111), pp. 86–97.

7. Kanfer R., Ackerman P.L. (2004). Aging, adult development, and work motivation, *Academy of Management Review*, no. 29, pp. 440–458.

8. Carstensen L.L. (1995). Evidence for a life span theory of socioemotional selectivity, *Current Directions in Psychological Science*, no. 4, pp. 151–156.

9. Quinones M.A., Ford J.K., Teachout M.S. (1995). The relationship between work experience and job performance: A conceptual and meta-analytic review, *Personnel Psychology*, no. 48 , pp. 887–910.

10. Baltes P.B., Baltes M.M. (1990). Psychological perspectives on successful aging: The model of selective optimization with compensation. In: P.B. Baltes, M.M. Baltes (Eds.). Successful aging: Perspectives from the behavioral sciences (pp. 1–34). New York: Cambridge University Press.

11. Baltes P.B., Staudinger U.M., Lindenberger U. (1999). Lifespan psychology: Theory and application to intellectual functioning, *Annual Review of Psychology*, no. 50, pp. 471–507.

12. Carstensen L.L. (1995). Evidence for a life span theory of socioemotional selectivity, *Current Directions in Psychological Science*, no. 4, pp. 151–156.

13. Lang F.R., Carstensen L.L. (2002). Time counts: Future time perspective, goals and social relationships, *Psychology and Aging*, no. 17, pp. 25–139.

14. Boxall P., Purcell J. (2011). Strategy and human resource management (2nd ed.). New York/Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. 234 p.

15. Yeatts D.E., Folts W.E., Knapp J. (2000). Older workers' adaptation to a changing workplace: Employment issues for the 21st century, *Educational Gerontology*, no. 26, pp. 565–582.

16. Armstrong-Stassen M. (2008). Organisational practices and the post-retirement employment experience of older workers, *Human Resource Management Journal*, no. 18, pp. 36–53.

17. Rau B.L., Adams G.A. (2005). Attracting retirees to apply: Desired organizational characteristics of bridge employment, *Journal of Organizational Behavior*, no. 26, pp. 649–660.

18. Remery C., Henkens K., Schippers J., Ekamper P. (2003). Managing an aging workforce and a tight labor market: Views held by Dutch employers, *Population Research and Policy Review*, no. 22, pp. 21–40.

19. Kooij D. T. A. M., Jansen P. G. W., Dikkers J. S. E., De Lange A. H. (2014). Managing aging workers: A mixed methods study on bundles of HR practices for aging workers, *The International Jour-*

nal of Human Resource Management, no. 25 (15), pp. 2192–2212.

20. Boxall P. (1996). The strategic HRM debate and the resource-based view of the firm, *Human Resource Management Journal*, no. 6, pp. 59–75.

21. Herrbach O., Mignonac K., Vandenberghe C., Negrini A. (2019). Perceived HRM practices, organizational commitment, and voluntary early retirement among late-career managers, *Human Resource Management*, no. 48, pp. 895–915.

22. Bal P. M., Kooij D. T. A. M., Rousseau D. M. (2015). Aging workers and the employee-employer relationship. Springer Cham Heidelberg. New York, London. 268 p.

23. Schmidt F.L., Hunter J.E. (1998). The validity and utility of selection methods in personnel psychology: Practical and theoretical implications of 85 years of research, *Psychological Bulletin*, no. 124 , pp. 262–274.

24. Allen J., Van der Velden R. (2001). Educational mismatches versus skill mismatches: Effects on wages, job satisfaction, and on-the-job search, *Oxford Economic Papers*, no. 3 , pp. 434–452.

25. Armstrong-Stassen M., Ursel N. D. (2019). Perceived organizational support, career satisfaction, and the retention of older workers, *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, no. 82, pp. 201–220.

26. Farr J.L., Ringseis E.L. (2002). The older worker in organizational context: Beyond the individual. In: C. Cooper, I. Robertson (Eds.). International review of industrial and organizational psychology (vol. 17, pp. 31–76). Chichester, UK: Wiley.

27. Maurer T.J. (2001). Career-relevant learning and development, worker age, and beliefs about self-efficacy for development, *Journal of Management*, no. 27, pp. 123–140.

28. Zeer E.F., Symanyuk E.E., Bukovey T.D. (2020). Strategies and technologies for overcoming conflicting reality in the vital activity of people at the age of late maturity, *Pedagogical education in Russia*, no. 4, pp. 152–161.

29. Elyutina M.E., Smirnova T.V. (2006). The gerontological component of the personnel work of the modern leader, *Sociological research*, no. 3, pp. 40–48.

30. Jiang K., Lepak D.P., Hu J., Baer J.C. (2012). How does Human Resource Management infl uence organizational outcomes? A meta-analytic investigation of mediating mechanisms, *Academy of Management Journal*, no. 55, pp. 1264–1294.

31. Kooij D. T. A. M., De Lange A. H., Jansen P. G. W., Kanfer R., Dikkers J. S. E. (2011). Age and work-related motives: Results of a meta-analysis, *Journal of Organizational Behavior*, no. 32, pp. 197–225.

32. Conway E. (2004). Relating career stage to attitudes towards HR practices and commitment: Evidence of interaction effects? *European Journal of Work and Organizational Psychology*, no. 13, pp. 417–446.

AUTHORS' INFORMATION:

Elena A. Shuklina – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); e.a.shuklina@urfu.ru.

Elizaveta A. Shirokova – Ph.D. of Sociological Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); lizashirokov@gmail.com.

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-135-147 ВАК: 08.00.01, 08.00.05

РОЛЬ БЮДЖЕТНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ

В.В. Мортиков[1 a]

[a]Луганский государственный университет имени Владимира Даля

АННОТАЦИЯ:
В статье поставлена цель исследования реакций управления персоналом организации на изменение ее бюджетных ограничений. Реализация этой цели дает организации возможность эффективно планировать свою кадровую политику в зависимости от доступа к различным источникам финансирования. На основе анализа отечественного законодательства, статистических материалов РФ, современных публикаций в журналах по управлению персоналом составлена таблица, в которой даются основные характеристики бюджетных ограничений организации в управлении кадрами.

Развивается теория бюджетных ограничений. К числу рыночных факторов, влияющих на жесткость, расширение/сужение бюджетных ограничений организации, относятся: ценовая, неценовая конкуренция на рынках труда, готовой продукции; ценовая эластичность спроса на работников; стоимость привлеченных средств. Определены институциональные предпосылки и препятствия на пути изменения бюджетных ограничений, формы реакции организаций на изменение данных ограничений в кадровой сфере. Среди институциональных факторов, влияющих на жесткость, возможность расширения бюджетных ограничений: законодательство о банкротстве, минимальной зарплате, порядке расчета с работниками; возможности получения субсидий организацией, институциональные ограничения доступа к кредиту. В статье акцентируется внимание на внешних и внутренних бюджетных ограничениях, значении, трудностях бюджетирования расходов на персонал в практике управления кадрами в современной России.

Для использования в практике хозяйствования предлагаются разные режимы изменения бюджетных ограничений. Переход между ними зависит от задач, решаемых организацией. Даются рекомендации организациям в условиях сужения и увеличения, расширения, смягчения жесткости бюджетного ограничения. В частности, при расширении бюджетного ограничения организации автором предлагается несколько вариантов ее поведения в трудовой сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление персоналом, бюджетное ограничение организации, мягкое бюджетное ограничение, изменение бюджетного ограничения, бюджетирование расходов на персонал, институты.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мортиков В.В. (2021). Роль бюджетных ограничений в управлении персоналом организации // Вопросы управления. № 3. С. 135–147.

Введение

Осуществляя управление персоналом, любая организация встречается с различного рода ограничениями: законодательными, ресурсными, технико-технологическими. Одним из решающих ограничений, оказывающих влияние на управленческие решения, является бюджетное ограничение организации: все ее расходы, в том числе и расходы, связанные с персоналом, ограничиваются доходом предприятия.

При проведении политики занятости в организации, управленцам следует различать понятия «изменение бюджетного ограничения» и «изменение жесткости бюджетного ограничения». Существует достаточно много форм изменения, в частности, расширения бюджетного ограничения. Это неявное и явное субсидирование (прямая финансовая помощь, снижение цен на энергоресурсы), банковские кредиты, увеличение долгов предприятия перед поставщиками производственных

[1]AuthorID РИНЦ: 1068039

© Мортиков В.В., 2021

ресурсов. Доступ к этим формам расширения бюджетного ограничения может быть простым (мягкое бюджетное ограничение), а может быть ограниченным или вообще отсутствовать (жесткое бюджетное ограничение).

Общим между изменением бюджетного ограничения и изменением жесткости бюджетного ограничения является то, что оба эти процесса сопровождаются изменением количества доступных альтернатив поведения работодателя. К примеру, как при расширении бюджетного ограничения, так и при его смягчении выбор вариантов управленческих решений работодателем увеличивается.

Обзор литературы

В зарубежной экономической литературе обращалось внимание на феномен мягких бюджетных ограничений деятельности организаций в советских и постсоветских странах, обусловливаемый щедрой финансовой помощью им со стороны государства [1; 2]. Такая мягкость бюджетного ограничения деятельности организации, как правило, сопровождается снижением эффективности ее функционирования. Дж. Эрл, С. Эстрин обнаружили, что российские фирмы, которые получали субсидии, имели на 6 % меньшее увеличение производительности труда по сравнению с фирмами, не получавшими субсидий [3].

В современной зарубежной специальной литературе нашли отражение различные аспекты управления расходами на персонал. Достаточно часто поднимается проблема взаимодействия стратегического управления персоналом, формирования стратегического человеческого капитала и финансирования [4–6]. Анализируется, каким образом управление персоналом в целом [7; 8], политика оптимизации персонала [9], реагируют на необходимость ввода режима жесткой экономии в кризисные для организации периоды. Дается оценка реакций занятости организации на спад: первая – организация радикально меняет модель занятости, другая – двигается по устоявшейся колее, не внося существенных изменений в эту модель [10].

В период рецессии и сужения бюджетных ограничений нарастает нарушение работодателями взятых на себя по отношению к наемному персоналу обязательств, в частности, имплицитных [11; 12]. Но даже в периоды финансовых трудностей компании не экономят на удержании сотрудников, которым трудно найти замену [13].

Поведению организаций в условиях различных по величие, жесткости бюджетных ограничений в отечественной литературе специального внимания не уделяется. Недостаток такого внимания особенно проявляется в условиях сужения и ужесточения бюджетных ограничений деятельности российских предприятий, которые происходят во времена экономических трудностей 2008–2009, 2014 и 2020 годов в связи с ухудшением их рыночных позиций, более жесткими условиями доступа к различным источникам финансирования расходов.

В отечественной литературе различным аспектам расходования средств на персонал уделяется достаточно внимания [14–16]. Однако относительно малоизученной остается область влияния бюджетных ограничений на поведение организаций в кадровой сфере. Между тем всесторонний анализ этого влияния дает возможность выстроить эффективные тактику и стратегию управления персоналом. Цель статьи: исследовать ключевые вопросы управления персоналом организации в условиях различных бюджетных ограничений. Для анализа реакции организаций на изменение их бюджетных ограничений в статье используется статистика по просроченной зарплатной задолженности в разных сферах деятельности РФ, что является новым подходом к анализу феномена бюджетных ограничений.

Результаты исследования

Некоторые институциональные аспекты проявления бюджетных ограничений в управлении персоналом

В современных работах отмечается значение различного рода институтов финансирования расходов на персонал, которые способствуют преодолению бюджетных ограничений (доступ к долговременному финансированию благодаря покупке акций работниками) и сдерживают это преодоление (высокие социальные стандарты, которых должна придерживаться организация, коллективные соглашения, политика минимальной зарплаты) [17].

Политика мягких ограничений финансирования государственных предприятий в бывшем СССР выражалась в определенном количестве излишней рабочей силы в трудовых коллективах, когда работу 2–3 сотрудников нередко делали 5–6. Если принять во внимание такую характеристику предприятий, как форма их собственности и хозяйствования в современных российских организациях, то наиболее мягкие бюджетные ограничения, очевидно, имеют государственные предприятия и учреждения, которые находятся на государственном финансировании. Бюджетные ограничения организаций отличаются и в зависимости от их размеров. У многих субъектов малого предпринимательства нет таких широких возможностей обращения к банковским ссудам, как у крупных структур[2]. Малые предприятия часто не располагают имуществом, которое может быть использовано в качестве ликвидного залога для обеспечения гарантий возвращения кредита, им сложнее бывает собрать необходимую для получения кредита управленческую отчетность.

Отличия между предприятиями в способности смягчать бюджетные ограничения определяются и их возможностями ухода «в тень», выплачивать зарплату «в конверте». Не случайным представляется быстрое развитие в последние десятилетия сферы услуг. Кроме других причин это обусловливается и более широкими возможностями тенизации своей деятельности предпринимателями данной сферы.

Довольно актуальной является проблема межвременного ограничения бюджета организации, или взаимозависимости изменения жесткости бюджетного ограничения в настоящее время и в будущем. Руководителей, ожидающих близкого выхода на пенсию, случается, обвиняют в отсутствии стремления инвестировать в инновации, являющиеся условием долговременной устойчивости организаций [18]. Предприятие сокращает инвестиции и расширяет социальные затраты сегодня вследствие чего у него происходит сокращение производственной базы и соответственно доходов в будущем. Такая практика расширения бюджетного ограничения в настоящем за счет повышения жесткости ограничения в будущем наблюдается, в частности, в тех случаях, когда трудовой коллектив требует от руководства повышения зарплаты, улучшения условий труда без соответствующего роста производительности работы. Соображения получения кратковременной выгоды организацией, случается, входят в противоречие с построением партнерских отношений с персоналом [19; 20]

В РФ важным регулятором бюджетных ограничений организации является Закон о несостоятельности (банкротстве)[3]. В августе 2020 года, вступили в силу изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» согласно которым работодатель не сможет завершить процесс ликвидации организации, не рассчитавшись с работниками[4].

Законодатель может влиять на бюджетные ограничения организации, в частности, изменяя минимальную зарплату и налоги на нее, внося изменения в состав расходов, которые могут быть отнесены ею на затраты при расчете налоговых обязательств. Так, в 2020 году в силу вступил Федеральный закон, содержащий нормы независимой оценки квалификации. Плательщики при расчете налога на прибыль в соответствии с появившимся в 2020 году подпунктом статьи 264 Налогового кодекса теперь могут включать в состав расходов стоимость профессиональной оценки сотрудников, проведенной в независимых центрах[5].

Несмотря на значительные институциональные различия в кадровой политике разных стран организации одинаково реагируют на сужение финансовых возможностей своего функционирования, что, в частности, пока-

[2]Фомина В. Какие трудности в получении кредита на развитие бизнеса? URL: https://www.sravni.ru/q/kakie-osnovnye-trudnosti-v-poluchenii-kredita-na-razvitie-biznes-29702.

[3]Закон о несостоятельности (банкротстве) № 127-ФЗ. URL: http://logos-pravo.ru/zakon-o-nesostoyatelnosti-bankrotstve-no-127-fz.

[4]Ликвидировать организацию, не рассчитавшись с работниками, теперь нельзя. URL: https://git77.rostrud.gov.ru/news/908236.html.

[5]Как формируются затраты на оценку персонала URL: http://buhuchetpro.ru/zatraty-na-ocenku-personala.

зывают авторы одной из публикаций, посвященной сокращению персонала в Великобритании и Франции[21].

Экономическая динамика и изменение бюджетных ограничений в организациях РФ

Наблюдать за тем как изменение бюджетных ограничений организаций может сказываться на их кадровой политике можно, в частности, отслеживая как различные фиксируемые статистикой показатели трудовой сферы реагируют на экономическую динамику. Наиболее значимыми событиями в последние 15 лет были спады 2008–2009, 2014–2015, 2020 годов в результате которых у многих организаций произошло сужение бюджетных ограничений их деятельности. Среди показателей в сфере труда, так или иначе «откликнувшихся» на спады были изменения в: числе работающих в организациях; отработанном времени; численности работников списочного состава; находившихся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника; номинальной и реальной зарплате, просроченной задолженности по зарплате.

Росстат выделяет 2 причины просроченной задолженности организаций перед работниками по зарплате: несвоевременное получение средств из госбюджета и отсутствие собственных средств. В РФ просроченная задолженность из-за отсутствия собственных средств является основной причиной возникновения такой задолженности.

Последствия шока, вызванного пандемией в виде возросшей просроченной задолженности появились в апреле 2020 года. Уже в июне, июле и последующих месяцах вступили в действие факторы, связанные с отсрочкой платежей организациям по налогам и аренде, что, несомненно, сказалось на смягчении бюджетных ограничений, вызванных первоначальным шоком. Мы выбрали некоторые виды экономической деятельности, данные по которым наиболее характеризуют реакцию организаций на сужение бюджетных ограничений (табл. 1).

На транспорте рост организаций, имеющих просроченную задолженность по зарплате, был связан с сокращением поездок людей на работу, сокращением грузовых перевозок в связи с общим спадом экономической активности. В сфере управления недвижимым имуществом за вознаграждение или на договорной основе происходило активное расторжение договоров об аренде деловой и жилой недвижимости, что также сказалось на увеличении организаций с просроченной задолженностью. Весьма чувствительной к пандемии оказалась активность в области культуры, искусства, отдыха и развлечений. Здесь сужение бюджетных ограничений организаций и рост их просроченной задолженности было связано с сокращением посещений населением различных культурных мероприятий.

В то же время сельскохозяйственные предприятия практически «не почувствовали» шока, связанного с началом пандемии, что видно из данных нашей таблицы. Спрос на продукцию сельского хозяйства, являющуюся по преимуществу продуктами первой необходимости, остается более или менее стабильным при общем падении экономической активности. То же можно сказать и о водоснабжении; организации сбора и утилизации отходов. В строительстве отсутствие видимой реакции просроченной задолженности на шок был связан очевидно с высокой инерционностью этой сферы деятельности: запаздыванием реакции инвестиций в строительные объекты на общую экономическую ситуацию в стране.

Необходимо признать, что статистика по просроченной задолженности фиксирует в основном лишь положение в крупных и средних организациях формального сектора экономики. Она «не видит» задолженности по зарплате в «тени», у индивидуальных предпринимателей. Кроме того просроченная задолженность по зарплате является лишь одной из реакций на сужение бюджетных ограничений организаций. Они реагировали на шок весны 2020 года также путем сокращения численности персонала, отправлением сотрудников в вынужденные отпуска, уменьшением переменной части зарплаты. Какая из этих реакций преобладала в каждом конкретном случае зависело от эластичности спроса на рабочую силу по зарплате, ценовой эластичности спроса на продукцию и услуги организаций соответствующего вида экономической деятельности и других факторов.

Таблица 1 – Количество организаций, имеющих просроченную задолженность по заработанной плате работников в Российской Федерации в 2020 году по некоторым видам экономической деятельности (в % к началу года)[6]

Table 1 – The number of organizations with overdue wage arrears in the Russian Federation in 2020 for some types of economic activity (% to the beginning of the year)

	На 01.04	**На 01.05**	**На 01.06**	**На 01.07**	**На 01.08**
Всего по отдельным видам экономической деятельности	100,9	107,2	119,3	99,7	98,0
Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях; лесозаготовки	93,5	93,5	93,5	87,1	83,9
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	114,3	110,7	103,6	85,7	67,9
Строительство	100,0	98,1	98,1	88,5	94,2
Транспорт	100,0	116,2	124,3	108,1	97,3
Управление недвижимым имуществом за вознаграждение или на договорной основе	172,7	154,5	209,1	118,2	172,7
Деятельность в области культуры, искусства, отдыха и развлечений, теле- и радиовещания	120,0	120,0	180,0	200,0	180,0

Реакция кадровой политики на изменение бюджетного ограничения организации

Законодательство РФ разъясняет, из каких компонентов состоят затраты на персонал[7]. Опираясь на данный материал, можно предложить различные режимы реакции организации на изменение бюджетного ограничения, а также изменения его жесткости:

– режимы, предполагающие последовательное и пропорциональное сокращение или увеличение всех расходов на персонал, скажем, начиная с 5 %, затем на 10, 15, 20 % и т.д.;

– режимы, предполагающие последовательное отсечение и прибавление различных элементов компенсационного пакета (скажем, сначала – расходов на проведение корпоративных праздников, потом – на обучение и т.д.);

– режимы, предполагающие последовательное и пропорциональное изменение лишь одной или нескольких статей расходов на персонал (расходов на корпоративные мероприятия, на профобучение и т.д.);

– режимы, предполагающие изменение совокупной занятости предприятия (часы работы, количество рабочих мест, количество сотрудников) с одновременным изменением соответствующих расходов на персонал;

– режимы, предполагающие изменение отдельных расходов в отношении отдельных сотрудников, групп сотрудников. Смягчение бюджетного ограничения деятельности предприятия может улучшать экономические позиции лишь отдельных групп работников, например, топ-менеджеров, а на остальных сотрудниках не сказываться. Скажем, получение субсидии государства может сохранить позиции заместителей генерального директора, сохранению их окладов на прежнем уровне.

Организация может пойти по пути активного использования одного или нескольких вышеперечисленных режимов. Поскольку каждый режим предполагает определенное количество степеней, вариантов в зависимости от изменений величины и жесткости бюджетного ограничения, организация решает для себя, какие именно изменения в бюджетном ограничении должны произойти, чтобы она перешла от одного варианта реагирования к другому.

При кардинальном изменении бюджетного ограничения возможен переход от одного режима реакции организации к другому. Но при незначительном – может происходить лишь смена вариантов реагирования в рамках одного режима. В действительности постоянное текущее приспособление к небольшим изменениям бюджетного ограничения может происходить у предприятия постоянно (в виде естественной убыли персонала, например).

[6]Источник: составлено автором по данным Росстата.

[7]Об утверждении Методологических положений по проведению выборочного обследования организаций о составе затрат на рабочую силу : Постановление Росстата от 28.11.2005 № 88 // КонсультантПлюс. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-rosstata-ot-28112005-n-88-ob.

Есть организации, которые могут себе позволить достаточно широкий выбор режимов и вариантов реагирования на изменение бюджетного ограничения, в частности за счет варьирования различными элементами компенсационного пакета. Это, как правило, предприятия, не испытывающие острой ценовой конкуренции на рынках готовой продукции (олигополии или монополии) и ценовой конкуренции на рынке труда (монопсонии и олигопсонии). На таких предприятиях «есть куда отступать» при ужесточении бюджетного ограничения. С повышением жесткости этого ограничения от социального пакета могут полностью или частично «отсекаться» какие-то элементы без угрозы ухода работников .

В организациях, где компенсация сводится лишь к оплате труда, при ужесточении и сужении бюджетного ограничения может происходить переход от базового режима к режиму, предполагающему прекращение увеличения ставок оплаты, доплат за совместительство, разделение рабочих мест с соответствующим сокращением оплаты труда занятых.

Организации крайне важно заранее готовиться к изменению своего бюджетного ограничения. Для этого необходимо установить приоритетность своих расходов на персонал: а) по отдельным работникам и их группам; б) по отдельным направлениям расходов. Кроме того, следует установить и приоритетность как самих рабочих мест, так и приоритетность различных расходов на их функционирование. К примеру, можно установить режимы приоритетности: 1-й, 2-й, 3-й и т.д. При 1-м режиме все расходы остаются неизменными при увеличении отдельных статей расходов, скажем на оплату труда. При 2-м базовом режиме все расходы находятся на базовом уровне. При 3-м режиме основная часть расходов остается на базовом уровне при уменьшении премий, бонусов. При 4-м и последующих режимах сначала в меньшей, а потом в большей степени начинают использоваться такие мероприятия, как оптимизация занятости (сокращение неэффективных, недостаточно эффективных рабочих мест и работников), отмена целых направлений расходов на персонал (скажем, обучение бухгалтеров, оплата медобслуживания членов семей сотрудников).

Организация может для себя выделить несколько вероятных размеров месячной выручки, скажем: 1) до 50 млн руб.; 2) от 100 до 200 млн руб.; 3) свыше 200 млн руб. и несколько возможных степеней изменения данной выручки в течение месяца: а) до 5 %, б) от 5 до 10 %, в) свыше 10 %. Принимается решение, что только в случаях 1б и 1в предприятие может позволить себе идти на сокращение своих расходов путем сокращения рабочих мест и связанных с их функционированием расходов. При столкновении с иными ограничениями используются более щадящие формы реакции: экономия на корпоративных мероприятиях, профессиональном обучении.

Предприятию целесообразно определить для себя какой-то базовый, минимальный уровень расходов на персонал. Это можно сделать: а) в абсолютной величине, и определить расходы в сумме, скажем 2 млн руб.; б) в относительной величине, скажем определить данные расходы в размере 25 % от всех затрат предприятия. Параллельно с этим есть смысл определить базовый уровень занятости (количество, структура персонала, количество часов работы). На каждом предприятии существует определенное количество рабочих мест, которые не сокращаются даже при крайнем сужении, ужесточении бюджетного ограничения его деятельности. В идеально гибком варианте при максимальном ужесточении и сужении бюджетного ограничения предприятие остается функционировать с ключевыми сотрудниками (руководитель, главный бухгалтер, главный инженер и т.д.), которым задерживают оплату на неопределенный срок.

Важно, чтобы сотрудники были заранее осведомлены о режимах и вариантах реагирования, а также, по возможности, о готовящихся кардинальных изменениях в бюджете предприятия. Может быть объявлено, что в связи с падением годовой выручки предприятия со 100 до 70 млн руб. оно решает: а) сократить 2 торговых представителя и одно место в бухгалтерии; б) отказаться от программ обучения сотрудников среднего управленческого звена; в) не выплачивать премии по итогам года. Гласность и прозрачность желательны и при расширении, появлении возможностей смягчения бюджетного ограничения.

Кадровая политика предприятия в условиях сужения и увеличения жесткости бюджетного ограничения

Данная ситуация является весьма характерной для предприятий, теряющих рынки сбыта, сталкивающихся с падением цен на свою продукцию и с ограничением доступа к заемным средствам. В таких случаях предприятие может прибегнуть к одному или нескольким из следующих шагов:

– отказ от создания новых рабочих мест;

– перевод некоторых работников на совмещение различных трудовых обязанностей (заместитель главного бухгалтера начинает выполнять обязанности кассира) при сохранении сотруднику-совместителю прежней оплаты и сокращении общей численности работников. Хотя сокращение численности и расширение специализации оставшихся работать сотрудников целесообразно лишь в отдельных случаях: когда это не вредит качеству работы;

– оптимизация персонала: на работы, не требующие высокой квалификации, переводятся работники с низкой квалификацией и оплатой;

– если предприятие не в состоянии платить высокую зарплату высококвалифицированному специалисту, оно может нанять менее квалифицированного сотрудника и уже довести его «до уровня». Хотя и это последнее может потребовать затрат;

– экономия на оплате труда при сохранении стабильной величины и структуры занятости. Возможна за счет сокращения, ликвидации премий, бонусов, доплат. Возможны различны варианты экономии на оплате сверхурочных, простоев, совмещения;

– частичный или полный отказ предприятия от расходов на обучение персонала, оплату транспорта, мобильной связи, медицинских страховок и т.д. сотрудникам.

В условиях сложной эпидемиологической ситуации 2020 года многие организации столкнулись с достаточно жесткими бюджетными ограничениями, необходимостью сокращения персонала, зарплат. По данным опроса, проведённого сервисом Hh.ru в октябре 2020 года с начала кризиса прошли увольнения в 47 % организаций, зарплаты сократились у 37 % сотрудников[8].

Тот факт, что жесткость бюджетного ограничения выступает достаточно эффективным регулятором занятости на предприятиях необходимо принимать во внимание при рассмотрении различных апелляций к государственной финансовой помощи для «поддержки национального производителя», «для сохранения рабочих мест».

Необходимо заметить, что ответом на сужение/повышение жесткости бюджетного ограничения может быть мнимая или показная оптимизация рабочих мест и занятости в результате увольнения неугодных администрации сотрудников.

В целом во время ужесточения/сужения бюджетного ограничения организации происходит, как правило, нарушение ею разнообразных обязательств, связанных с денежными расходами. Именно поэтому для работодателя, который ожидает встретиться с такого рода бюджетным ограничением, более выгодно заключение трудовых контрактов со слабым механизмом инфорсмента в отношении выполнения перед работником разных обязательств, требующих денежных затрат.

Одной из форм реакции предприятия на ужесточение и сужение его бюджетного ограничения является невыплата людям заработанных денег вообще, невыплата в оговоренные сроки, частичная невыплата зарплаты. На 1 января 2021 года просроченная задолженность по зарплате работников в РФ составляла 1,6 млрд. руб.[9] . Возможность не платить по труду сохраняет рабочие места даже при значительном ухудшении производственно-коммерческих и финансовых показателей деятельности предприятия.

Внешнее и внутреннее бюджетные ограничения

Следует различать внешнее бюджетное ограничение организации, определяемое ее выручкой от реализации, внереализационны-

[8]Шабрукова Н. Эксперты рассказали, что ждёт российский рынок труда к концу 2020 года. URL: https://gorodrabot.ru/news/106909.

[9]Просроченная задолженность по заработной плате работников в РФ в 2021 году. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs.

ми доходами, и внутренние бюджетные ограничения, то есть те, которые существуют внутри организации. В любой организации в той или иной степени присутствуют своего рода перегородки, разделяющие расходы на одни цели от расходов на другие цели. То есть существует не только внешнее бюджетное ограничение, но и внутриорганизационные бюджетные ограничения, которые определяются: коллективными договорами с профсоюзами; нормативными документами; формой собственности предприятия; кадровой политикой предприятия.

Перегородки особенно ощутимы в деятельности государственных организаций, где затраты на оплату труда, например, осуществляются по определенным нормативам. Они заметны и в деятельности акционерных предприятий: решение о процентном соотношении затрат на развитие, обновление производства, с одной стороны, и на потребление, с другой, принимается здесь, как правило, общим собранием акционеров. Наибольшую свободу и гибкость в отношении направлений использования собственных денежных средств имеют частные индивидуальные или семейные предприятия, владельцы которых могут беспрепятственно изменять пропорции, в которых средства расходуются на разные цели.

При планировании своих затрат организации есть смысл определять: удельный вес затрат на персонал в общих затратах; удельный вес отдельных составных затрат на персонал в общих затратах на персонал; удельный вес затрат на отдельные группы работников в общих затратах на персонал. Данные соотношения являются основой для формирования локальных ограничений организации. Каждое такое ограничение имеет свой уровень жесткости, ригидности, возможности изменения (расширения или сужения). Например, возможность увеличения фонда оплаты труда (далее – ФОТ) за счет уменьшения других статей расходов (скажем, расходов на страхование) в разных организациях скорее всего будет различаться.

Определение характера, уровня бюджетных ограничений внутри совокупных доходов-расходов организации представляется достаточно актуальным вопросом. Очевидно, существует несколько базовых вариантов:

– предприятие абсолютно свободно распоряжается своими средствами и при необходимости перераспределяет первоначально запланированные ресурсы;

– расходы на персонал жестко планируются. При планировании отдельных статей расходов на персонал организация жестко придерживается соотношений, которые имеются в различных нормативных документах, типовых схемах расходов на персонал. Использование денег не по целевому назначению либо вообще невозможно, либо возможно, но сурово наказывается;

– существует ограниченная возможность переброски средств, предназначенных для одних целей, на другие цели. Скажем, на выплату зарплаты не могут использоваться средства, предназначенные для осуществления капиталовложений.

В рамках общих расходов на персонал жесткие бюджетные ограничения по одним направлениям затрат могут сочетаться с относительно мягкими ограничениями по другим направлениям: скажем, жесткое ограничение по ФОТ сочетается с относительной гибкостью в отношении расходов на социальные льготы, бенефиты; жесткость в отношении расходов на подбор персонала с вариативностью расходов на корпоративные мероприятия. Среди факторов относительной жесткости:

– расходов на подбор кадров – необходимость проведения тщательного тестирования принимаемых на работу специалистов;

– расходов на оплату труда – уровень производительности труда.

Кроме того, как общее бюджетное ограничение, так и внутриорганизационные бюджетные ограничения по расходам на персонал определяются уровнем соответствующих расходов, достигнутых конкурентами. Если в организации удельные расходы на персонал (расходы на персонал, отнесенные к единице продукции) превышают те, что сложились в результате конкуренции, то управленцам организации следует задуматься.

При анализе внутренних бюджетных ограничений организации ее руководству полезно ответить на следующие вопросы: может ли меняться структура расходов на персонал после того, как она уже утверждена? Может ли осу-

Таблица 2 – Основные характеристики влияния бюджетных ограничений на управление персоналом в организации[10]

Table 2 – Main characteristics of the impact of budget constraints on personnel management in an organization

Наименование характеристик	Описание характеристик
Виды бюджетных ограничений	Мягкие, жесткие; узкие, широкие; внешние, внутриорганизационные
Изменение бюджетных ограничений	Смягчение, ужесточение; расширение, сужение
Рыночные факторы, влияющие на жесткость, расширение/сужение бюджетных ограничений организации	Ценовая, неценовая конкуренция на рынках труда, готовой продукции, ценовая эластичность спроса на работников, стоимость привлеченных средств
Институциональные факторы, влияющие на жесткость, возможность расширения бюджетных ограничений	Законодательство о банкротстве, минимальной зарплате, порядке расчета с работниками; возможности получения субсидий организацией, институциональные ограничения доступа к кредиту
Формы реагирования организации на изменение бюджетных ограничений в трудовой сфере	Подстройка в форме изменения количества используемого труда, изменения в величине и структуре зарплатных и незарплатных выплат
Институты, облегчающие реагирование организации на изменение бюджетных ограничений	Аутсорсинг, аутстаффинг, удаленная занятость, участие работников в капитале организации

ществление определенных расходов (на стажировку, скажем) откладываться во времени из-за того, что соответствующие суммы нужны сейчас на оплату труда?

Могут существовать также разные степени свободы при использовании собственных средств организации на проведение политики занятости и привлеченных (кредиты, целевое финансирование).

Совокупность характеристик влияния бюджетных ограничений на поведение организации в кадровой сфере дается в таблице 2.

Разговор о роли бюджетных ограничений в управлении персоналом был бы неполным без рассмотрения некоторых аспектов бюджетирования расходов на персонал то есть процесса планирования бюджета расходов на персонал, организации соответствующих затрат и контроля за соответствующими расходами. Процесс бюджетирования расходов на персонал охватывает 4 стадии: составление проекта бюджета, рассмотрение и утверждение его полномочным лицом, исполнение бюджета и контроль, составление отчета об исполнении бюджета и его анализ. Прежде, чем спланировать бюджет расходов на персонал, необходимо иметь бизнес-план предприятия по персоналу.

Существуют укрупненные и детализированные статьи бюджета расходов на персонал. Скажем, общий ФОТ подразделяется на фонд оплаты труда штатных сотрудников, сотрудников, привлекаемых по договорам подряда, сотрудников, привлекаемых по временным трудовым соглашениям. При этом в ряде случаев уже на стадии планирования желательно определить, насколько подвижным является бюджетное ограничение как по общему ФОТ организации, так и, скажем, по ФОТ отдельных ее подразделений. Затем, в процессе выполнения бюджета возможна корректировка, пересмотр первоначально задуманных уровней жесткости бюджетных ограничений по детализированным статьям.

В процессе обоснования затрат на персонал, жесткости, возможностей расширения бюджета отдельных статей этих затрат может использоваться бенчмаркинг – то есть схемы затрат, эффективно используемые родственными организациями.

Следует заметить, что, по сути, любое решение, принимаемое менеджером по персоналу, имеет отношение к бюджетированию расходов персонал. Когда такой менеджер планирует закрытие вакансии или открытие нового рабочего места, получает счет за участие в практическом семинаре, он уже управляет бюджетом.

Не всегда ответственность за расходы на персонал ложится на плечи руководителя по управлению персоналом. В зависимости от политики управления эти полномочия могут де-

[10]Источник: составлено автором.

легироваться линейным руководителям, а у директора по персоналу должен при этом оставаться механизм контроля и корректировки.

Трудности бюджетирования расходов на персонал, управления данными расходами в современной России во многом связаны с человеческим фактором:

– случается, специалисты в области управления персоналом имеют слабую экономическую подготовку;

– в ряде организаций всеми расходами управляет первое лицо – руководитель, который не хочет или не в состоянии делегировать часть своих полномочий другим руководителям, в частности руководителю службы управления персоналом;

– между директором по персоналу и финансовым директором может наблюдаться противоборство по поводу того, кто управляет фондом оплаты труда;

– специалисты по персоналу могут не хотеть или не в состоянии брать на себя ответственность по расходам

Заключение

В целом проведение кадровой политики в условиях различных бюджетных ограничений является актуальной проблемой для исследования и объектом для практического применения. Возможными направлениями дальнейшей разработки данной проблемы могут стать изучение того, насколько быстро изменения в бюджетном ограничении сказываются на занятости, оплате труда, расходах на обеспечение безопасности труда и обучение; какова степень реакции отдельных направлений расходов на персонал на изменение бюджетного ограничения?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kornai J., Maskin E., Roland G. (2003). Understanding the soft budget constraint, *Journal of Economic Literature*, vol. 41, pp. 1095–1136.

2. Maskin E., Xu C. (2001). Soft budget constraint theories: from centralization to the market, *Economics of Transition*, vol. 9, no. 1, pp. 1–27.

3. Earle J., Estrin S. (2003).Privatization, competition and budget constraints: disciplinig enterprises in Russia, *Economics of Planning*, vol. 36, no. 1, pp. 1–22.

4. Krausert A. (2015) HRM Signals for the Capital Market. Human Resource Management. DOI: 10.1002/hrm.21718.

5. Krausert A. (2017).The HRM–capital market link: Effects of securities analysts on strategic human capital, *Human Resource Management*, vol. 57, no. 1, pp. 97–110. DOI: 10.1002/hrm.21841.

6. Cushen J., Thompson P. (2016). Financialization and value: Why labour and the labour process still matter, *Work, Employment and Society*, no. 30, pp. 352– 365.

7. Pepple D., Olowookere K. (2020).Towards an Understanding of the Dynamics of Work and Employment Relations during Austerity, *Public Organization Review*. DOI: 10.1007/s11115-020-00488-z.

8. Cook H., MacKenzie R., Forde C. (2016). HRM and performance: the vulnerability of soft HRM practices during recession and retrenchment, *Human Resource Management Journal*. DOI: 10.1111/1748-8583.12122.

9. Cregan C., Kulik C., Johnston S., Bartram T. (2020). The influence of calculative ("hard") and collaborative ("soft") HRM on the layoff-performance relationship in high performance workplaces, *Human Resource Management Journal*. DOI: 10.1111/1748-8583.12291.

10. Roche W.K., Teague P. (2014). Do recessions transform work and employment? Evidence from Ireland, *British Journal of Industrial Relations*, vol. 52, pp. 261– 285.

11. Zeitoun H., Pamini P. (2020). A promise made is a promise kept: Union voice, HRM practices, implicit contracts and workplace performance in times of crisis, *Human Resource Management Journal*. DOI: 10.1111/1748-8583.12308.

12. Appelbaum E., Batt R., Clark I. (2013). Implications of financial capitalism for employment relations research: Evidence from breach of trust and implicit contracts in private equity buyouts, *British Journal of Industrial Relations*, vol. 51, pp. 498– 518.

13. Geraint H., Turnbull P. (2020) Ricardo flies Ryanair: Strategic human resource management and competitive advantage in a Single European Aviation Market, *Human Resource Management Journal*. DOI: 10.1111/1748-8583.12315.

14. Грошева Н.Б., Сафронова С.В., Федоро-

ва Е.В. (2018). Использование методики ТСО для оценки расходов на персонал // Бизнес-образование в экономике знаний. № 3. С. 22–28.

15. Прихожденко А., Ложникова А. (2016). Расходы на персонал российских компаний в РБК-500: Совершенно секретно? // Символ науки. № 4. С. 177–179.

16. Лутовинов П.П., Козлов Д.И. (2018). Оценка устойчивости предприятия и оптимизация расходов на персонал // Организатор производства. Т. 26. № 1. С. 57–66.

17. Doellgast V., Marsden D. (2019). Institutions as constraints and resources: Explaining cross-national divergence in performance management, *Human Resource Management Journal*, vol. 29, issue 2, pp. 199–216.

18. Heyden M., Reimer M., Doorn Van S. (2015) Innovating Beyond the Horizon: CEO Career Horizon, Top Management Composition, and R&D Intensity, *Human Resource Management*. DOI: 10.1002/hrm.21730.

19. Thompson P. (2003). Disconnected capitalism: Or why employers can't keep their side of the bargain, *Work, Employment & Society*, vol. 17, no. 2, pp. 359–378.

20. Appelbaum E., Batt R. (2014). Private equity at work: When wall street manages main street. New York, NY: Russell Sage.

21. Goyer M., Clark I., Bhankaraully S.(2016). Necessary and sufficient factors in employee downsizing? A qualitative comparative analysis of lay-offs in France and the UK, 2008–2013, *Human Resource Management Journal*, vol. 26, no. 3, pp. 252–268.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мортиков Виталий Владимирович – доктор экономических наук, профессор; Луганский государственный университет имени Владимира Даля (91034, Луганск, квартал Молодежный, 20а); mvit2015@mail.ru.

THE ROLE OF BUDGET CONSTRAINTS IN HUMAN RESOURCES MANAGEMENT OF ORGANIZATION

V.V. Mortikov[11][a]

[a]Lugansk State University named after Volodymyr Dahl

ABSTRACT:

The article studies the reactions of the organization's personnel management to changes in its budget constraints. The results of this analysis give the organization an opportunity to effectively plan its personnel policy depending on access to various sources of funding. Based on the examination of domestic legislation, statistical materials of the Russian Federation and recent publications in journals on personnel management, a table has been compiled, which gives the main characteristics of the organization's budgetary constraints in personnel management.

The theory of budget constraints is being developed. Market factors affecting the rigidity and expansion/contraction of the organization's budgetary constraints include: price and non-price competition in labor markets or markets for finished goods, price elasticity of demand for employees, the cost of borrowed funds. Institutional prerequisites and obstacles to changing budget constraints, as well as forms of organizations' reaction to changes in these constraints in the personnel sector are identified. Among the institutional factors affecting the rigidity and the possibility of expanding budgetary restrictions are: legislation on bankruptcy, minimum wages and the procedure of payments to employees; the possibility of obtaining subsidies by an organization and institutional restrictions on access to loans. The article focuses on external and internal budgetary restrictions, as well as on the importance and difficulties of personnel costs budgeting in the practice of personnel management in modern Russia.

[11]RSCI AuthorID: 1068039

Various modes of changing budget constraints are proposed to be used in management. The transition between them depends on the tasks of the organization. Recommendations are given to organizations in the conditions of narrowing and increasing, expanding or softening the rigidity of the budgetary constraint. In particular, the author proposes several options for the organization's behavior in the labor sphere when expanding the budgetary constraint.

KEYWORDS: human resources management, budget constraint, soft budget constraint, changes in budget constraint, budgeting of personnel costs, institutions.

FOR CITATION: Mortikov V.V. (2021). The role of budget constraints in human resources management of organization, *Management Issues*, no. 3, pp. 135–147.

REFERENCES

1. Kornai J., Maskin E., Roland G. (2003). Understanding the soft budget constraint, *Journal of Economic Literature*, vol. 41, pp. 1095–1136.

2. Maskin E., Xu C. (2001). Soft budget constraint theories: from centralization to the market, *Economics of Transition*, vol. 9, no. 1, pp. 1–27.

3. Earle J., Estrin S. (2003).Privatization, competition and budget constraints: disciplinig enterprises in Russia, *Economics of Planning*, vol. 36, no. 1, pp. 1–22.

4. Krausert A. (2015) HRM Signals for the Capital Market. Human Resource Management. DOI: 10.1002/hrm.21718.

5. Krausert A. (2017).The HRM–capital market link: Effects of securities analysts on strategic human capital, *Human Resource Management*, vol. 57, no. 1, pp. 97–110. DOI: 10.1002/hrm.21841.

6. Cushen J., Thompson P. (2016). Financialization and value: Why labour and the labour process still matter, *Work, Employment and Society*, no. 30, pp. 352– 365.

7. Pepple D., Olowookere K. (2020).Towards an Understanding of the Dynamics of Work and Employment Relations during Austerity, *Public Organization Review*. DOI: 10.1007/s11115-020-00488-z.

8. Cook H., MacKenzie R., Forde C. (2016). HRM and performance: the vulnerability of soft HRM practices during recession and retrenchment, *Human Resource Management Journal*. DOI: 10.1111/1748-8583.12122.

9. Cregan C., Kulik C., Johnston S., Bartram T. (2020). The influence of calculative ("hard") and collaborative ("soft") HRM on the layoff-performance relationship in high performance workplaces, *Human Resource Management Journal*. DOI: 10.1111/1748-8583.12291.

10. Roche W.K., Teague P. (2014). Do recessions transform work and employment? Evidence from Ireland, *British Journal of Industrial Relations*, vol. 52, pp. 261– 285.

11. Zeitoun H., Pamini P. (2020). A promise made is a promise kept: Union voice, HRM practices, implicit contracts and workplace performance in times of crisis, *Human Resource Management Journal*. DOI: 10.1111/1748-8583.12308.

12. Appelbaum E., Batt R., Clark I. (2013). Implications of financial capitalism for employment relations research: Evidence from breach of trust and implicit contracts in private equity buyouts, *British Journal of Industrial Relations*, vol. 51, pp. 498– 518.

13. Geraint H., Turnbull P. (2020) Ricardo flies Ryanair: Strategic human resource management and competitive advantage in a Single European Aviation Market, *Human Resource Management Journal*. DOI: 10.1111/1748-8583.12315.

14. Grosheva N.B., Safronova S.V., Fedorova E.V. (2018). Using TSO techniques to assess personnel costs, *Business education in the knowledge economy*, no. 3, pp. 22–28.

15. Prikhozhenko A., Lozhnikova A. (2016). Personnel costs of Russian companies in RBC-500: completely secret? *Symbol of science*, no. 4, pp. 177–179.

16. Lutovinov P.P., Kozlov D.I. (2018). Evaluation of the sustainability of the enterprise and optimization of personnel costs, *Organizer of production*, vol. 26, no. 1, pp. 57–66.

17. Doellgast V., Marsden D. (2019). Institutions as constraints and resources: Explaining cross-national divergence in performance management, *Human Resource Management Journal*, vol. 29, issue 2, pp. 199–216.

18. Heyden M., Reimer M., Doorn Van S. (2015) Innovating Beyond the Horizon: CEO Career Horizon, Top Management Composition, and R&D Intensity, *Human Resource Management*. DOI: 10.1002/hrm.21730.

19. Thompson P. (2003). Disconnected capital-

ism: Or why employers can't keep their side of the bargain, *Work, Employment & Society*, vol. 17, no. 2, pp. 359–378.

20. Appelbaum E., Batt R. (2014). Private equity at work: When wall street manages main street. New York, NY: Russell Sage.

21. Goyer M., Clark I., Bhankaraully S.(2016). Necessary and sufficient factors in employee downsizing? A qualitative comparative analysis of lay-offs in France and the UK, 2008–2013, *Human Resource Management Journal*, vol. 26, no. 3, pp. 252–268.

AUTHORS' INFORMATION:

Vitaliy V. Mortikov – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Lugansk State University named after Volodymyr Dahl (20a, Molodezhny Quarter, Lugansk, 91034); mvit2015@mail.ru.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-149-161 ВАК: 22.00.08

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.О. Овчаров[1a,b], **Т.Н. Овчарова**[2a]

[a]Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
[b]Российский государственный университет правосудия

АННОТАЦИЯ:

Актуальность исследования: в отечественной и зарубежной литературе представлено немалое количество работ, в которых анализируются различные виды кризисов, оцениваются их последствия и выясняются причины. Словосочетание «социальный кризис» чаще всего трактуется как одно из значений термина «кризис» и связывается с проблемами, имеющими место в социальной сфере общества. Подобный подход, реализуемый в рамках парадигмы локального кризиса (экономического, финансового, социального и т.п.), теряет свою значимость, поскольку в современных условиях кризисные явления в отдельной сфере общества, так или иначе, сказываются на других его сферах. Рассмотрение социального кризиса в качестве системного, затрагивающего общество в целом и поэтому предполагающего сопряженность с государственным управлением, обусловливает актуальность темы исследования.

Целью исследования является построение дефиниции понятия «социальный кризис», выяснение особенностей государственного управления как обусловливающих социальный кризис, так и способствующих его преодолению.

Методы/методология: в ходе исследования были использованы методы концептуально-терминологического и системного анализа, синтеза, сравнения, обобщения.

Результаты: раскрыта деструктивная роль имитационных практик в механизме государственного управления, снижающая его эффективность. Приведены доказательства отступления государственного управления от главной целевой ориентации на социальность (достижения общего блага). С учетом этих обстоятельств дано авторское определение понятия «социальный кризис». Сформулирована приоритетная концептуальная установка государственного антикризисного управления, следование которой обусловливает его качество. Проведенное исследование имеет теоретическую значимость в части уточнения понятийно-терминологического аппарата и развития теории кризиса, а также практическое значение для повышения эффективности деятельности органов власти и обеспечения достойного уровня и качества жизни населения.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ, проект 0729-2020-0056 «Современные методы и модели диагностики, мониторинга, предупреждения и преодоления кризисных явлений в экономике в условиях цифровизации как способ обеспечения экономической безопасности Российской Федерации».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальный кризис, государственное управление, концептуально-терминологический анализ, эффективность государственного управления, имитация, антикризисное государственное управление, качество государственного управления.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Овчаров А.О., Овчарова Т.Н. (2021). Социальный кризис в контексте государственного управления: концептуально-терминологический анализ // Вопросы управления. № 3. С. 149–161.

[1]ORCID: 0000-0003-4921-7780
[2]ORCID: 0000-0002-7313-3168

© Овчаров А.О., Овчарова Т.Н., 2021

Введение

Актуальность темы исследования определяется сложившейся в стране и мире ситуацией, анализ которой во многих публикациях не обходится без использования слова «кризис». В экономической, политической, военной, технической, медицинской и других науках широко используется понятие кризиса, анализируются виды кризисов, выделяются разные подходы к их изучению. Следует отметить, что наиболее исследованными являются экономические кризисы. Особый интерес для экономистов сегодня представляют эффекты заражения, т.е. перетекания или диффузии кризиса в отраслевом или территориальном аспекте [1], а также методы прогнозирования и раннего реагирования на кризисные процессы. Причем это делается с помощью сложных кризисных индикаторов (предикторов) и эконометрических моделей [2].

Чем острее кризис, тем больше ощущается потребность в разработке теории социального кризиса. И хотя существуют отдельные теоретические положения по проблематике кризиса, разработаны и апробированы некоторые частные методы, теория социального кризиса как системного отсутствует. При этом проводятся исследования, пытающиеся показать связь отдельных кризисов, например финансово-экономических, с другими сферами общественной жизни – политической, социальной, культурной, религиозной и т. п. В частности, в [3] проведено исследование влияние банковских и валютных кризисов (рассмотрен межстрановой набор данных по более, чем 100 кризисам за период 1981–2007 гг.) на такие социальные индикаторы, как уровень преступности и самоубийств, расходы на образование, здравоохранение и социальное обеспечение.

В качестве нерешенной проблемы теории кризиса отметим отсутствие единства в использовании понятийно-терминологического аппарата, не различение термина «кризис», его значения, и понятия «кризис», его определения. Несовершенство понятийного аппарата является одной из причин, препятствующей развитию теории и практики управления кризисом. Это имеет прямое отношение и к трактовке социального кризиса, его связи с государственным управлением.

В исследованиях по антикризисному управлению прослеживается парадигма, ориентирующая на выработку действий в условиях единичного кризиса, имеющего строгую локализацию в пространственных и временных координатах, проявляющегося в конкретной сфере. Однако в современном мире кризис не может быть жестко привязанным к какой-либо отдельной подсистеме (сфере) общественной жизни, не затрагивая других. Парадигма локального кризиса мешает выявлению сущности кризиса, который в современных условиях обретает качество социального кризиса, охватывающего общество как систему. Возникает новая в методологическом отношении ситуация, когда требуется отказ от привычного рассмотрения единичного кризиса и переход к рассмотрению социального кризиса как системного, при котором исследователь изучает связи и отношения социума и тем самым продвигается к пониманию сути кризиса, а не его частных проявлений.

Целью данной статьи является построение дефиниции понятия «социальный кризис», исследование взаимосвязи социального кризиса и государственного управления как через анализ внутренних особенностей самой системы управления, обусловливающих кризис, так и через исследование качества управленческой деятельности в условиях кризиса.

«Социальный кризис» как термин и понятие

В греческом языке слово «кризис» означает «решение, поворотный пункт, исход». Такой перевод дается во многих словарях и справочниках. Мы будем придерживаться той точки зрения, что в словарной статье после заглавного слова, помимо выделения стилистических, грамматических и других сведений, идет установление значения слова, которое может быть не одно. В случае с термином «кризис» его многозначность обусловлена выделением нескольких отличительных признаков (таких как «резкий, крутой перелом, тяжелое переходное состояние», «острый недостаток, нехватка чего-либо»), использованием термина в медицине и других сферах деятельности, а также выделением его разновидностей.

Чаще всего в словарях, научной литературе встречаются статьи, анализирующие экономический, финансовый, политический, экологический, психологический кризисы. «Социальный кризис» в качестве отдельного словосочетания в литературе, особенно зарубежной, встречается очень редко. Мы даже получили своего рода статистическое подтверждение этому факту – в поисковых системах крупнейших международных платформ (*ScienceDirect* (*Elsevier*), *Taylor & Francis Group* и др.), где представлены основные научные публикации по всем отраслям знаний, нами было введено словосочетание «*social crisis*». И хотя только по выборке «*research articles*» поисковые системы выдали десятки тысяч публикаций, вышедших за последние 5 лет, много раз повторяющегося сочетания «социальный кризис» в результатах поиска не оказалось. В названиях статей и книг чаще встречались такие устойчивые выражения, как «*social enterprise crisis*» и «*social-mediated crisis communication*». В некоторых статьях социальный кризис рассматривался в контексте социальных проблем, возникших в отдельных странах. Так, в [4] на эмпирических данных за 1999-2013 гг. проведено исследование политической культуры хорватской молодежи. Результаты показали снижение в молодежной среде доверия к либерально-демократическим ценностям при одновременном росте участия в деятельности политических организаций, что интерпретировалось авторами как ожидаемая реакция на социальный кризис. Социальный кризис рассматривался и сквозь призму проблем социального предпринимательства в Чили – была представлена модель переориентации предпринимательской деятельности, предполагающая государственную поддержку предпринимательских программ социальной направленности во время и после кризиса [5].

Наиболее распространенным толкованием социального кризиса выступает рассмотрение его как одного из значений термина «кризис», что, на наш взгляд, не может считаться достаточным для его понимания. Понять что-либо – значит выразить в понятии, в данном случае это означает дать дефиницию понятия «социальный кризис». Понятие как форма мышления отражает общие и существенные признаки объекта, тогда как в значении термина фиксируются, скорее, не существенные, а отличительные признаки объекта. Определение понятия, обозначаемого научным термином «социальный «кризис», у разных авторов могут различаться. Ученый может руководствоваться своим видением наиболее значимых, существенных признаков объекта, отображаемого понятием. В общественных науках на определение понятия может влиять мировоззренческая и методологическая установка ученого, а, в определенной мере, и идеология. Предметная область в научном исследовании может описываться не одной теорией, а несколькими, и содержание понятия будет отражать специфику этих теорий, степень их развития, завершенности.

Кризисы неизбежны в развитии любой социальной системы – к такому мнению склоняется большинство современных авторов. Но при этом авторы в попытках определить суть кризиса, как правило, под системой имеют в виду экономическую систему. Несмотря на то, что подобные взгляды содержат рациональные моменты, они не дают полного представления о сути кризиса, так как в его определении присутствуют экономические аспекты, вполне уместные при характеристике такой разновидности кризиса как экономический кризис, но не достаточно оправданные, когда речь идет об общем понятии «кризис».

Для создания полноценной дефиниции понятия «кризис» необходимо обратиться не к частным проявлениям кризиса в определенной сфере общественной жизни, а к обществу как целостному системному образованию. Кризисные явления в отдельной сфере (подсистеме) общества, так или иначе, сказываются на других его сферах (подсистемах), тесно между собой связанных. Другими словами, в современных условиях кризисы носят комплексный характер [6]. Чем большее количество подсистем охватывает кризис, тем он с большим основанием может быть назван системным кризисом, т.е. охватывающим общество в целом как сложную систему. В социальных науках такой системный кризис называют социетальным, а чаще – социальным. Понятия «системный кризис», «социальный (социетальный) кризис» с точки зрения смысла

близки, поэтому в литературе они иногда используются как синонимы. Но поскольку системы могут быть разной степени сложности, и существует неоднозначность в использовании понятий «система» и «подсистема», когда о части большой системы начинают говорить как о системе, не добавляя приставку «под», то, чтобы избежать недоразумений, предпочтительней в нашем случае оказывается понятие «социальный кризис».

Чаще всего значение термина «социальный кризис» привязано к социальной сфере общества, в которой наблюдается разрушение социальной структуры, обострение противоречий между социальными группами, происходят этнические и национальные конфликты, ухудшается жизнь людей. Не отрицая возможности такого контекста в использовании термина, обратимся к научной литературе, где авторы, использующие это словосочетание, наделяют его специальным значением.

Термин содержит в себе лексическое неспециальное значение, которое он получил, будучи словом (словосочетанием) определенного естественного языка. Но став научным термином, он приобретает и специальное значение – обозначает и выражает общее понятие [7, с. 41]. Используя социальный кризис в качестве понятия, исследователи связывают его определение с выделением существенного, с их точки зрения, признака, но при этом сохраняют в целом установку на социальный кризис как выходящий за рамки одной сферы и затрагивающий общество как системное целое. Так, в [8] социальный кризис связывается с разрывом социальных связей на мега-, макро-, мезо- и микроуровнях социальной системы, дестабилизацией общества как целостной системы. В качестве существенных признаков кризисного процесса в данной работе указывается на обострение противоречий в обществе, за которым и следует разрыв социальных связей. Системный кризис определяется как кризис социальной системы, причиной которого «могут быть как объективные системные нарушения, так и субъективное коллективное осознание ситуации как кризисной» [9, с. 272]. В [10, с. 101] кризис рассматривается применительно к социальному бытию как средство его изменения, как переход от «здорового», устойчивого состояния системы к кризисному, неустойчивому, которое сопровождается трансформацией мировоззрения людей. Природа социального кризиса определяется отклонением от некоторых норм существования общества. Причем отклонение вызвано не внешними факторами, а возникает в результате действия внутренних закономерностей общества [11, с. 113]. Есть точка зрения, что системные кризисы, возникающие в социуме, не позволяют затронутым кризисом областям «удерживать свои системные характеристики вблизи их равновесного значения, используя встроенные механизмы обратной связи», что завершается деструкцией системы [6, с. 49–50]. Толкование кризиса как возникновение значительного разрыва между текущим и нормальным (средним) уровнями функционирования объекта дано в [12]. При этом автор утверждает, что кризис в жизненном цикле системы существует всегда, некоторые элементы системы затронуты скрытым кризисом, другие – явным, и в каждом он заканчивается в разное время и с разным итогом.

Таким образом, обратив внимание на имеющиеся трактовки кризиса, понимаемого как кризис социальной системы, можно констатировать, что исследователями накоплен определенный научный потенциал для построения концепта «социальный кризис». Однако требуется важное дополнение для того, чтобы дефиниция понятия «социальный кризис» опиралась не только на его существенные признаки как системного кризиса, но и включала указание на основу существенных признаков этого системного кризиса. И такой общей основой для системных проявлений кризиса выступает государственное управление, эффективность и качество которого определенным образом сопрягаются с существенными признаками социального кризиса, обусловливают не только объективные системные нарушения, но и субъективные формы выражения кризиса.

Имитация как деструктивный элемент государственного управления и признак социального кризиса

В [13] показано, что государственное управление может рассматриваться в двух аспектах. Первый аспект – концептуальный, харак-

теризующий государственное управление как разнообразие руководящих общих принципов, определяющих, как осуществляется правительственное администрирование в рамках различных подсистем. Второй аспект – прикладной, характеризующий разнообразие структур, процедур и практики государственного управления, а также инициатив по реформированию общественной жизни. При этом каждая страна выбирает такой способ государственного управления, который отражает ее историю, а также культурную, геополитическую, социально-экономическую среду.

Неотъемлемой частью любого механизма управления выступает чиновничество. Довольно часто можно встретить точку зрения, что неэффективность системы управления в нашей стране есть следствие недостатка компетентности, профессионализма чиновничества, отсутствия у чиновников высоких моральных качеств. Так, о демотивации чиновников на освоение управленческих компетенций в силу несовершенства компетентностного подхода в системе государственного управления и нарастании таких дисфункций управления как бюрократизм и формализм, идет речь в [14]. Анализируется также феномен бытовой коррупции в государственных учреждениях и восприятие населением взяточничества как устоявшейся практики в сфере государственных услуг [15].

При этом проблема неэффективности бюрократии характерна не только для России, но и для других стран. Например, в [16] показано, что любой экономический и финансовый кризис является важным катализатором реформ. Однако мощная европейская бюрократия ограничивает возможности кризиса для продвижения этих реформ, поэтому сегодня актуален вопрос о реформировании самой системы государственного управления. Отметим, что инструментами такого реформирования, позволяющими повысить прозрачность и эффективность государственного управления, являются механизмы открытого и электронного правительства, их подробный обзор методами контент-анализа в контексте оценивания общественной ценности электронного правительства представлен в [17].

Одна из существенных причин низкой эффективности деятельности российских чиновников – в сложившейся логике их существования в системе управленческого механизма. Она ориентирована на принцип самосохранения «любой ценой». Главным для управленца оказывается не состояние управляемых объектов, а то, как они, управленцы, выглядят в глазах руководства, поскольку от этого зависит сохранение их привилегированного статуса в обществе. В системе управления внутренние нормы и правила функционирования, которые нацелены на самосохранение, обслуживание личных интересов и потребностей чиновников, стали доминировать над правилами, способами управления обществом в интересах самого общества. Если чиновник исходит из приоритета собственного выживания, то понятно, что фактическое управление обществом с целью достижения общего блага отходит на второй план. Деятельность чиновника направлена не на улучшение жизни людей, а на сохранение своего статуса. Мир стремительно меняется и чтобы сохранить свое привилегированное положение в обществе надо что-то менять, а чаще всего – просто имитировать деятельность. Создается видимость успешного реформирования общества на фоне серьезных проблем в экономике, образовании, здравоохранении, недовольства населения падением жизненного уровня, нарастанием социального неравенства, нарушением принципов социальной справедливости.

О подобных «имитационных» процессах писал еще А. Зиновьев, анализируя социальный кризис 1990-х гг., в результате которого был разрушен советский социальный строй. В реальности, пишет автор, происходила деградация во всех основных областях жизни общества, но сопровождалась она имитационной маскировкой: разрастался «показной, театральный, виртуальный аспект жизни, имитирующий подъем, освобождение, возрождение России» [11, с. 202]. Аналогичные процессы мы наблюдаем и в современной России. Так, имитация рассматривается как результат сознательной или неосознанной деятельности, когда «создаются искусственные условия для процессов и явлений, предназначенных для достижения специфических (корыстных),

мнимо общественно значимых, групповых или корпоративных целей» [18, с. 315–316].

Феномен имитации проник в практику государственного управления во всех значимых сферах жизни общества – политику, экономику, науку, образование и т. д. Имитационные практики многообразны по своим формам проявления и способам осуществления. В качестве особой формы управленческой имитационной практики можно указать на оценку деятельности институтов, организаций не с точки зрения решаемых задач, а по формальным, количественным показателям (отчетам, рейтингам, проведенным мероприятиям). В [19, с. 55] отмечается, что глобальная цифровизация, внедрение цифровых технологий создают дополнительные возможности для распространения данного вида имитации, определяемой как симулятивная деятельность.

Примеры социальной имитации демонстрирует система образования, буквально задавленная всевозможными отчетами, нормативами, стандартами. Педагоги пишут программы, формируют планы, заполняют таблицы, создают модули и т.д. Большие трудозатраты на заполнение документации, составление отчетов сокращают возможность реальной педагогической работы, создавая тем самым предпосылки для распространения имитационных форм деятельности.

В возникновении имитации определенную роль может сыграть и умышленное искажение (фальсификация) отчетности в корпоративных интересах – для создания благоприятного имиджа образовательной организации перед вышестоящим начальством. Результатом становится не успех, а его имитация, что в реальности оборачивается издержками нравственного характера и снижением стимулов у организации к развитию.

Одним из распространенных способов социальной имитации выступает манипулирование массовым сознанием. Если имитация – это цель деятельности определенного субъекта, то манипуляция – это способ достижения цели [20, с. 172]. Целенаправленное внедрение специально подготовленной, избирательно отобранной информации в сознание людей позволяет влиять на их поведение в нужном для манипулятора направлении, переключать внимание с реальных проблем на искусственно создаваемые ситуации. Манипулирование имеет целью отключить способность людей понимать реальность, подменить ее сознательно сконструированной виртуальной картинкой. Манипуляции сегодня становятся инструментом для легитимации управленческих решений, имитирующих заботу об общем благе, но на деле отвечающих интересам узкой группы лиц, приближенных к власти.

Имитация – один из признаков неблагополучия государственного управления, а в условиях социального кризиса имитация жизненно необходимых управленческих решений несет с собой риски для будущего страны. Доминирование во власти государственной бюрократии, обслуживающей собственные интересы, но при этом выдающей себя за социальную силу, действующую во имя общего блага – это деструктивный фактор, снижающий эффективность государственного управления.

Сделать систему управления эффективной с точки зрения интересов большинства – настоятельная потребность сегодняшнего дня, которая не находит отклика у власти. Согласно результатам исследования, проведенного на основе опроса общественного мнения в 2019 г., 72 % участников опроса не видят совпадения интересов власти и общества: 30 % респондентов считают, что интересы не совпадают совсем, а 42 % полагают, что они «скорее не совпадают». Больше половины из них (53 %) считают, что власти живут за счет населения и их мало волнует, как живет народ[3]. По данным еще одного исследования, проведенного в январе 2020 г., 59 % граждан уверены, что люди, избранные в органы власти, не учитывает в своей работе интересы народа, руководство страны живет своими интересами (25 %). Только 14 % респондентов считают, что интересы простых людей и органов власти совпадают[4].

[3]Общественное мнение – 2019 // Левада-центр. URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/02/OM-2019.pdf (дата обращения: 29.05.2021).

[4]Общественное мнение – 2020 // Левада-центр. URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2021/02/OM-2020.pdf (дата обращения: 29.05.2021).

В условиях кризиса, когда обостряются многие социальные проблемы, социологи отмечают нарастание тревожности в настроениях россиян[5]. По результатам исследования социально-психологической сущности кризиса сделан вывод о высоком уровне социальной напряженности, которая может проявляться в разнообразных формах: от тревожности, страхов, недовольства до агрессии, протестных выступлений, беспорядков и т. д. [21]. На возникновение страхов как реакции на угрозу реализации жизненных планов человека, которая возрастает в условиях социального кризиса, обращено внимание в [22]. Среди угроз, которые особо сильно воздействуют на уровень страха и тревоги, авторы указанных работ называют бедность, безработицу, расслоение на богатых и бедных, несправедливость, трудности самореализации и достижения успеха. Большая часть населения теряет уверенность в том, что может изменить свою жизнь к лучшему, перспективы будущего видятся неопределенными. Нарастание социальной напряженности сопряжено с ростом недоверия к различным ветвям власти. Неспособность обеспечить решение острых социальных проблем и защитить интересы граждан в тяжелой ситуации все чаще в общественном сознании оценивается как свидетельство неумения власти работать в сложившихся обстоятельствах, ее некомпетентность и неэффективность.

Следует отметить, что проблемы недоверия к власти рассматриваются и в зарубежных исследованиях. Рост недоверия часто фиксируется как отклик на какие-либо точечные негативные события, связанные с экономическими проблемами, случаями коррупции, публикационными скандалами и т. п. В [23], например, проведен анализ несколько десятков европейских газетных статей и сделаны оценки их негативного влияния на настроения общества и на правительственные проекты. Ряд исследователей даже отмечает, что сегодня доверие к правительствам и государственным институтам переживает наибольший спад за последнее столетие [24; 25].

Что касается России, то в низкой эффективности государственного управления свою роль сыграли сложившиеся еще до наступления кризиса внутренние особенности управленческого механизма. Кризис как «лакмусовая бумажка» только выявил главный недостаток государственного управления. Государственное управление потеряло качество быть социальным, т. е. соответствовать общественным интересам и потребностям, учитывать состояние реальной жизни людей и адекватно реагировать на их проблемы и по этой причине перестало быть эффективным. Главным признаком эффективного государственного управления выступает соответствие результатов управленческой деятельности поставленной государственной цели – создание условий для благополучной жизни всех групп населения. Низкая эффективность государственного управления, обусловленная отходом от главной целевой ориентации на социальность, лежит в основе социального кризиса как системного.

Проведение концептуально-терминологического анализа в качестве одной из задач имеет построение дефиниции «социальный кризис», которая необходима для формирования управленческого мышления, отвечающего требованиям современности. В определении понятия «социальный кризис» должны присутствовать не его отличительные черты (что, как мы ранее указывали, свойственно значению термина), а существенные признаки и их общее основание.

Сравнительно-аналитический подход, использованный авторами в статье, а также авторское понимание основы существенных признаков социального кризиса как системного, позволили сформулировать следующее развернутое определение понятия «социальный кризис». Социальный кризис – это потеря устойчивости в развитии общества (временное прекращение его стабильного функционирования) как системы в результате обострения внутренних противоречий в разных сферах жизни, вызванных снижением эффективности государственного управления вследствие отступления от главной целевой ориентации управления на социальность, внедрения имитационных практик в механизм управления;

[5]ВЦИОМ выявил рост тревоги у россиян из-за экономического кризиса // РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/22/04/2020/5ea02d1c9a794704b82df2aa (дата обращения: 29.05.2021).

это влечет за собой уменьшение возможностей для поступательного развития общества, сопровождается нарастанием тревожности в настроениях людей относительно их настоящего и будущего, ростом недоверия к различным ветвям власти.

Государственное управление кризисом: преодоление угроз и реализация возможностей

Эффективность государственного управления в современной России зависит не только от своевременного решения внутренних проблем управленческого механизма, которые наглядно проявились в условиях кризиса. Она обусловлена также качеством управления самим кризисным процессом. Остановимся на одном обстоятельстве, от которого зависит качество государственного управления, а значит и его потенциал в управлении кризисом.

В [26, с. 256] эффективность и качество представляются близкими по значению понятиями на том основании, что общественное благо выступает как абсолютная ценность при рассмотрении государственного управления с этих двух концептуальных позиций. Мы разделяем данную точку зрения, но при этом считаем, что понимание взаимосвязи эффективности и качества управления должна базироваться на учете не только их ценностных, но и целевых установок.

Эффективность государственного управления рассматривается нами с точки зрения достижения поставленной общественно-значимой цели. Что касается понятия «качество государственного управления», то оно определяется способностью системы управления формулировать и реализовывать цели управления, соответствующие государственным интересам, с учетом изменяющейся внешней и внутренней среды [27, с. 65]. Рациональным моментом определения является указание на то, что обеспечение качества государственного управления должно происходить с учетом состояния среды, в нашем случае – кризисного состояния объекта управления. Качество государственного управления в условиях кризиса обеспечивается принятием управленческих решений, адекватных данной конкретной ситуации, т.е., решений, нацеленных на преодоление кризиса. Механизм государственного управления должен быть адаптирован к кризисной ситуации.

Мы полагаем, что для содержательной оценки качества антикризисного государственного управления место предварительно установленного «стандарта», в отношении к которому осуществляется оценивание управленческих решений, может занять приоритетная концептуальная установка антикризисного управления, формулировка которой опирается на признание двойственной природы кризиса. Приоритетная концептуальная установка выступает в функции своеобразного «категорического императива», которому должно следовать государственное управление кризисом, чтобы быть качественным.

Кризис имеет двойственную природу: он одновременно разрушает и созидает, способствует слому старого, отжившего и подготавливает условия для нового, перспективного. Разрушительная функция кризиса влечет негативные последствия, несет угрозы, которые требуют преодоления. Позитивная роль кризиса открывает возможности для инноваций. Исходя из этого, приоритетная концептуальная установка антикризисного управления, на наш взгляд, должна включать обязательный учет двух целевых управленческих ориентаций: на минимизацию негативных последствий кризисного процесса и на обеспечение развития за счет открывающихся возможностей.

При разработке антикризисных мер большинство авторов обращает внимание на необходимость скорейшего устранения выявленных проблем, преодоление негативных последствий кризиса. В отношении последствий кризиса на финансовых рынках такие оценки представлены, например, в [28]. В [3] рекомендовано осуществлять государственную политику по защите личных и общественных интересов во время кризиса, а не компенсировать потери после его завершения.

Однако следует использовать и своего рода положительный, инновационный потенциал кризиса. Акцент на открывающиеся возможности способен снять многие угрозы и повысить качество управления. Об этом, анализируя итоги мирового кризиса 2008–2009 гг., писал А. Г. Аганбегян [29]. Согласно его по-

зиции, несмотря на определенный эффект от антикризисных мер, государственная политика не была нацелена на перспективу. Вместо того чтобы использовать возможности новой стратегии развития, страна продолжала путь по имеющей серьезные недостатки и изжившей себя модели социально-экономического развития. Отметим, что в работах, посвященных кризису 2020 г., автор снова возвращается к вопросу о возможностях перехода к социально-экономическому росту. Стагнация, в которой находилась страна на протяжении семи лет (2013–2019 гг.), не создала условий для социально-экономического роста, а, наоборот, способствовала сниженной траектории развития. Нынешний кризис содержит возможности роста – «у России появился уникальный шанс поддержать и усилить антикризисный отскок экономики ото дна» [30, с. 51]. Внимание к возможностям, которые открывает кризис, таким образом, способствует социально-экономическому росту и тем самым повышает качество государственного управления.

Заключение

Анализ современного состояния исследований по проблеме социального кризиса в его связи с государственным управлением показывает, что отсутствие единства в использовании понятийно-терминологического аппарата является причиной, препятствующей развитию теории и практики управления социальным кризисом. Трактовка социального кризиса как одного из значений термина «кризис» не может считаться достаточной для его понимания, необходимо создание полноценной дефиниции понятия «социальный кризис». Понятие социального кризиса позволяет отказаться от исчерпавшей себя в современном мире парадигмы локального кризиса, перейти от изучения частных проявлений кризиса в отдельных сферах общественной жизни к пониманию его системной сущности как охватывающего общество в целом.

Понятие социального кризиса опирается не только на его существенные признаки как системного кризиса, но и включает указание на основу этой системности, в качестве которой выступает государственное управление. Низкая эффективность государственного управления, связанная с внутренними особенностями самого механизма управления (отступлением от целевой ориентации на социальность, распространением имитационных практик), может способствовать наступлению социального кризиса, обусловливать не только объективные системные нарушения, но и субъективные формы выражения кризиса. Проведенный концептуально-терминологический анализ позволил дать развернутое определение понятия «социальный кризис».

Взаимосвязь государственного управления и социального кризиса не исчерпывается внутренними проблемами государственного управления, которые могут обусловливать наступление кризисной ситуации. Сам кризис предполагает управление им со стороны государства. Качественным государственное антикризисное управление становится тогда, когда его механизм адаптирован к кризисной ситуации, соответствует требованиям приоритетной концептуальной установке, вытекающей из двойственной природы кризиса и включающей две целевые управленческие ориентации: на минимизацию негативных последствий кризисного процесса и на обеспечение развития за счет открывающихся возможностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Alexakis C., Pappas V. (2018). Sectoral dynamics of financial contagion in Europe - The cases of the recent crises episodes, *Economic Modelling*, no. 73, pp. 222–239. DOI: 10.1016/j.econmod.2018.03.018.

2. Tölö E. (2020). Predicting systemic financial crises with recurrent neural networks, *Journal of Financial Stability*, no. 49. Article 100746. DOI: 10.1016/j.jfs.2020.100746.

3. Mohseni-Cheraghlou A. (2016). The aftermath of financial crises: A look on human and social well-being, *World Development*, no. 87, pp. 88–106. DOI: 10.1016/j.worlddev.2016.06.001.

4. Ilišin V., Gvozdanović A., Potočnik D. (2018). Contradictory tendencies in the political culture of Croatian youth: unexpected anomalies or an expected answer to the social crisis? *Journal of Youth Studies*, vol. 21, no. 1, pp. 51–71. DOI: 10.1080/13676261.2017.1343937.

5. Muñoz P., Naudé W., Williams N., Williams T., Frías R. (2020). Reorienting entrepreneurial support infrastructure to tackle a social crisis: A rapid response, *Journal of Business Venturing Insights*, no. 14. Article e00181. DOI: 10.1016/j.jbvi.2020.e00181.

6. Григорьянц К.С., Зуб А.Т. (2011). Кризисная ситуация как комплекс взаимосвязанных кризисов // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). № 4. С. 47–61.

7. Лейчик В.М. (2009). Терминоведение: Предмет, методы, структура. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 256 с.

8. Вильданов И.Э. (2012). Социальные кризисы: сущность и типология // Казанская наука. № 4. С. 378–380.

9. Грызунова Е.А. (2012). Концепции кризиса социальной системы: сравнительный анализ // Вестник МГИМО Университета. № 4 (25). С. 270–276.

10. Багрова Е.В. (2019). Характеристика кризиса как неотъемлемого элемента структуры социального бытия // Вестник Поволжского института управления. Т. 19. № 5. С. 96–102. URL: https://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-5-96-102.

11. Зиновьев А. (2011). Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия : [сб.]. М. : АСТ : Астрель ; Владимир : ВКТ. 542 с.

12. Манушин Д.В. (2013). Новый взгляд на понятие «кризис» // Экономический анализ: теория и практика. № 15 (318). С. 17–24.

13. Dixon J., Bhuiyan Sh., Üstüner Y. (2018). Public Administration in the Middle East and North Africa, *International Journal of Public Administration*, vol. 41, no. 10, pp. 759–764. DOI: 10.1080/01900692.2018.1433207.

14. Васильева Е.А. (2019). Профессиональная деятельность государственных служащих: компетентностный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 12. Вып. 4. С. 329–349. URL: https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.403.

15. Никифорова О.А. (2019). Восприятие населением уровня коррупции в профессиональных сферах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 12. Вып. 1. С. 51–66. URL: https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.104.

16. Asatryan Z., Heinemann F., Pitlik H. (2017). Reforming the public administration: The role of crisis and the power of bureaucracy, *European Journal of Political Economy*, vol. 48, pp. 128–143. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2016.08.004.

17. Twizeyimana J.D., Andersson A. (2019). The public value of E-Government – A literature review, *Government Information Quarterly*, vol. 36, no. 2, pp. 167–178. DOI: 10.1016/j.giq.2019.01.001.

18. Тощенко Ж.Т. (2015). Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.

19. Мельникова Т.П. (2020). Феномен социальной имитации как фактор, влияющий на состояние национальной безопасности // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. № 1. С. 53–59.

20. Мухамеджанова Н.М. (2019). Социальная имитация: сущность и предпосылки возникновения // Манускрипт. Т. 12. Вып. 10. С. 171–174.

21. Сухов А.Н. (2018). Социальный кризис: теоретико-исторический аспект // Международный журнал психологии и педагогики служебной деятельности. № 1. С. 117–124.

22. Баринов Д.Н. (2018). Тревоги и опасения россиян в условиях социально-экономического кризиса // Бюллетень науки и практики. Т. 4. № 12. С. 541–552.

23. Yıldız M., Saylam A. (2013). E-government discourses: An inductive analysis, *Government Information Quarterly*, vol. 30, no. 2, pp. 141–153. DOI: 10.1016/j.giq.2012.10.007.

24. Bannister F., Connolly R. (2011). Trust and transformational government: A proposed framework for research, *Government Information Quarterly*, vol. 28, no. 2, pp. 137–147. DOI: 10.1016/j.giq.2010.06.010.

25. Gracia D.B., Ariño L.V.C. (2015). Rebuilding public trust in government administrations through e-government actions, *Revista Española de Investigación de Marketing ESIC*, vol. 19, no. 1, pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.reimke.2014.07.001.

26. Камоликова В.Р., Шулика Ю.Е. (2018). Эффективность государственного управления: в поиске объективной концептуализации и измерения // Вестник РУДН. Серия: Политология. Т. 20. № 2. С. 255–268.

27. Братченко С.А. (2019). К вопросу о понятии качества государственного управления // Вестник Института экономики РАН. № 1. С. 57–72. URL: https://doi.org/10.24411/2073-6487-2019-10004.

28. Рустамов Э. (2012). Финансовые кризисы: источники, проявления, последствия // Вопросы экономики. № 4. С. 46–66. URL: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-4-46-66.

29. Аганбегян А.Г. (2012). Размышления о со-

временном кризисе в России и ее послекризисном развитии // Мир перемен. № 2. С. 9–16.

30. Аганбегян А.Г. (2020). Кризис как окно возможностей для социально-экономического развития // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 223. № 3. С. 47–69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Овчаров Антон Олегович – доктор экономических наук, доцент; Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603950, Россия, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 23); Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69); anton19742006@yandex.ru.

Овчарова Татьяна Николаевна – кандидат философских наук, доцент; Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603950, Россия, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 23); ovcharovat@yandex.ru.

SOCIAL CRISIS IN THE CONTEXT OF PUBLIC ADMINISTRATION: CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL ANALYSIS

A.O. Ovcharov[6a,b], **T.N. Ovcharova**[7a]

[a]Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
[b]Russian State University of Justice

ABSTRACT:

The relevance of the study: the national and foreign literature presents a considerable number of works, which analyze different types of crises, assess their consequences and find out the causes. The phrase "social crisis" is most often interpreted as one of the meanings of the term "crisis" and is associated with problems taking place in the social sphere of society. Such an approach, implemented within the framework of the paradigm of local crisis (economic, financial, social, etc.), loses its importance, because in the current situation crisis in a particular sphere of society affects the other areas of public life. The relevance of this research lies in the fact that it treats social crisis as a systemic one that affects society as a whole and therefore it involves public administration.

The aim of the study is to define the concept of "social crisis" and to describe the features of public administration that cause the social crisis and contribute to its overcoming.

Methods/methodology: the study uses methods of conceptual-terminology and system analysis, synthesis, comparison and generalization.

Results: The destructive role of imitation practices in the mechanism of public administration has been revealed; they reduce its effectiveness. There is evidence that public administration shifts away from the main target of social well-being (achieving the common good). With regard to the abovementioned, the author's definition of "social crisis" has been given. The paper identifies the priority conceptual goal of the state anti-crisis management which determines its quality. The study is theoretically important in clarifying the conceptual and terminological apparatus and developing the theory of crisis; its practical relevance is in improving the efficiency of the authorities and ensuring a decent standard and quality of life for the population.

FUNDING: The reported study was accomplished within the framework of the basic part of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project 0729-2020-0056 "Modern methods and models for diagnosing, monitoring, preventing and overcoming crisis phenomena in the economy in the context of digitalization as a way to ensure the economic security of the Russian Federation".

[6]ORCID: 0000-0003-4921-7780
[7]ORCID: 0000-0002-7313-3168

KEYWORDS: social crisis, public administration, conceptual and terminological analysis, efficiency of public administration, imitation, anti-crisis public administration, quality of public administration.

FOR CITATION: Ovcharov A.O., Ovcharova T.N. (2021). Social crisis in the context of public administration: conceptual and terminological analysis, *Management Issues*, no. 3, pp. 149–161.

REFERENCES

1. Alexakis C., Pappas V. (2018). Sectoral dynamics of financial contagion in Europe - The cases of the recent crises episodes, *Economic Modelling*, no. 73, pp. 222–239. DOI: 10.1016/j.econmod.2018.03.018.

2. Tölö E. (2020). Predicting systemic financial crises with recurrent neural networks, *Journal of Financial Stability*, no. 49. Article 100746. DOI: 10.1016/j.jfs.2020.100746.

3. Mohseni-Cheraghlou A. (2016). The aftermath of financial crises: A look on human and social well-being, *World Development*, no. 87, pp. 88–106. DOI: 10.1016/j.worlddev.2016.06.001.

4. Ilišin V., Gvozdanović A., Potočnik D. (2018). Contradictory tendencies in the political culture of Croatian youth: unexpected anomalies or an expected answer to the social crisis? *Journal of Youth Studies*, vol. 21, no. 1, pp. 51–71. DOI: 10.1080/13676261.2017.1343937.

5. Muñoz P., Naudé W., Williams N., Williams T., Frías R. (2020). Reorienting entrepreneurial support infrastructure to tackle a social crisis: A rapid response, *Journal of Business Venturing Insights*, no. 14. Article e00181. DOI: 10.1016/j.jbvi.2020.e00181.

6. Grigoriants K.S., Zub A.T. (2011). Crisis situation as a complex of interrelated crises, *Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (state and society)*, no. 4, pp. 47–61.

7. Leychik V.M. (2009). Terminology: subject, methods, structure. Moscow, Book House "Librokom". 256 p.

8. Vildanov I.E. (2012). Social crises: essence and typology, *Kazan science*, no. 4, pp. 378–380.

9. Gryzunova E.A. (2012). Social System Crisis Concepts: comparative Analysis, *Bulletin of the MGIMO University*, no. 4 (25), pp. 270–276.

10. Bagrova E.V. (2019). Characteristics of the crisis as an integral element of the structure of social existence, *Herald of the Volga Institute of Management*, vol. 19, no. 5, pp. 96–102. DOI: https://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-5-96-102.

11. Zinoviev A. (2011). Failed project: crossroads. Russian tragedy. Moscow, AST: Astrel; Vladimir, VKT. 542 p.

12. Manushin D.V. (2013). A new look at the concept of "crisis", *Economic Analysis: theory and practice*, no. 15 (318), pp. 17–24.

13. Dixon J., Bhuiyan Sh., Üstüner Y. (2018). Public Administration in the Middle East and North Africa, *International Journal of Public Administration*, vol. 41, no. 10, pp. 759–764. DOI: 10.1080/01900692.2018.1433207.

14. Vasilieva E.A. (2019). Professional activities of civil servants: competence approach, *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, vol. 12, vol. 4, pp. 329–349. URL: https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.403.

15. Nikiforova O.A. (2019). The perception of the population of corruption in professional areas, *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, vol. 12, vol. 1, pp. 51–66. URL: https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.104.

16. Asatryan Z., Heinemann F., Pitlik H. (2017). Reforming the public administration: The role of crisis and the power of bureaucracy, *European Journal of Political Economy*, vol. 48, pp. 128–143. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2016.08.004.

17. Twizeyimana J.D., Andersson A. (2019). The public value of E-Government – A literature review, *Government Information Quarterly*, vol. 36, no. 2, pp. 167–178. DOI: 10.1016/j.giq.2019.01.001.

18. Toschenko Zh.T. (2015). Phantoms of the Russian society. Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing. 668 p.

19. Melnikova T.P. (2020). Social imitation phenomenon as a factor affecting the state of national security, *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, no. 1, pp. 53–59.

20. Mukhamedzhanova N.M. (2019). Social imitation: essence and background of occurrence, *Manuscript*, vol. 12, vol. 10, pp. 171–174.

21. Sukhov A.N. (2018). Social crisis: theoretical and historical aspect, *International Journal of Psychology and Pedagogy of Service Activity*, no. 1, pp. 117–124.

22. Barinov D.N. (2018). Anxiety and concerns of Russians in the conditions of the socio-economic crisis, *Bulletin of Science and Practice*, vol. 4, no. 12, pp. 541–552.

23. Yıldız M., Saylam A. (2013). E-government discourses: An inductive analysis, *Government Information Quarterly*, vol. 30, no. 2, pp. 141–153. DOI: 10.1016/j.giq.2012.10.007.

24. Bannister F., Connolly R. (2011). Trust and transformational government: A proposed framework for research, *Government Information Quarterly*, vol. 28, no. 2, pp. 137–147. DOI: 10.1016/j.giq.2010.06.010.

25. Gracia D.B., Ariño L.V.C. (2015). Rebuilding public trust in government administrations through e-government actions, *Revista Española de Investigación de Marketing ESIC*, vol. 19, no. 1, pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.reimke.2014.07.001.

26. Kamolikova V.R., Shulika Yu.E. (2018). Efficiency of public administration: finding objective conceptualization and measurement, *RUDN Bulletin. Series: Political Science*, vol. 20, no. 2, pp. 255–268.

27. Bratchenko S.A. (2019). On the question of the concept of the quality of government, *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 1, pp. 57–72. URL: https://doi.org/10.24411/2073-6487-2019-10004.

28. Rustamov E. (2012). Financial crises: sources, manifestations, consequences, *Economy issues*, № 4, pp. 46–66. URL: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-4-46-66.

29. Aganbegyan A.G. (2012). Reflections on the modern crisis in Russia and its post-crisis development, *The world of change*, no. 2, pp. 9–16.

30. Aganbegyan A.G. (2020). The crisis as a window of opportunities for socio-economic development, *Scientific works of the Volga Economic Society of Russia*, vol. 223, no. 3, pp. 47–69.

AUTHORS' INFORMATION:

Anton O. Ovcharov – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor; Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia); Russian State University of Justice (69, Novocheryomushkinskaya St., Moscow, 117418, Russia); anton19742006@yandex.ru.

Tatyana N. Ovcharova – Ph.D. of Philosophical Sciences, Associate Professor; Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia); ovcharovat@yandex.ru.

DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-162-177 ВАК: 22.00.08

ЦИФРОВЫЕ РЕШЕНИЯ ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТА В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

С.Н. Басова[a], Н.П. Сидорова[a], Т.А. Торопова[a]

[a]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Постановка проблемы и актуальность исследования. В условиях цифровой трансформации, охватывающей в настоящее время практически все отрасли и сферы деятельности человека, перед органами государственной власти ставятся новые цели и задачи, несопоставимые по своим масштабам, сложности, комплексности с задачами десяти-пятилетней давности. Сегодня субъекты государственного управления вынуждены не только пересматривать привычные, традиционные методы управления, но и постоянно повышать эффективность своей деятельности.

Одним из важнейших приоритетов государственной политики является повышение эффективности гражданской службы в целом и эффективности деятельности государственных гражданских служащих в частности. Нарушение сроков выполнения отдельных видов работ сбивает общий ритм работы органа исполнительной власти, поскольку, как правило, задания носят межведомственный характер и включены в межведомственные планы работ. Зачастую причиной нарушения ведомством сроков выполнения поручений является неспособность конкретного служащего эффективно организовать и выполнить свою работу.

В этой связи актуальность повышения эффективности деятельности государственных служащих с применением современных автоматизированных систем управления рабочим временем не вызывает сомнений.

Цель. Выявление причин неэффективного использования рабочего времени госслужащими, доказательство актуальности, целесообразности и эффективности применения специального программного обеспечения в тайм-менеджменте органов исполнительной власти.

Методологическая база. Для достижения поставленной цели использовался метод социологического опроса, компетентностный научно-методологический подход, экономико-статистические методы, метод анализа документов.

Информационная база. Базой исследования стали монографии, статьи в рецензируемых научных журналах, материалы научно-практических конференций, специальная литература и материалы периодической печати по проблемам применения технологий тайм-менеджмента в органах государственной власти. В качестве информационной базы при проведении аналитической части исследования были использованы данные департамента по вопросам государственной службы и кадров Губернатора Хабаровского края.

Результаты. В ходе исследования выявлено, что в силу специфики деятельности органов исполнительной власти госслужащие вынуждены работать интенсивно, в условиях жесткого контроля сроков, непрерывного потока большого массива документов.

Результаты исследований позволили доказать эффективность применения специального программного обеспечения *Zimbra* в деятельности Министерства сельского хозяйства, торговли, пищевой и перерабатывающей промышленности Хабаровского края. Эффективность выражается в сокращении непроизводительных затрат рабочего времени госслужащих на 20

Научная новизна. Заключается в совершенствовании тайм-менеджмента в деятельности органов исполнительной власти посредством применения автоматизированных систем планирования рабочего времени как ответ на вызовы цифровой трансформации общества.

Выводы. Внедрение в деятельность органов исполнительной власти специального программного продукта обеспечит эффективное структурирование, планирование и организацию времени выполнения поставленных задач как отдельных структурных подразделений, так и органа власти в целом.

© Басова С.Н., Сидорова Н.П., Торопова Т.А., 2021

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тайм-менеджмент, органы исполнительной власти, государственная гражданская служба, программное обеспечение.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Басова С.Н., Сидорова Н.П., Торопова Т.А. (2021). Цифровые решения тайм-менеджмента в органах государственной власти // Вопросы управления. № 3. С. 162–177.

Необходимость применения технологий тайм-менеджмента в деятельности ОИВ определяется специфическими условиями, в которых осуществляют свою трудовую деятельность государственные служащие. Представляется необходимым обозначить эти специфические условия.

Во-первых, у государственного служащего, как правило, больше руководителей, чем у рядового сотрудника организации частного сектора. Кроме того, руководители в ОИВ зачастую более директивны в своем планировании [2, с. 129].

Во-вторых, государственные органы генерируют значительное количество документов, совещаний и отчетов. Значительную часть рабочего дня многих государственных служащих, в особенности руководителей, занимает участие в совещаниях. К сожалению, на таких совещаниях нередко приглашают широкий круг участников для обсуждения столь же широкого круга вопросов. Таким образом, часто из-за 10–20 минут, которые непосредственно относятся к кругу задач приглашенного, госслужащему приходится тратить несколько часов на присутствие на совещании.

В-третьих, любое поручение ставится на контроль, обычно в системах электронного документооборота (СЭД). Крайне важно не только выполнить поствоенную задачу, но и вовремя об этом отчитаться соответствующим документом: письмом, служебной запиской и т. п. Многие эксперты считают, что «управление по поручениям» – это серьезная проблема органов исполнительной власти в России. Вместо размеренной и качественной реализации своего функционала государственный служащий вынужден «отрабатывать» поручения, которые нередко носят стихийный, бессистемный характер [3, с. 112].

В-четвертых, на работников ОИВ, как правило, возлагаются большие полномочия и ответственность за принятие ими решений. Задачи, которые ставятся руководством госслужащему, часто требуют от него принятия самостоятельных решений относительно планирования работы, т. е. план собственной работы на день, неделю, месяц зачастую формируется самим сотрудником. В связи с тем, что сотрудники ОИВ, как правило, работают в условиях ограниченности во времени, возникает важный вопрос – расстановка приоритетов в выполнении задач, ранжирование разноплановых задач по степени важности и срочности.

Наконец, в-пятых, существует проблема неполноценного обеспечения органов исполнительной власти необходимыми трудовыми ресурсами и их несвоевременного пополнения [4].

Таким образом, в силу специфики деятельности государственных служащих, они вынуждены работать интенсивно, в условиях жесткого контроля сроков, непрерывного потока большого массива документов. В этих условиях важной компетенцией современного госслужащего является умение эффективно организовывать время на личном, командном, корпоративном уровнях, а также способность согласовывать свои действия с действиями сотрудников других подразделений органа власти для выполнения поставленных задач. Формированию данной компетенции способствует освоение госслужащими технологий тайм-менеджмента [5, с. 127].

Тайм-менеджмент – это комплексное понятие, включающее в себя целый ряд методик организации и эффективного использования времени. Отечественные исследователи дают различные определения понятию «тайм-менеджмент» (табл. 1).

На наш взгляд, интересна позиция Г. А. Архангельского, рассматривающего тайм-менеджмент как управление не только временем, но и деньгами, энергией и информацией. И. А. Белицкая разделяет тайм-менеджмент на личный и корпоративный, тогда как А. Ю. Воронин дает лишь общее понятие.

В отличие от других авторов, А. М. Ильина представляет тайм-менеджмент не как совокупность технологий, а как действие (про-

Таблица 1 – Подходы к определению понятия «тайм-менеджмент» в отечественной литературе
Table 1 – Approaches to the definition of the concept of "time management' in Russian sources

Автор	Определение тайм-менеджмента
Г. А. Архангельский [6, с. 12]	Концепция управления, которая включает в себя эффективное использование собственно времени (time), информации (information), денег (money) и энергии (energy)
А. Ю. Воронин [7, с. 119]	Междисциплинарный раздел науки и практики, посвященный изучению проблем и методов оптимизации временных затрат в различных сферах профессиональной деятельности
И. А. Белицкая [8, с. 95]	Подход к рациональному распределению рабочего времени для решения поставленных рабочих задач и достижения целей – личных и профессиональных
А. М. Ильина [9, с. 11]	Процесс выработки сознательного контроля объема времени, требующегося на конкретные виды деятельности
Е. А. Семенюк, В. И. Судакова [10, с. 101]	Совокупность инструментов управления своим временем, собой и своей деятельностью с целью рационального использования времени, повышения уровня удовлетворенности жизнью и т.д.

цесс). Многие современные авторы зачастую делают упор на то, что тайм-менеджмент позволяет повысить эффективность деятельности при достижении личных целей. Например, на том, что тайм-менеджмент – это технология, ориентированная на повышение эффективности использования личного времени, делают акцент авторы Е. А. Семенюк, В. И. Судакова.

В соответствии с поставленной целью, в данной работе будем определять тайм-менеджмент ОИВ как комплексную систему управления деятельностью государственных служащих, включающую структурирование, планирование, организацию времени выполнения задач и распределения ресурсов с целью повышения эффективности работы как отдельных структурных подразделений, так и ОИВ в целом.

Авторами работы было проведено социологическое исследование в Министерстве сельского хозяйства, торговли, пищевой и перерабатывающей промышленности Хабаровского края (далее – Министерство), целью которого была идентификация проблем в использовании служебного времени служащими Министерства, исследование различных сторон временной организации деятельности сотрудников, а также определение тех процессов, в которые необходимо и целесообразно внедрять различные технологии тайм-менеджмента для получения оптимального результата, повышения эффективности работы госслужащих.

Опрос проводился в форме личной встречи или интервью по телефону. В опросе приняли участие 76 человек – 14 руководителей среднего звена и 62 специалиста (сотрудники различных управлений и отделов Министерства).

Ниже представлены результаты обработки результатов опроса по направлениям:

1. Отношение сотрудников Министерства к планированию рабочего времени.

2. Отношение сотрудников к использованию рабочего времени.

3. Причины потерь рабочего времени.

В первую очередь стояла задач определить, применяют ли сотрудники Министерства какие-либо инструменты планирования рабочего времени. По результатам опроса выявлено, что только чуть более трети всех сотрудников Министерства – 35 % от общего числа опрошенных составляют письменный план работы на неделю (рис. 1).

Большая же часть работников держат список задач на предстоящую неделю в голове (50 % от общего числа опрошенных), либо же вообще не составляют план работы – такой ответ дали 15 % респондентов.

Рисунок 1 – Отношение сотрудников Министерства к планированию рабочего времени
Figure 1 – Attitude of Ministry employees to working time planning

Что касается отношения сотрудников Министерства к использованию рабочего времени, то, как показал опрос, более половины опрошенных – 56 % ответили, что стараются использовать каждый час рабочего времени для выполнения поставленных задач, однако, при этом нередки ситуации, когда рабочий день становится ненормированным и его продолжительность составляет 9–10 часов. 41 % респондентов ответили, что в силу различных причин у них не всегда получается эффективно использовать рабочее время и эффективно в отведенные сроки выполнять поставленные задачи (рис. 2).

Как видно из данных опроса, сотрудники Министерства отмечают, что в их работе имеют место быть значительные потери рабочего времени в силу различного рода причин. Выявление причин потери рабочего времени являлось одной из задач проведенного исследования.

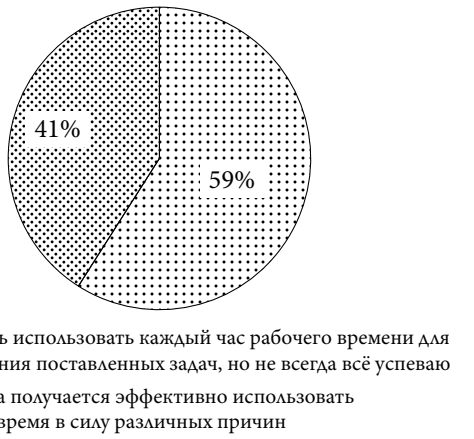

Рисунок 2 – Отношение сотрудников Министерства к использованию рабочего времени
Figure 2 – Attitude of Ministry employees to the use of working time

Анализ результатов опроса показал, что среди причин потерь рабочего времени сотрудниками анализируемого ведомства наиболее часто назывались следующие (рисунок 3):

- чрезмерная загрузка, нехватка сотрудников, что особенно остро чувствуется в период отпусков – эту причину потери рабочего времени назвали 47 % опрошенных;

- неумение расставлять приоритеты, откладывание на последний момент сложных или неприятных поручений и выполнение только текущей рутинной работы - является причиной неэффективного использования рабочего времени для 58 % опрошенных сотрудников Министерства;

- затяжные совещания как фактор, способствующий потерям рабочего времени назвали 32 % опрошенных;

- отсутствие полного представления о предстоящих задачах и путях их решения (нет обзора предстоящих на день, неделю, месяц задач) в качестве причины существенных потерь времени назвали чуть более половины всех опрошенных – 52 %;

- по мнению 31 % опрошенных неэффективные коммуникации между отделами и департаментами Министерства становятся причиной снижения эффективности работы ведомства;

- необходимость постоянного физического перемещения большого массива документов для согласования их с руководителями, структурными подразделениями как причина снижения эффективности работы названа 37 % респондентов.

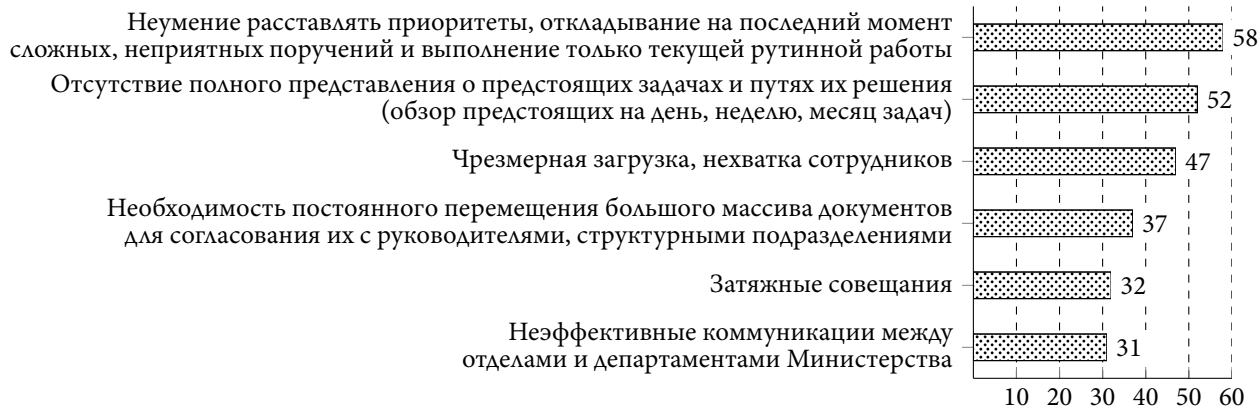

Рисунок 3 – Причины потерь рабочего времени сотрудниками Министерства
Figure 3 – Reasons for loss of working time by employees of the Ministry

Кроме того, респондентами хоть и значительно реже, но назывались и такие причины потерь рабочего времени, как попытка решить одновременно несколько проблем, телефонные разговоры на отвлекающие темы, необходимость частого «переключения» с одного вида деятельности на другой и др.

Влияние наиболее частых причин потерь рабочего времени и, как следствие, снижения эффективности деятельности сотрудников Министерства можно нивелировать с помощью внедрения различных технологий тайм-менеджмента в деятельность органов исполнительной власти.

Особенности государственной гражданской службы диктуют необходимость применения в работе государственных гражданских служащих комплексной системы управления индивидуальной деятельностью, включающую структурирование, планирование, организацию выполнения задач и распределения ресурсов [11, с. 185].

В современных условиях технологии тайм-менеджмента неразрывно завязаны с использованием разного рода программного обеспечения, направленного на повышение эффективности использования индивидуального рабочего времени, сокращение количества сверхурочного времени работы с одновременным повышением качества результатов работы сотрудников органов власти [12, с. 665].

Организация деятельности госслужащих с помощью программного обеспечения направлена на устранение поглотителей времени, эффективное планирование рабочей нагрузки и сокращение неэффективного расходования времени в деятельности сотрудников ОИВ [13, с. 41]. Результатом оптимальной организации деятельности будет эффективная реализация сотрудниками ОИВ поставленных перед ними целей и задач.

На сегодняшний день органам исполнительной власти в качестве стандартной инструментальной базы для обеспечения работы рекомендовано применение программы *Zimbra Collaboration Suite* (далее – *Zimbra*).

Zimbra – персональный информационный менеджер с функциями почтового клиента и системы коллективной работы. Помимо функций почтового клиента для работы с электронной почтой, *Zimbra* предоставляет функции календаря, планировщика задач, записной книжки и организатора контактов [14, с. 70].

Периодичность индивидуального планирования деятельности госслужащего с применением программы *Zimbra* описана в таблице 2.

В индивидуальном тайм-менеджменте госслужащего особое внимание уделяется недельному и ежедневному планированию, поэтому

Таблица 2 – Периодичность индивидуального планирования деятельности госслужащего
Table 2 – Frequency of individual planning of civil servant activities

Тип планирования	Описание
Квартальное планирование	Процесс создания плана будущих действий на предстоящий квартал. Квартальный план составляется в последнюю неделю последнего месяца квартала, предшествующего планируемому. На основе него в *Zimbra* попадают регулярные жесткие задачи (напр., участие в еженедельных оперативных совещаниях у руководителя подразделения, участие в деятельности рабочих групп). Актуализируется в последнюю неделю месяца, предыдущего планируемому, одновременно с ежемесячным планированием
Ежемесячное планирование	Процесс создания плана будущих действий на предстоящий месяц. Месячный план составляется в последнюю неделю месяца, предшествующего планируемому. На основе него в *Zimbra* попадают регулярные жесткие задачи на месяц (в том числе внесенные при квартальном планировании), мероприятия из планов проектов и гибкие задачи, известные на момент планирования. Актуализируется еженедельно в течение следующего рабочего дня после еженедельного оперативного совещания у непосредственного руководителя сотрудника
Недельное планирование	Составляется не позднее следующего рабочего дня после еженедельного оперативного совещания у непосредственного руководителя сотрудника. В данный план вносятся жесткие и гибкие задачи, полученные на оперативном совещании. Актуализируется ежедневно непосредственно после поступления данных о задаче или встрече.
Ежедневное планирование	Осуществляется в конце предыдущего рабочего дня или в начале рабочего дня. В него добавляются вновь поступившие жесткие, бюджетируемые и гибкие задачи

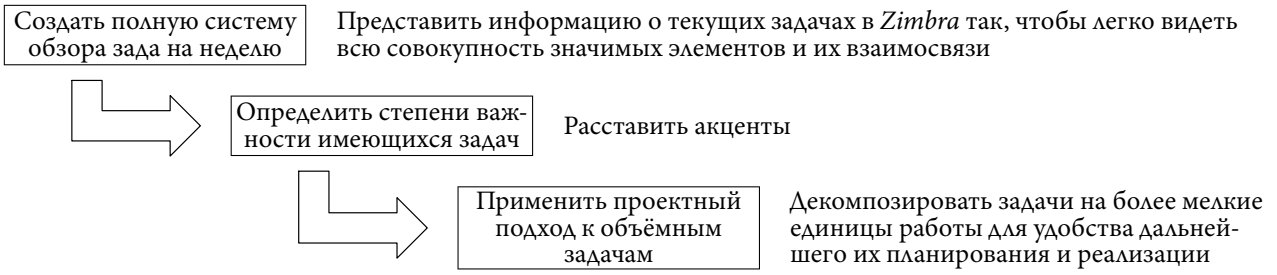

Рисунок 4 – Система обзора планов на неделю
Figure 4 – Weekly plan review system

далее рассмотрим подробно порядок действий госслужащего при планировании работы на неделю и на день [15, с. 101].

Система обзора планов на неделю позволяет материализовать информацию, упорядочить задачи, оценить объем работ и наличие ресурсов с целью дальнейшей эффективной организации работы. Также она позволяет оценить соотношение объема распланированного и незапланированного времени, провести сортировку задач [16, с. 89].

При планировании недели просматривается раздел «Календарь», весь список входящих задач, зафиксированных в *Zimbra*, и выбираются те, начало выполнения которых запланировано на предстоящую неделю. Всем задачам дополнительно к имеющимся контекстам присваивается категория «1-Неделя». Кроме того, в категорию «1-Неделя» в подразделе «Список дел» вносятся новые, ранее не зафиксированные задачи, намеченные на текущую неделю. Также в разделе «Календарь» фиксируются вновь поступившие жесткие задачи, заполняются поля «Тема», «Место», «Начало», «Конец» и, в зависимости от контекста, назначаются цветовые отметки для каждой задачи.

Как показано на рисунке 4, система обзора планов на неделю включает в себя сбор, обработку, сортировку и пересмотр всех имеющихся задач на предстоящую неделю, перенос незавершенных действий с прошлой недели и последовательную фиксацию вновь поступивших задач.

Далее для каждой запланированной на неделю задачи определяется степень важности с целью структурирования внимания и создания условий для своевременного отслеживания и исполнения первоочередных задач с помощью цветового кодирования.

Задача считается важной, если она является существенным вкладом в реализацию целей ОИВ, необходима для дальнейшего выполнения работы или из-за ее невыполнения могут возникнуть серьезные проблемы, негативные последствия либо ее важность определена вышестоящим руководителем.

При установке задаче приоритета «Высокий» на панели задач, справа появляется колонка с восклицательным знаком. Если важность задачи теряет актуальность, то данная метка снимается, и задача приобретает статус обычной.

К объемной или трудновыполнимой задаче, на реализацию которой требуется более одного активного шага, применяется проектный подход.

Проектный подход – способ структурирования деятельности, направленной на определенный результат, при котором она разбивается на более мелкие завершенные единицы работ [17, с. 92]. Порядок реализации проектного подхода при составлении планов на неделю следующий:

1. Выделить задачи – проекты, создать соответствующий список в *Zimbra*, присвоив каждой задаче-проекту категорию и цветовой индикатор.

2. Разделить данные задачи на подзадачи – единицы работы, каждая из которых должна иметь свой срок завершения и определенный промежуточный результат.

3. Определить длительность каждой подзадачи таким образом, чтобы она составляла не более 2-3 часов.

4. Определить сроки и последовательность выполнения каждой подзадачи.

5. Зарезервировать время в плане дня (недели) на данные единицы работы.

Каждое мероприятие фиксируется как отдельная задача в *Zimbra*. Если данное мероприятие относится к категории жестких или регулярных жестких задач, то оно помещается в раздел «Календарь», где фиксируется точное время встречи или время выполнения данной задачи. Если мероприятие не привязано к точному времени выполнения, то оно фиксируется в подразделе «Список дел», с заполнением всех необходимых полей.

Для обеспечения эффективности недельного планирования придерживаются следующих правил:

– среди входящих задач на неделю есть задачи, относящиеся к планам подразделения, текущим поручениям, а также непредвиденные незапланированные задачи, следовательно, при планировании недели важно учитывать принцип «60:40», где жестко планировать рекомендуется только 60 % рабочего времени, а 40 % времени оставлять незапланированным с целью обеспечения гибкости и выполнимости плана;

– при планировании используются формулировки, определяющие результат выполнения задачи;

– в *Zimbra* фиксируются все поступающие задачи;

– невыполненные и незавершенные задачи в обязательном порядке переносятся в план следующей недели.

Планирование дня отличается от планирования недели, поскольку состоит из более мелких задач и практических шагов по их реализации. Конкретные действия могут быть с высокой точностью спрогнозированы по затратам времени.

По результатам планирования дня на сетке календаря в *Zimbra* фиксируются жесткие встречи, выделенные синим, бюджетируемые задачи, выделенные зеленым, и высокоприоритетные задачи, выделенные красным цветом. Кроме того, можно видеть многодневные события, попадающие на данный день. В разделе «Список дел» остаются гибкие и неприоритетные задачи.

По ходу реализации плана на день, выполненные задачи, поставленные самостоятельно, отмечаются как завершенные. Для этого в подменю «Состояние» выбирается пункт «Завершена» либо ставится галочка в квадрате, расположенном слева от названия каждой задачи на панели задач. Если задача была поставлена руководителем как поручение в *Zimbra*, то она отмечается как завершенная.

Составление плана осуществляется на основе технологии планирования дня, которая направлена на создание рабочего плана на день в *Zimbra*. Технология планирования дня состоит в последовательном выполнении 5 основных шагов:

– создание обзора всех дел;

– расстановка приоритетов;

– оценка и планирование продолжительности каждого дела;

– внесение приоритетных дел в календарь;

– планирование неприоритетных дел, перерывов, рутинной работы.

Система обзора задач является способом визуализации информации и позволяет видеть все задачи, имеющиеся для выполнения на данный день. Обзором является сгруппированный список задач на день, настроенный таким образом, что задачи располагаются в порядке убывания важности.

При получении сотрудником вновь поступившей задачи через систему электронного документооборота, она зафиксируется (в зависимости от вида – жесткая или гибкая) в разделе «Календарь» либо в подразделе «Список дел» в *Zimbra*.

Для создания обзора всех дел на день, просматривается категория «1-Неделя» и переносится в категорию «1-День» все задачи, которые нужно выполнить в данный день. Присвоить категорию «1-День» можно, нажав кнопку «Выбрать категорию» на панели инструментов справа и поставив соответствующую цветовую метку (дополнительно к существующим контекстам). Обзор задач всегда фиксируется письменно и в нем представляются все задачи на данный день (включая неприоритетные, необязательные и т.д.).

Расстановка приоритетов позволяет определить очередность выполнения дел, сконцентрировать фокус внимания на наиболее существенных. Приоритет присваивается на основе технологии расстановки приоритетов [18, с. 23].

Инструментом, предназначенным для определения приоритетов, является матрица распределения задач, в которой по вертикали отмечается важность задачи, по горизонтали – срочность задачи (рис. 5).

В зависимости от степени срочности и важности задачи могут быть отнесены к одной из четырех групп:

1) срочные и важные дела – требуют немедленного выполнения;

2) несрочные и важные дела – наиболее приоритетные: в плане дня резервируется специальное время на их выполнение;

3) срочные и неважные дела – не являются приоритетными, требуется найти способ сократить время на их выполнение (за счет делегирования, стандартизации и т.д.); важно не путать их со срочными и важными;

4) несрочные и неважные дела – реализуются по остаточному принципу.

Для того, чтобы облегчить восприятие относительной приоритетности различных задач, можно распределить приоритеты следующим образом:

A – *высокий*: срочное и важное;

B – *средний*: или срочное или важное;

C – *низкий*: несрочное и неважное.

Приоритет присваивается каждой задаче в категории «1-День» и в разделе «Календарь». Для этого требуется открыть окно задачи и в поле «Тема» перед формулировкой задачи проставить букву, определяющую уровень

	Срочные	Несрочные
ВАЖНЫЕ	1	2
НЕВАЖНЫЕ	3	4

Рисунок 5 – Матрица распределения задач
Figure 5 – Task allocation matrix

приоритета с двоеточием. Например, имеется следующая формулировка задачи «Портал: Петров: обсудить расписание мероприятий». После присвоения высокого приоритета формулировка будет выглядеть: «A: Портал: Петров: согласовать расписание мероприятий». Подобное именование позволяет с первого взгляда понять, к какому приоритету относится данная задача.

Для каждой задачи определяется длительность ее реализации, что является основой для дальнейшего планирования и контроля. Подобная оценка позволяет понять, насколько реально выполнение всего запланированного на данный день объема работ, а также выделить крупные и мелкие задачи. Продолжительность определяется на основе прошлого опыта выполнения задач подобного типа либо методом экспертной оценки [19].

При определении длительности указывается минимальное, но достаточное время для выполнения задачи. В подразделе «Список дел» в категории «1-День» продолжительность можно обозначить, нажав в окне выбранной задачи на панели инструментов кнопку «Подробно» и заполнив поле «Объем работ».

На основе приоритетов и длительности задач в календаре формируется план на день. При формировании плана в разделе «Календарь» вносятся жесткие задачи (встречи, совещания и т.п.) с учетом продолжительности и отмечаются синим цветом. Также резервируется время на выполнение гибких задач из категории «1-День» с высоким приоритетом. Резервы – запасы по срокам и ресурсам, закладываемые при планировании. Чем выше непредсказуемость ситуации и ниже вероятность осуществления первоначального плана, тем больше должны быть резервы, закладываемые в план.

После внесения в календарь жестких, приоритетных и бюджетируемых задач оценивается количество жестко спланированного времени и временных резервов. В случае, если количество жестко спланированного времени не превышает 60 процентов от всей длительности рабочего дня, на оставшиеся временные резервы (40 процентов) планируются менее приоритетные дела, перерывы, выполнение рутинной работы. В ином случае непри-

Таблица 3 – Принципы планирования дня государственного служащего

Table 3 – Civil servant day planning principles

№	Принцип	Описание
1	Основное соотношение планирования – 60:40	В случае, если непредвиденных задач не возникает, то данные резервы времени заполняются более мелкими задачами из категории «Гибкие». Подобная система планирования позволяет оперировать только крупными и приоритетными делами дневного масштаба, не отвлекаясь на множество мелких [21, с. 6]
2	Регулярность планирования	Ежедневно, еженедельно, ежемесячно, ежегодно
3	Реалистичность	Планирование такого объема задач, с которым реально возможно справиться
4	Гибкость	Составление плана таким образом, чтобы в случае появления непредвиденного обстоятельства план можно было бы изменить. Наличие в плане альтернативных действий
5	Письменная форма	Фиксация всех дневных планов в *Zimbra*
6	Установление приоритетов	В плане должно обозначаться, какие дела являются наиболее важными. Им необходимо отводить больше времени
7	Нормирование работы	Для каждой задачи должно быть выделено определенное количество часов, минут на основании личного опыта. Работа должна занимать столько времени, сколько на нее отведено.
8	Определение критериев выполнения	Для каждой задачи должен быть установлен критерий, по которому она будет считаться выполненной. Критерии могут устанавливаться самостоятельно, могут быть определены в планах работы подразделения или установлены руководителем
9	Ориентированность на результат	Фиксация в планах результата вместо действий на основании определенных критериев выполнения
10	Последовательность	Задачи необходимо выполнять последовательно. Планы должны предусматривать начало работы только тогда, когда закончена предыдущая (или ее обособленный блок)
11	Перенос несделанного	Невыполненные задачи, которые нельзя вычеркнуть совсем, переносятся в план следующего дня
12	Согласование планов	Для того чтобы планы были более выполнимыми, их нужно согласовывать с позициями и намерениями других заинтересованных (вовлеченных) людей [22, с. 18]
13	Разнообразие	Наличие в плане чередования разнообразной деятельности

оритетные дела оставляются в списке гибких задач, а в календаре формируются временные резервы между крупными и приоритетными задачами.

Список задач в категории «1-День» просматривается в течение дня несколько раз по окончании выполнения каждого крупного дела с целью структурирования внимания и возможности выбора задачи при наличии резерва времени. Также данная категория просматривается в случае отмены какой-либо из ранее запланированных жестких задач. При планировании дня используются следующие принципы, указанные в таблице 3.

При поступлении новой информации в электронной форме, на бумажных носителях, в ходе телефонных звонков, личных контактов или совещаний определяется, чем является данная информация. В случае, если эта информация не требует от сотрудника последующих действий (не является задачей для исполнения), важно оценить, потребуется ли она в будущем.

Если информация потенциально полезна для работы, то она помещается в индивидуальный архив на компьютере пользователя в качестве справочной. Информация, не требующаяся для работы, удаляется.

В ситуации, если это задача и требуется ее исполнение, следующим действием будет определение длительности ее реализации. Если на ее исполнение требуется менее 2 минут, данная задача выполняется сразу. В ином случае (если на выполнение требуется более 2 минут), данная задача должна быть письменно зафиксирована в *Zimbra*. Чтобы определить раздел *Zimbra* в который будет занесена задача, требуется оценить вид задачи.

Если задача имеет привязку к определенному времени и трактуется, как жесткая, то она вносится в раздел «Календарь» *Zimbra* и планируется в соответствии с выделенным на нее временем, при необходимости в окне задачи заполняется поле «Место». Если задача является регулярной, то задается частота ее повторения и данная задача автоматически заносит-

ся в соответствующие дни «Календаря». Также вносятся в «Календарь» задачи, являющиеся многодневными событиями.

Если задача является гибкой, не привязанной к определенному времени выполнения, то она заносится в подраздел «Задачи» или в подраздел «Список дел» *Zimbra*.

В случае наличия у сотрудника полномочий делегирования, при фиксации задачи требуется принять решение, будет ли задача исполняться лично или она будет делегирована. Если задача делегируется, то она назначается исполнителю и в дальнейшем контролируется как поручение. Делегированию по общему правилу подлежат: рутинная работа, специализированная деятельность, частные вопросы, подготовительная работа (по проектам, по организации мероприятий, по составлению чернового варианта документации и т.п.), а также важные средне- и долгосрочные задачи, способные повысить заинтересованность сотрудника, которому делегируются такие задачи, и содействовать росту его профессионального уровня [20, с. 131].

По окончании рабочего дня выполняются следующие действия:

– контроль выполнения задач;

– оценка наличия невыполненных мероприятий и причин возникновения отклонений от плана;

– оценка соотношения затрат времени на приоритетные задачи и текущую работу.

Если в течение дня количество текущей работы существенно превышает количество выполняемых приоритетных задач, система определения приоритетов подлежит пересмотру.

Организация процесса внедрения программного обеспечения в деятельность ОИВ и обеспечение эффективного взаимодействия его участников проводится по схеме, представленной ниже [23, с. 279]:

1. Утверждение приказа ОИВ о внедрении программного обеспечения.

2. Организация установочного совещания с коллективом.

3. Первичная ТМ-диагностика.

4. Обучение сотрудников.

5. Внедрение программного обеспечения.

6. Повторная ТМ-диагностика.

После принятия решения о развертывании программного обеспечения работы в деятельность ОИВ издаётся соответствующий приказ. Приказ издаётся в Министерстве соответствующего ОИВ.

Далее проводится первичная диагностика состояния тайм-менеджмента (далее – ТМ-диагностика) в конкретном ОИВ. Оценочным показателем первичной ТМ-диагностики является количество сотрудников ОИВ, занимающих должности государственной гражданской службы, постоянно использующих программное обеспечение работы для планирования рабочего времени.

По окончании ТМ-диагностики ответственный за развертывание системы тайм-менеджмента формирует отчёт и утверждает его у руководителя ОИВ.

После проведения первичной ТМ-диагностики проводится обучение сотрудников ОИВ. Обучение проводится в виде семинаров, в том числе и с привлечением, при необходимости, внешних консультантов. В зависимости от задач ОИВ, зафиксированных в соответствующем положении об ОИВ, обучение проводится для всех сотрудников, занимающих должности государственной гражданской службы, либо для ключевых сотрудников, с последующим обучением ими остальных сотрудников в форме наставничества. После проведения обучения в подразделении проводится внедрение инструментов тайм-менеджмента согласно утвержденному плану.

Представленная в данной работе программа в 2018 году была внедрена в деятельность Министерства сельского хозяйства, торговли, пищевой и перерабатывающей промышленности Хабаровского края. Оценку эффективности использования программы *Zimbra* осуществлял Департамент по вопросам государственной службы и кадров Губернатора Хабаровского края, который занимался внедрением технологий тайм-менеджмента в органы власти Правительства Хабаровского края.

Так, согласно исследованиям Департамента, использование программы *Zimbra* повлияло на эффективность использования рабочего времени госслужащими следующим образом (табл. 4) [24, с. 109].

Таблица 4 – Оценка эффективности использования программного продукта *Zimbra* в деятельности Министерства

Table 4 – Evaluation of the effectiveness of using the *Zimbra* software product in the activities of the Ministry

№	Список дел	Затраты времени в неделю, ч		Разница, ч
		до внедрения ПО	после внедрения ПО	
1	Работа с документами (распечатка, формирование архива)	4,1	2,706	1,394
2	Телефонные разговоры	4	3,28	0,72
3	Прием граждан для консультаций	3,5	2,87	0,63
4	Подготовка ответов на запросы ОИВ, обращения граждан	4,2	2,772	1,428
5	Организация совещаний	3,8	3,382	0,418
6	Присутствие на совещании	5,9	5,251	0,649
7	Заполнение отчетов	2	1,7	0,3
8	Разработка НПА, касающихся работы отдела	1,9	1,672	0,228
9	Подготовка докладов на совещания, семинары	3	2,67	0,33
10	Сбор информации для свода от структурных подразделений, ОИВ, муниципальных образований	4,6	3,91	0,69
11	Согласование документов с руководителями и подразделениями	11,4	7,524	3,876
12	Использование технологий ТМ	0	1	– 1
	Итого:	**48,4**	**37,74**	**10,6**

Из таблицы 3 видно, что фактически сотрудники министерства работают больше, чем определено законодательством (48 вместо 40 ч.). Значительную часть времени «съедает» работа с документами и их согласование с другими подразделениями.

На первый взгляд, после изучения алгоритма работы в программе *Zimbra*, создается впечатление, что столь детальное планирование расходов времени и разделение видов работ с учетом приоритетов, занесение списка задач в специальный план-график может привести к увеличению временных затрат и усилению формализации выполняемых действий. На начальном этапе применения данного инструмента тайм-менеджмента сотрудниками ОИВ это действительно будет так – на то, чтобы выполнить все названные виды работ действительно потребуется значительное дополнительное время. Однако, по мере того, как у сотрудников вырабатывается навык работы в данной программе, затраты времени существенно сокращаются и, как показало внедрение данной программы в деятельность ОИВ, работа в программе занимает у сотрудника всего один час в неделю. При этом расчетная экономия временных затрат после внедрения данного инструмента тайм-менеджмента составляет 10,6 ч. в неделю или 20 % рабочего времени госслужащего.

Показателем эффективности внедрения программного продукта *Zimbra* в деятельность органов исполнительной власти является частичное или полное нивелирование наиболее частых причин потерь рабочего времени сотрудниками ОИВ.

Например, такая острая проблема, как чрезмерная загрузка сотрудников рабочими задачами, неполная укомплектованность отделов и департаментов ОИВ работниками будет решена за счет того, что в программе *Zimbra* возможно делать все ресурсы (адресную книгу, или часть её, некоторые каталоги с письмами, документы, календари и задачи) доступными для других пользователей, например, для всех сотрудников внутри отдела. Таким, образом, в случае ухода одного из сотрудников в отпуск или на больничный, другие сотрудники отдела будут иметь доступ к рабочим материалам и задачам своего коллеги и задача будет передана другому исполнителю без потерь времени.

Проблема отсутствия у сотрудников навыка расстановки приоритетов в выполнении задач решается использованием панели инструментов с цветовыми метками, что позволяет определить очередность выполнения задач, сконцентрировать фокус внимания на наиболее существенных.

Как показали опросы, многие сотрудники ОИВ сталкиваются в своей работе с тем, что не имеют полного представления о предстоящих задачах на день, неделю, месяц и путях их ре-

шения. Данная проблема решается после того, как у сотрудника вырабатывается навык создания в программе *Zimbra* системы обзора планов на неделю, что позволяет материализовать информацию, упорядочить предстоящие задачи и оценить объем предстоящих работ.

Таким образом, вышеописанная система организации работы способствует выявлению поглотителей времени, дублирующих функций и организации оптимальной модели штатного расписания ОИВ.

Экономия времени может достичь 20-25 % от продолжительности рабочего дня. Это дополнительно мотивирует сотрудника - служащий имеет возможность не задерживаться на работе и решает порученные задачи в срок.

Внедрению представленной технологии тайм-менеджмента в деятельность ОИВ способствует высокая формализованность работы на государственной службе, возможность регламентации большинства процессов, традиции планирования, организации и администрирования, контроля, принятые в ОИВ [25, с. 85].

При этом данная система организации работы предполагает гибкую систему технологий управления, которая легко адаптируется к изменяющейся среде, возникающим трудно формализуемым задачам и способствует повышению не только персональной производительности сотрудников, но и эффективности вертикального и горизонтального взаимодействия сотрудников ОИВ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жукова С.М. (2014). Государственная гражданская служба в Российской Федерации : монография. Оренбург : ООО ИПК «Университет». 116 с.

2. Беляев А.М. (2015). Современные кадровые технологии в органах власти : монография. М. : Юстицинформ. 661 с.

3. Слепцова Е.В., Примаков А.В. (2018). Особенности организации труда государственных служащих // Экономика и бизнес: теория и практика. № 12-2.

4. Попова Е.П., Яковлева Т.К. (2014). Компетентностный подход к проблеме эффективности деятельности руководителя // Вопросы управления. № 5. URL: http://journal-management.com/issue/2014/05/10 (дата обращения: 27.11.2020).

5. Смурыгина Е.А., Какадий И.И. (2017). Основные принципы организации труда в системе государственного и муниципального управления // Научный журнал «Дискурс». № 2 (4). С. 127–132.

6. Архангельский Г.А. (2005). Тайм-менеджмент в системе управления организацией : автореферат диссертации кандидата экономических наук : 08.00.05 / Моск. фин.-промыш. акад. М. 25 с.

7. Воронин А.Ю., Воронин Ю.А. (2005). Задачи искусственного интеллекта и управление персоналом геологоразведочных организаций : монография. Новосибирск : Изд-во Ин-та вычисл. математики и мат. геофизики СО РАН. 259 с.

8. Белицкая И.А. (2017). Особенности правового регулирования работы за пределами установленной продолжительности рабочего времени : монография. М. : «КОНТРАКТ». 215 с.

9. Ильина А.М. (2018). Управление рабочим временем руководителя в организации // Актуальные вопросы экономики и управления : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (2 марта – 4 апреля 2018 г.). Новосибирск : Центр развития научного сотрудничества. 202 с.

10. Семенюк Е.А., Судакова В.И. (2017). Тайм-менеджмент как механизм повышения личной эффективности руководителя // Современные инструменты и техники организации личной работы руководителя : сборник материалов международной научно-практической конференции 21–22 июля 2017 г. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. 117 с.

11. Юрченко К.А. (2017). Тайм-менеджмент как элемент повышения эффективности деятельности госслужащих // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности : сборник статей международной научно-практической конференции 13 марта 2017 года : в 2 частях. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна». 219 с.

12. Denhardt J.V., Denhardt R.B. (2015). The New Public Service Revisited, *Public Administration Review*, vol. 75, pp. 664–672.

13. Минченко О.С. (2020). Взаимосвязь структурной оптимизации и эффективности работы федеральных органов исполнительной власти // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 41–59.

14. Добролюбова Е.И. (2018). Государственное управление по результатам в эпоху цифровой трансформации: обзор зарубежного опыта и перспективы для России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 70–93.

15. Поличка А.Е. (2017). Технологическая подготовка методических систем в информационно-коммуникационных предметных средах : монография. Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского государственного университета. 168 с.

16. Южаков В.Н., Талапина Э.В., Клочкова Е.Н., Ефремов А.А. (2017). Государственное управление в сфере стимулирования развития информационных технологий : проблемы и направления совершенствования // Журнал юридических исследований. Т. 2. № 3. С. 89–100.

17. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Александров О.В. (2014). Внедрение управления по результатам в рамках реализации административной реформы в Российской Федерации: на пути к созданию новой модели государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 28–47.

18. Корчагин С., Польшиков Б. (2018). Цифровая экономика и трансформация механизмов государственного управления. Риски и перспективы для России // Свободная мысль. № 1 (1667). С. 23–36.

19. Старостин В.А. (2019). К вопросу о политической стороне рабочего времени // Вопросы управления. № 2. URL: http://journal-management.com/issue/2019/02/09 (дата обращения: 28.11.2020).

20. Решетникова Д.С. (2016). Факторы общественной оценки эффективности деятельности гражданских служащих при оказании государственных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 131–164.

21. Борщевский Г.А. (2016). Численность кадров государственной службы как индикатор эффективности ее реформирования // Государственная служба. № 3. С. 6–10.

22. Барабашев А.Г., Макаров А.А., Макаров И.А. (2019). О совершенствовании индикативных оценок качества государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 7–39.

23. Маковий К.А., Хицкова Ю.В. (2018). Особенности разработки приложения оценки целесообразности внедрения облачных технологий в деятельность организации // Информационные технологии в науке, образовании и производстве: VII Международная научно-техническая конференция (17–19 октября 2018 г.) : сборник трудов конференции. Белгород : Издательство ООО «ГиК». 566 с.

24. Блинова Т.Н., Торопова Т.А. (2018). Цифровые технологии как способ повышения эффективности тайм-менеджмента в деятельности государственных гражданских служащих (на примере Министерства сельского хозяйства, торговли, пищевой и перерабатывающей промышленности Хабаровского края) // Основные тенденции и перспективы развития экономики в координатах цифровой эры: сборник научных статей по материалам конференции (декабрь 2018 г.). Хабаровск : РИЦ ХГУЭП, 327 с.

25. Косоруков А.А. (2017). Цифровое правительство в практике современного государственного управления (на примере Российской Федерации) // Тренды и управление. № 4. С. 81–96.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Басова Светлана Николаевна – кандидат экономических наук, доцент; Дальневосточный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33); swetl1974@yandex.ru.

Сидорова Наталья Петровна – кандидат социологических наук, доцент; Дальневосточный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33); kafmipp@mail.ru.

Торопова Татьяна Александровна – кандидат экономических наук; Дальневосточный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33); babukh@mail.ru.

DIGITAL SOLUTIONS FOR TIME MANAGEMENT IN THE STATE GOVERNMENT BODIES

S.N. Basova[a], N.P. Sidorova[a], T.A. Toropova[a]

[a]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Problem statement and research relevance. Digital transformation penetrates into various spheres of life and activities of people, thus setting new goals and tasks to the state government bodies which exceed the scale and are more complex that those of the previous years. Today the state government bodies have to not only update the traditional and common management methods, but also increase efficiency of their activities.

One of the most important priorities of state policy is to increase the efficiency of the civil service in general and the effectiveness of state civil servants in particular. Violation of the time of execution of certain types of work destroys the general work flow of the executive body, because the tasks are often interdepartmental and are included in interdepartmental work plans. In most cases the cause of violation of deadlines is the inability of a particular employee to organize and fulfill their work.

So, it is important to increase efficiency of the work of civil servants with the help of modern automated systems of time management.

Goal. Identification of the reasons for inefficient time management of civil servants and confirmation of urgency, relevance and usefulness of special software to provide better time management in the state government bodies.

Methodological basis. To reach the goal, a sociological survey method was used, as well as competent-based scientific-methodological approach, economic and statistical methods and the method of document analysis.

Material for research. The research is based on the analysis of monographs, articles published in the peer-reviewed journals, conference proceedings and special literature and periodicals on the issues of time management technologies in the state government bodies. The practical part of research is based on the data of the Department of Public Service and Personnel of the Governor of the Khabarovsk Region.

Results. In the course of the study, it was found that due to the specifics of the activities of the executive authorities, civil servants are forced to work intensively, in conditions of short deadlines and a continuous flow of a large amount of documents.

Research results made it possible to prove the effectiveness of the use of special software *Zimbra* in the activities of the Ministry of Agriculture, Trade, Food and Processing Industry of the Khabarovsk Region. Efficiency is expressed in reducing the time waste of civil servants by 20

Scientific novelty. The research promotes perfection of time management in the state government bodies with the help of automated software for working time planning, which is a part of digital transformation of the society.

Conclusions. The implementation of special software in the activities of the executive authorities will ensure efficient structuring, planning and use of time to fulfill the tasks of both individual departments and the government body as a whole.

KEYWORDS: time management, executive authority, civil service, software.

FOR CITATION: Basova S.N., Sidorova N.P., Toropova T.A. (2021). Digital solutions for time management in the state government bodies, *Management Issues*, no. 3, pp. 162–177.

REFERENCES

1. Zhukova S.M. (2014). State Civil Service in the Russian Federation. Orenburg: LLC IPK "University". 116 p.

2. Belyaev A.M. (2015). Modern personnel technologies in the authorities. Moscow: Justicinform. 661 p.

3. Sleptsova E.V., Primakov A.V. (2018). Features of the organization of civil servants, *Economics and business: theory and practice*, no. 12-2.

4. Popova E.P., Yakovleva T.K. (2014). Competence approach to a management efficiency problem, *Management Issues*, no. 5. URL: http://journal-management.com/issue/2014/05/10 (accessed 27.11.2020).

5. Smurygina E.A., Kakadiy I.I. (2017). Basic principles of labor organization in the system of state and municipal administration, *Scientific magazine "Discourse"*, no. 2 (4), pp. 127–132.

6. Arkhangelsky G.A. (2005). Time management in the organization management system: Abstract of Ph. D. thesis. Moscow Financial and Industrial Academy. 25 p.

7. Voronin A.Yu., Voronin Yu.A. (2005). Tasks of artificial intelligence and personnel management of geological exploration organisations. Novosibirsk: Publishing house of the Institute for calculated mathematics and mathematical geophysics of the SB RAS. 259 p.

8. Belitskaya I.A. (2017). Features of the legal regulation of work outside the established duration of working time. Moscow: "Contract". 215 p.

9. Ilyina A.M. (2018). Managing the working time of the head in the organization, Actual issues of economics and management. In: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference (March 2 – April 4, 2018). Novosibirsk: Center for the Development of Scientific Cooperation. 202 p.

10. Semenyuk E.A., Sudakova V.I. (2017). Time management as a mechanism for improving the personal effectiveness of the head. In: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Modern tools and techniques of the organization of personal work of the head" (July 21–22, 2017). Tambov: Tambov State University named after G. Derzhavin. 117 p.

11. Yurchenko K.A. (2017). Time management as an element of improving the efficiency of civil servants. In: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Breakthrough economic reforms in conditions of risk and uncertainty" (March 13, 2017). Ufa: Limited Liability Company "Aterena". 219 p.

12. Denhardt J.V., Denhardt R.B. (2015). The New Public Service Revisited, *Public Administration Review*, vol. 75, pp. 664–672.

13. Minchenko O.S. (2020). The relationship of structural optimization and efficiency of the federal executive bodies, *Issues of state and municipal management*, no. 1, pp. 41–59.

14. Dobrolyubova E.I. (2018). State office for the results in the era of digital transformation: an overview of foreign experience and prospects for Russia, *Issues of state and municipal management*, no. 4, pp. 70–93.

15. Polychka A.E. (2017). Technological preparation of methodological systems in information and communication subject environments. Khabarovsk: Publishing House of Pacific State University. 168 p.

16. Yuzhakov V.N., Talapina E.V., Klochkova E.N., Efremov A.A. (2017). Public administration in the field of stimulating information technology development: problems and directions of improvement, *Journal of legal research*, vol. 2, no. 3, pp. 89–100.

17. Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N., Alexandrov O.V. (2014). The introduction of management of the results in the framework of the implementation of administrative reform in the Russian Federation: on the way to the creation of a new model of public administration, *Questions of state and municipal management*, no. 2, pp. 28–47.

18. Korchagin C., Polakakov B. (2018). Digital economy and transformation of government mechanisms. Risks and prospects for Russia, *Free thought*, no. 1 (1667), pp. 23–36.

19. Starostin V.A. (2019). On the question of the political side of working time, *Management issues*, no. 2. URL: http://journal-management.com/issue/2019/02/09 (accessed 28.11.2020).

20. Reshetnikova D.S. (2016). Factors of public assessment of the effectiveness of civil servants in the provision of public services, *Questions of state and municipal management*, no. 2, pp. 131–164.

21. Borshevsky G.A. (2016). The number of personnel of civil service as an indicator of the effectiveness of its reform, *Public service*, no. 3, pp. 6–10.

22. Barabashev A.G., Makarov A.A., Makarov I.A. (2019). On improving indicative assessments of the quality of public administration, *Questions of state and municipal management*, no. 2, pp. 7–39.

23. Makoviy K.A., Khitskova Yu.V. (2018). Features of developing an application for evaluating the

feasibility of introducing cloud technologies in the activities of the organization. In: Proceedings of the VII International Scientific and Technical Conference "Information technologies in science, education and production" (October 17–19, 2018). Belgorod: Publisher LLC "GiK". 566 p.

24. Blinova T.N., Toropova T.A. (2018). Digital technologies as a way to improve the effectiveness of time management in the activities of state civil servants (on the example of the Ministry of Agriculture, Trade, Food and Processing Industry of the Khabarovsk Territory). In: Proceedings of the conference "The main trends and prospects for the development of the economy in the coordinates of the digital era" (December 2018). Khabarovsk: RIC KhGUEP. 327 p.

25. Cosorukov A.A. (2017). Digital government in the practice of modern public administration (on the example of the Russian Federation), *Trends and management*, no. 4, pp. 81–96.

AUTHORS' INFORMATION:

Svetlana N. Basova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Far Eastern Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (33, Muravyov-Amursky St., Khabarovsk, 680000, Russia); swetl1974@yandex.ru.

Natal'ya P. Sidorova – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Far Eastern Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (33, Muravyov-Amursky St., Khabarovsk, 680000, Russia); kafmipp@mail.ru.

Tat'yana A. Toropova – Ph.D. of Economic Sciences; Far Eastern Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (33, Muravyov-Amursky St., Khabarovsk, 680000, Russia); babukh@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@ranepa.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Требования к структуре статьи

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к оформлению статьи

Объем статьи должен составлять не менее 0,75 п.л. (30 тыс. знаков) и не более 1 п.л. (40 тыс. знаков). Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 25 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках**:

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи

Рекомендуемый порядок изложения информации:

1) постановка проблемы – формулировка научной проблемы, в настоящий момент не полностью решенной в теоретическом или практическом аспекте, по которой имеются несоответствия между теоретическими предпосылками и реальностью и пр.;

2) конкретная научная задача, позволяющая решить научную проблему;

3) методологическая база – изложение концептуально-теоретических основ исследования;

4) используемые материалы (информационная база), методы исследования; данная часть должна содержать подробное описание используемого инструментария, с помощью которого решается научная проблема, а также эмпирические результаты апробации предложенной методики;

5) основные результаты исследования (решение научной проблемы), область их применения; данная часть представляет собой развернутое описание личного вклада автора в исследуемую проблему;

6) выводы, позволяющие дать ответ на поставленную проблему и обозначить дальнейшие направления исследования.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже.

Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах в следующей последовательности:

- ФИО (полностью),
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ), ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) (при наличии),
- место работы (учебы) и занимаемая должность,
- ученая степень, ученое звание,
- почтовый адрес (адрес указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом),
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (http://grnti.ru/) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов)

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**

Адрес редакции:
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
http://journal-management.com/

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Компьютерная вёрстка *Д.И. Трушков*

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012)

Дата выхода в свет 30.06.2021. Формат 60 × 84 1/8.
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 20,93. Уч.-изд. л. 16,11. Тираж 999.
Цена свободная.

Отпечатано в РИО Уральского института управления – филиала РАНХиГС.
Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. Заказ № 279.